

ISSN 2307-1966

НООСФЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

2025

4

НООСФЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Российский научный журнал (основан в 2003 году)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) как сетевое издание
Реестровая запись Эл № ФС77-78954 от 07 августа 2020 г.

2025

Сетевое издание

Вып. 4

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Редколлегия:

Д. Г. Смирнов, д-р филос. наук
(главный редактор)
(Россия, Иваново)

М. В. Жульков, канд. филос. наук
(ответственный секретарь)
(Россия, Иваново)

М. А. Меликан, канд. филос. наук
(технический секретарь)
(Россия, Иваново)

Г. П. Аксенов, канд. геогр. наук
(Россия, Москва)

П. А. Белоусов, канд. филос. наук
(Россия, Владимир)

А. Г. Гачева, д-р филол. наук
(Россия, Москва)

Н. Н. Лепина, д-р культурологии
(Россия, Ярославль)

Т. Н. Соснина, д-р филос. наук
(Россия, Самара)

Редсовет:

О. А. Базалук, д-р филос. наук
(Украина, Киев)

А. В. Брагин, д-р филос. наук
(Россия, Иваново)

О. А. Габриелян, д-р филос. наук
(Россия, Симферополь)

В. А. Грачев, д-р техн. наук
(Россия, Москва)

Т. С. Злотникова, д-р искусствоведения
(Россия, Ярославль)

Н. Н. Кожевников, д-р филос. наук
(Россия, Якутск)

Сильвия Минеева, д-р филос. наук
(Болгария, София)

В. В. Мантатов, д-р филос. наук
(Россия, Улан-Удэ)

Зоран Милошевич, д-р полит. наук
(Сербия, Белград)

С. В. Орлов, д-р филос. наук
(Россия, Санкт-Петербург)

Г. С. Смирнов, д-р филос. наук
(Россия, Иваново)

В. С. Фунтусов, канд. филос. наук
(Россия, Владивосток)

Адрес редакции:

153025 Ивановская обл., г. Иваново,
ул. Тимирязева, 5
Тел. (4932) 30-02-16
E-mail: nosnoos@ivanovo.ac.ru

Электронная копия выпуска доступна
на сайтах: <http://glonoos.com>
www.ivanovo.ac.ru, www.elibrary.ru
<https://cyberleninka.ru>

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редколлегии и редсовета.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Ноосферные исследования» не допускается

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА

Искусственный интеллект: средство, ставшее целью 3

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Кожевников Н. Н., Данилова В. С. Миф в контексте бытия 5

Жульков М. В. Симметрия и асимметрия в geopolитическом хронотопе России 18

ВЕРНАДСКИЙ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сухина И. Г. К вопросу о мировоззренческом значении концепции ноосфера 29

НООСФЕРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Булычев И.И. Функции естественного интеллекта негативного типа и их языковые (терминологические) описания 39

ПРИКЛАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ

Петряков Л. Дж. Парадокс эмпатии в русской литературе 52

Сидоров М. В. Фиджитал-мир и цифровое сознание 60

ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА

Лян Чуньюй. Язык как носитель культурной памяти: проблемы и устойчивость идентичности родного языка в условиях глобализации 65

Ветчинин Н. М. Язык цифрового сознания: категориальный тезаурус 71

ПРОЕКТЫ

Миловзорова М. А., Раскатова Е. М. Концепция выставочного проекта «Тарковский. Архитектура кино» 80

НООСФЕРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Романова А. Р. Формирование кибербезопасного поведения у младших подростков: оценка уровня осведомленности и влияние личностных факторов 88

ДЕБЮТ

Рассадин Р. Х. Проблемы и перспективы жизнедеятельности населения города-спутника 94

Информация для авторов 98

NOOSPHERIC STUDIES

Russian scientific journal (founded in 2003)

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor) as an online edition
Registry entry № ФС77-78954 of August 07, 2020

2025

Online edition

Vol. 4

Founder Ivanovo State University

Editorial Board:

D. G. Smirnov, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Chief Editor)
(Russia, Ivanovo)

M. V. Zhulkov, Cand. of Sc. (Philosophy)
(executive secretary)
(Russia, Ivanovo)

M. A. Melikyan, Cand. of Sc. (Philosophy)
(technical secretary)
(Russia, Ivanovo)

G. P. Aksenov, Cand. of Sc. (Geography)
(Russia, Moscow)

P. A. Belousov, Cand. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Vladimir)

A. G. Gacheva, Dr. of Sc. (Philology)
(Russia, Moscow)

N. N. Letina, Dr. of Sc. (Culturology)
(Russia, Yaroslavl)

T. N. Sosnina, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Samara)

Editorial Council:

O. A. Bazaluk, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Ukraine, Kiev)

A. V. Bragin, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Ivanovo)

O. A. Gabrielyan, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Simferopol)

V. A. Grachev, Dr. of Sc. (Technology)
(Russia, Moscow)

T. S. Zlotnikova, Dr. of Sc. (Art history)
(Russia, Yaroslavl)

N. N. Kozelevnikov, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Yakutsk)

Sylvia Mineva, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Bulgaria, Sofia)

V. V. Mantarov, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Ulan-Ude)

Zoran Milosevic, Dr. of Sc. (Politology)
(Serbia, Belgrade)

S. V. Orlov, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Saint-Petersburg)

G. S. Smirnov, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Ivanovo)

V. S. Funtusov, Cand. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Vladivostok)

Editorial address:

153025 Ivanovo region, Ivanovo,
Timiryazev str., 5
Phone. (4932) 30-02-16
E-mail: nocnoos@ivanovo.ac.ru

Electronic copy of articles posted on sites:
<http://glonoos.com>
www.ivanovo.ac.ru, www.elibrary.ru
<https://cyberleninka.ru>

The author's point of view may not coincide with the opinion of the editorial board and editorial council.

Any reprints without editorial office permission are not allowed

CONTENT

EDITORIAL COLUMN

Al: means turned into an end 3

THEORY AND METHODOLOGY

Kozhevnikov N. N., Danilova V. S. Myth in the context of being 5
Zhulkov M. V. Symmetry and asymmetry in the geopolitical chronotope of Russia 18

VERNADSKY AND MODERNITY

Sukhina I. G. To the question of the worldview significance of the noosphere concept 29

NOOSPHERIC ANTHROPOLOGY

Bulychev I. I. Functions of natural intelligence of the negative type and their linguistic (terminological) descriptions 39

APPLIED PHILOSOPHY OF CONSCIOUSNESS

Petryakov L. D. The paradox of empathy in Russian literature 52
Sidorov M. V. Phygital world and digital consciousness 60

PHILOSOPHY OF LANGUAGE

Liang Chunyu. Language as a carrier of cultural memory: problems and sustainability of mother tongue identity in the context of globalization 65
Vetchinin N. M. The language of digital consciousness: a categorial thesaurus 71

PROJECTS

Milovzorova M. A., Raskatova E. M. Concept of the exhibition project "Tarkovsky. Architecture of Cinema" 80

NOOSPHERIC SAFETY

Romanova A. R. Developing cybersafe behavior in younger adolescents: assessing the level of awareness and the influence of personality factors 88

DEBUT

Rassadin R. Kh. Problems and prospects of the life activity in the satellite town 94

Information for the authors 98

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: СРЕДСТВО, СТАВШЕЕ ЦЕЛЬЮ

Актуальная ноосфера все более являет миру свой цифровой лик. Есть мнение, что подобная цефализация ноосферы [Смирнов, 2012] есть закономерный и прогрессивный этап разворачивания одной из ее подсистем — техносферы. Особо сильно этот тезис звучит в контексте наступающих процессов информатизации и цифровизации.

В целом — на уровне эмпирического наблюдения — эта позиция находит массу подтверждений. Но философский (в частности, системный анализ) подход оказывается не столь категоричен. Думается, что профессор И. В. Дмитревская точно подметила принципиальную разницу между ноосферной и техносферной динамикой. Так, «особенностью техносферы является ее полная идентичность с ноосферой по формальным системным характеристикам: она также информационна по концепту, имеет энергетическую структуру и вещественный субстрат. Однако эти характеристики наполняются более бедным предметным содержанием. Существенно то, что информационно-энергетические структуры здесь реализуются на косном вещественном субстрате. Субстратная ограниченность накладывает отпечаток на содержание структуры и концепта: информация здесь иного вида, это логические системы, и в одной, кодовой форме. Кибернетическая машина, оперируя знаниями, лишена способности понимать то, что она знает. Соответственно виды энергии в технике ограничены физической и механической. В отличие от явлений биосферы и ноосферы элементы техносферы не используют информацию в целях сохранения собственной целостности: техносфера чрезвычайно ненадежна» [Дмитревская, 2023: 45].

Герменевтическое погружение в этот небольшой отрывок текста приводит в существенному выводу: техносфера «подражает» ноосфере (в формальных системных характеристиках). Модель качественного понимания вещей, представленная выше, позволяет зафиксировать сущностную (а, может быть, и экзистенциальную) специфику ноосферы. На концептуальном уровне в техносфере «работает» *информация*, тогда как в ноосфере системообразующим свойством выступает *знание*. На уровне системообразующих отношений в техносфере господствуют механистические формы, тогда как в ноосфере отдаётся приоритет социоформам — организмическим и социетальным. Техносфера разворачивается на косном субстрате, тогда как ноосфера тяготеет к живому разумному веществу. И, наконец, высокая степень устойчивости ноосферы соотносится со слабой устойчивостью техносферы. Таким образом, на первый взгляд схожие траектории социальной динамики на поверхку оказываются системно контрадикторными.

В теоретическом дискурсе ноосферной безопасности происходит смена парадигм: безопасность духовного производства оказывается все более значимой проблемой, «опережая» безопасность материального производства [Смирнов, 2021: 4]. Соответственно, техносферная парадигма постепенно уступает первенство ноосферной, что нашло свое отражение в тезисе о примате «духовного над материальным». Ситуация невездесущности искусственного интеллекта

и «его нейросетей» лишает его сакрального статуса. А это означает, что на повестке дня стоит вопрос об апологии естественного разума, как это уже имело место быть в «Цирце», где более простые (естественно алгоритмические) модели существования оказались наиболее востребованными «природосообразными» индивидами.

В актуальном технологическом укладе следует констатировать «системную ошибку», связанную со структурно-концептуальной инверсией. Структурный уровень системы волею «всезнающего познающего субъекта» захватил уровень концепта как системообразующего свойства, подстроив (а, точнее, подмяв) под себя всю системную целостность. Так, с позиции философии искусственный интеллект из средства превратился в цель. В онтологическом смысле он стал цифровым образцом сознания; в гносеологическом смысле «цифровое мышление» подменило собой живое человеческое мышление; в аксиологическом смысле цифровое бытие оказалось лишено целе-ценностного измерения (обращенного внутрь, а не вовне); в праксиологическом смысле цифровые практики вытеснили своих аналоговых предшественников.

Подобная ситуация подтасчивает как кантовскую категорическую парадигму, призывающую «относится к Другому как к цели, но не как к средству», так и пришвинскую парадигму, которая призывает «не быть как все, а быть как Сам». Когда средство становится целью, представление о самости задается ориентацией на большинство, тогда безопасность страны, общества и государства оказывается под угрозой. Ибо тогда размывается концепт, влекущий за собой социум, тогда эрозирует структура, ориентированная на ложные цели, тогда деградирует социальный субстрат, позабывший о фундаментальных антропологических практиках.

Четвертый номер «Ноосферных исследований» получился во многом мозаичным. Вместе с тем его стержнем стала проблема сознания: вопросы соотношения искусственного интеллекта и естественного разума, ноосферной и кибербезопасности, фиджитал-мира и цифрового сознания.

Библиографический список / References

Дмитревская И. В. Ноосфера как системно организованное всеобщее // Ноосферные исследования. 2023. Вып. 2. С. 38—52.

(Dmitrevskaya I. V. (2023) Noosphere as a systemic organized generality, Noospheric Studies, vol. 2, pp. 38—52. — In Russ.)

Смирнов Г. С. Цефализация ноосфера: эволюция разумного вещества на рубеже тысячелетий // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 2 (12). С. 17—30.

(Smirnov G. S. Cephalization of the noosphere: evolution of intelligent matter at the turn of the millennium, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2012, no. 2 (12), pp. 17—30. — In Russ.)

Смирнов Г. С. Ноосферная безопасность: смена парадигм // Ноосферные исследования. 2021. № 4. С. 3—4.

(Smirnov G. S. Noospheric security: a change of paradigms, Noospheric Studies, 2021, no. 4, pp. 3—4. — In Russ.)

Д. Г. Смирнов

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Научная статья

УДК 101.1

DOI: 10.46724/NOOS.2025.4.5-17

Н. Н. Кожевников, В. С. Данилова

МИФ В КОНТЕКСТЕ БЫТИЯ

Аннотация. Предпринимается попытка реконструкции единой системы координат бытия и мифа на основе предельных динамических равновесий. Обоснован предельно общий характер рассматриваемых понятий, являющихся дополнительными друг по отношению к другу. Базовые состояния каркаса бытия позволяют прояснить основные категории последнего, представленные как его аспекты. «Запутанность» релевантных понятий, их пересечение, изменение их статуса является одной из красных нитей, проходящих через всю историю философии. Панорама мифа и его характерных черт, представленная через его каркас, позволяет использовать любые ракурсы и взаимосвязи, которые всегда доступны и могут разворачиваться в ряды, группы, пары и другие образования. Развиваемый подход является совершенно естественным для сравнительной мифологии и может взаимодействовать с любыми ее традиционными методами. Зафиксировано, что мифологическое сознание — не вера, не знание, а бытие, предполагающее универсальное общение человека с природой с помощью фантазий. Однако это не абстрактные фантазии, они всегда наполнены всеми возможными факторами жизни, охватывая все стороны природы, человека, процессы взаимодействий, объединяющие возможное и невозможное.

Ключевые слова: миф, бытие, каркас бытия, динамическое равновесие, субстанция, сущность, существование, небытие.

Ссылка для цитирования: Кожевников Н. Н., Данилова В. С. Миф в контексте бытия // Ноосферные исследования. 2025. Вып. 4. С. 5—17.

N. N. Kozhevnikov, V. S. Danilova

MYTH IN THE CONTEXT OF BEING

Abstract. An attempt is made to reconstruct a unified coordinate system of being and myth based on extreme dynamic equilibria. The extremely general nature of the concepts under consideration, which are complementary to one another, is substantiated. The basic states of the framework of being allow us to clarify the latter's fundamental categories, presented as its aspects. The "entanglement" of relevant concepts, their intersection, and their changing status constitute one of the common threads running through the entire history of philosophy. A panorama of myth and its characteristic features, presented through its framework, allows for the use of any perspective and interrelationships, which are always accessible and can unfold into rows, groups, pairs, and other formations. The developed approach is completely natural for comparative mythology and can interact with all of its traditional methods. It is established that mythological consciousness is neither faith nor knowledge, but being, presupposing a universal

human communication with nature through fantasy. However, these are not abstract fantasies; they are always filled with all possible factors of life, encompassing all aspects of nature, man, and the processes of interaction that unite the possible and the impossible.

Keywords: myth, being, framework of being, dynamic equilibrium, substance, essence, existence, non-being.

Citation Link: Kozhevnikov N. N., Danilova V. S. (2025) Myth in the context of being, *Noospheric Studies*, no. 4, pp. 5—17.

Для того чтобы связать систему координат мира на основе предельных динамических равновесий ее вещей [Кожевников, 2020] с бытием, вводится понятие «каркас бытия», составленный из пределов всех конкретных вещей, уровней мира, соответствующих аспектам бытия (субстанции, сущности, существу, существованию, присутствию). В истории философии эти аспекты характеризуются запутанностью, но предельные состояния каркаса бытия позволяют многое в них прояснить, так что представления о «каркасе бытия» становятся довольно определенными. Рассматриваемую проблему также проясняют представления о мифе как о модели бытия. Рассмотрение «каркаса мифа» позволяет выявить его гомеоморфность «каркасу бытия».

Система координат мира на основе предельных динамических равновесий его вещей и методология исследований. Равновесные динамические границы вещей и их предельные состояния присутствуют на всех уровнях организации мира при всех типах квазиравновесных взаимодействий. Вследствие этого они наиболее подходят в качестве основания универсального подхода к исследованию самоорганизации мира. Любая вещь на всех уровнях структурной организации мира стремится к самоидентификации. С другой стороны, любая определившаяся вещь стремится вступить во взаимодействие с аналогичными вещами и сформировать устойчивую систему элементов. Основными характеристиками формирования вышеназванной системы координат являются «равновесная динамическая граница вещи», «область взаимодействия вещи» и «область формирования предельных равновесий вещи».

Равновесные динамические границы вещи возникают вследствие одновременного ее взаимодействия с тремя «областями взаимодействия вещи»: окружающей средой — Е, уровнем мира, его подуровнями и структурами — S, ритмами — R. Пребывая в неравновесном состоянии, вещь и все эти области могут сформировать между собой устойчивую равновесную динамическую границу, которая поддерживается связанными с ними взаимодействиями. Целесообразность рассмотрения самоорганизации вещи в трех вышеупомянутых областях обусловлена существованием различных типов порядка-хаоса, присущих различным субстанциям вещей и их взаимодействий в этих областях [Кожевников, 2022].

«Область формирования предельных равновесий вещи» включает в себя процессы идентификации, коммуникации, ритмизации и характеризуется параметрами Р, Н, R, где Р — феномен идентификации, Н — горизонт коммуникации, R — опорный ритм. Феномен идентификации равновесной границы является ее элементом (меткой), так что равновесная граница состоит из их набора. Предельным состоянием параметра идентификации является его полное совпадение с соответствующей границей. Горизонт коммуникации Н очерчивает область,

из которой поставляется или убирается ресурс для уточнения и упрочнения равновесной границы. Все «области взаимодействия вещи» поставляют ресурсы для формирования границы и имеют горизонты этих ресурсов. Опорный ритм R обеспечивает устойчивое взаимодействие между проекциями границ, участвующих в процессе этого формирования. Параметры P, H, R непрерывно изменяются и уточняются, но остаются устойчивыми, поскольку они непрерывно взаимодействуют друг с другом.

Предельные равновесные динамические границы вещи (предельные равновесия) характеризуются следующим:

1. Обладают завершенностью всех процессов идентификации, коммуникации, ритмизации по сравнению со всеми остальными равновесными границами.

2. Являются единым основанием (аттрактором) для всех остальных непредельных равновесных границ.

3. Области формирования равновесных границ вещи и областей их взаимодействия, на которые опираются эти границы, представляют собой хаотизированные образования.

4. Границы предельных динамических равновесий состоят из элементов порядка.

5. В реальных условиях такие полностью равновесные состояния и границы предельных динамических равновесий недостижимы вследствие тенденций, противостоящих им.

6. Взаимосвязанная совокупность предельных динамических равновесий становится системой координат мира [Кожевников, 2024].

Связь системы координат с бытием. Бытие — есть все существующее. А. Ф. Лосев в силу особенностей и обстоятельств своего времени выделяет одиннадцать материалистических и идеалистических подходов к представлению термина «Бытие», среди которых выделим «обобщенное существование, либо неразрывно связанное со всеми заполняющими его качествами и количествами, либо имеющее тенденцию, освободиться от них и образовать самостоятельную и абсолютную действительность» [Лосев, 1960: 209].

Традиционно в качестве различных аспектов бытия рассматриваются «субстанция», «сущность», «сущее», «существование», «присутствие». Следует отметить, что аспект — это взгляд, точка зрения, атрибут — неотъемлемое свойство, так что перечисленные выше понятия могут быть отнесены и к тому, и к другому. Далее будут употребляться оба понятия — и «аспект» и «атрибут» в зависимости от конкретных обстоятельств и контекста. Представления о Бытии и его основные принципы менялись со временем: от сформулированных элеатами (Парменид, Мелис) до концепций Н. Гартмана, М. Хайдеггера и других. История философии также сформировала в своем развитии онтологическую и гносеологическую парадигмы Бытия. Согласно первой, Бытие дано само по себе, и только взаимодействие с ним придает разумность человеческому мышлению и поступкам. Гносеологическая парадигма считает, что мир дан нам в формах познания, как отмечал Кант, будто он создан в соответствие с нашим разумом.

Основные особенности бытия. Человек укоренен в существующем и вследствие этого ему исключительно сложно «увидеть» существующее само по себе. Для этого необходима определенная «подсветка», которая может принимать самые разнообразные формы, которые философы характеризовали как

фундаментальное настроение, «осененность» бытием, «тягу повсюду быть дома» (Новалис), «бытие есть особый способ разговора, в котором только оно и возникает» (Хайдеггер), «незаконная радость» (Мамардашвили) и т. д. Несмотря на доступность бытия, с ним очень трудно взаимодействовать на всех уровнях мира. «Бытие — это не Бог и не основа мира. Бытие дальше, чем все сущее, и все же ближе человеку, чем любое сущее, будь то камень, животное, произведение искусства, машина, будь то ангел или Бог. Бытие есть наиближайшее. Однако близкое остается человеку самым далеким» [Хайдеггер, 1993: 202]. Однако человек имеет неограниченные возможности взаимодействовать с бытием, поскольку сам является его ярким представителем. В «Новых опытах о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии» Г. В. Лейбница писал: «И я хотел бы узнать, каким образом у нас могла бы быть идея бытия, если бы нам самим не было присуще бытие и мы не находили бы, таким образом, бытия в нас самих» [Лейбниц, 1983: 87].

Философия выявляет характер мышления, в котором может «открыться» бытие. «Это не последовательность логических операций, не поэтический вымысел (хотя то и другое присуще философской мысли), а особый способ жизни, существование в «бодрствующем» режиме, в котором можно удерживаться только крайним напряжением человеческих сил и только в течение некоторого времени, в краткие счастливые часы или даже минуты, прерывающие ход нашей обыденной жизни... Тот, кто постиг такую истину, должен быть «живым» в самом строгом смысле слова» [Губин, 1998: 7]. Такой точки зрения придерживался, например, Н. А. Бердяев, считавший, что бытие — это особая жизнь, в результате которой складывается специфическое отношение к миру. «Бытийную структуру человека Хайдеггер называет экзистенцией. Не мышление, а именно экзистенция как эмоционально-практически-понимающее сущее открыто смыслу бытия» [Гайденко, 2000: 344]. С. Л. Франк показал, что субъект может непосредственно созерцать не только содержание сознания, но и бытие. Значительную роль при этом играет «большое сознание — в широком смысле слова», которое объемлет все бытие, и оно не есть сознание как таковое, ибо то, что не охвачено этим широким сознанием, для нас вообще не существует. Сознание в узком же смысле слова по Франку — это поток переживаний, совокупность непосредственных впечатлений о мире, самосознание и т. п.

Разнообразие интерпретаций бытия связана, прежде всего, с его генезисом и определяется возникновением двух фундаментальных онтологий: космологической Парменида и антропологической Сократа. Их взаимодействие и развитие обусловило формирования представлений о бытии, понимаемом как мышление, совокупность идей, Бог, материя, система структурных уровней организации мира, Дух. Все эти определения представляют собой «вершину айсберга», за каждым из них, будь то материя или мышление, остается некий предельный остаток, который не может быть определен. Эти остатки можно косвенно определять по их отсутствию, потому что в любом присутствующем всегда ощущается срез, за которым должно было скрываться что-то еще, для того чтобы это существующее было целостным или целокупным. Несмотря на все эти таинственные остатки философия стремится их выразить каким-либо рационализированным способом. «В отличие от мистицизма философия хочет быть произнесенной тайной» [Ортега-и-Гассет, 1991: 107]. Бытие имеет внутреннее строение (структуре), которую рассматривали многие философы, используя для этого

самые различные подходы. Платон подразделял все существующее на материю и идеи, Демокрит — на атомы и пустоту. Свои структуры бытия были у Декарта, Локка, Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля и многих других.

Каркас бытия и его основные характеристики. Поскольку бытие включает в себя все существующее, оно неоднородно по своему составу, обладает различными качествами, в частности, в нем имеются и организованная, и хаотическая части, по которым и следует прежде всего рассмотреть его типологию. Хаотическая часть бытия включает в себя хаос и беспорядок (испорченный порядок) всех возможных видов. Организованная часть бытия связана с его аспектами и естественным образом подводит нас к введению понятия «каркас бытия», опирающийся на предельные динамические равновесия, совокупность которых и обеспечивает его существование. Каркас бытия представляет собой подвижное равновесие, опирающееся на детерминистический порядок-хаос и квазиравновесные, ориентированные на предельные динамические равновесия способы взаимодействия со всеми его частями.

«Каркас бытия» формируется на основе всех известных пределов аспектов бытия — «пределов аспектов бытия», связанных с огромным количеством конкретных вещей, уровней организации мира, их подуровней, всеми возможными видами субстанций и т. п. Кроме того, можно выделить общие для каркаса бытия максимальный и минимальный пределы, которые охватывают все существующее, обеспечивая его устойчивость, и которые взаимодействуют с любым из «пределов аспектов бытия». Таким образом, все аспекты существующего и их части взаимодействуют с максимальным и минимальным пределами равновесной структуры бытия. Кроме того, все эти пределы гомеоморфны друг другу.

О максимальном пределе каркаса бытия, охватывающем все существующее, догадывался еще, по-видимому, Парменид, считавший бытие неделимым, существующим только целиком, в настоящем времени и пространстве, которое не может быть в будущем или прошлом. Парменид считал его завершенным, существующим в строгих границах, похожем на идеальный шар, центр которого везде, а любая точка равноудалена от центра.

Минимальные пределы характеризуют уникальность отдельных частей бытия, поскольку вещь, уровень мира, субстанция, сущность и сущее начинаются с определенного минимального состояния и с соответствующей ей минимальной границы. Существование, присутствие могут быть только, если они имеют минимальную временную протяженность. Граница с небытием также представляет собой некий минимум.

Таким образом, пределы каркаса бытия связаны, с одной стороны, со всемобщим, целокупным, а с другой — с индивидуальным, уникальным. Эти пределы находятся в процессах постоянного формирования и уточнения, поскольку существующее охватывает все возможное, а последнее постоянно перераспределяется, переформировывается, возникает и исчезает и для его устойчивости необходим перманентный мониторинг этих процессов. Каркас бытия представляет собой как бы «мерцающий кластер» пределов различных типов, которые возникают и исчезают. Именно этот каркас обеспечивает устойчивость неоднородного бытия и относительных динамических равновесий между его частями. Он способствует охвату всего существующего и тому факту, что по всем возможным направлениям бытия всегда что-то есть.

Предельные состояния основных аспектов бытия. Рассмотрение аспектов бытия с точки зрения каркаса бытия позволяет прояснить представления о них. В истории философии «субстанция», «сущность», «сущее», «существование», «присутствие» в концепциях многих философов имели различную значимость, были тесно переплетены, веками шли споры об их статусе. При этом основные споры шли вокруг триады: «бытие», «сущее», «существование». Кроме того, возникали серьезные споры вокруг составных частей этих аспектов, которые также имели свою внутреннюю структуру. Широко известно, что Аристотель выделял два вида сущностей: первую и вторую, на основе которых была, например, обоснована философская интерпретация «троицы» в христианстве. Предельные состояния этих понятий позволяют выявить в них самое главное и тем самым подчеркнуть их основное назначение среди аспектов бытия. При этом возможны некоторые допущения, но подобные допущения о значении аспектов бытия принимались на протяжении всей истории философии, начиная с Парменида. Все аспекты бытия, рассмотренные через каркас бытия, будем называть «бытие аспекта» («бытие субстанции», «бытие сущности», «бытие сущего» и т. п.).

«Субстанциональный предел» охватывает «все существующее» через предельные границы всех возможных субстанций. Традиционные определения субстанции утверждают, что это то, что существует самостоятельно, само по себе и представляется само через себя, нечто устойчивое и постоянное. «Бытие субстанции» представляет собой границы материи, сознания, духа (духовности). Может быть выделено и бытие некой подсубстанции, в том числе, возможно, еще не открытой. Например, искусственный интеллект может рассматриваться как новое квазисубстанциональное образование субстанции бытия. «Бытие субстанции» является основанием для вещей и уровней мира, составляющих «бытие сущности» и «бытие сущего».

«Предел сущности» отражает тот факт, что все существующее может быть устойчивым только тогда, когда оно уникально. Философы позитивистской ориентации любили подчеркивать, что вещи существуют независимо от человека, задолго до его появления. Бытие сущности, представленное через каркас бытия, подчеркивает, что сущность относится к вещи. В частности, уникален человек, связанный с каркасом бытия, то есть бытийствующий человек, и только он может взаимодействовать с бытием, иметь судьбу.

«Предел сущего» через свои пределы связан с каркасом бытия и уровнем бытия (уровнем мира). На всех уровнях мира (неживое, живое, душа, дух) и их подуровнях сущее простирается невероятно глубоко, везде есть неизведанные слои, и процесс их исследования неисчерпаем. Например, на уровне неживого, согласно существующим гипотезам «видимой» (во всех диапазонах электромагнитных волн), оказывается процентов пять Вселенной. Все остальное приходится на «темную материю» и «темную энергию». На уровнях живого, души, духа их основания, «корни» также окутаны тайной. Крохотные миры индивидуального сознания, личности, культуры окружены океаном бытия, проявляющимся как психические процессы, бессознательное, процессы надсознания и т. п. Однако устойчивым доступное нам существующее может быть только совместно со всеми этими гипотетическими частями. В отношении душевного и духовного соответствующие практики, в том числе и религиозные, давно уже нашули некоторые решения этих проблем, опираясь на концепции Бога, Абсолюта и т. п.

Бытие сущего подчеркивает, что сущее относится к уровню структурного равновесия мира. Необыкновенная устойчивость уровней мира, его частей, подсистем обеспечивает устойчивость бытия в целом, самого по себе. Здесь также устойчиво существовать может только уникальное. Все вообще усмотреть нельзя, но что-либо, то есть часть бытия и прежде всего уровень структурной организации мира, «каркас бытия» — усматривается. Как неоднократно подчеркивает М. Хайдеггер, «Бытие сущего не есть сущее» [Хайдеггер, 2003: 21].

«*Предел существования*» связан с проблемой существования (экзистенции от лат. *existō* — существую), которая «восходит к стойкам, отличавшим сущность как конкретную телесную вещь от существования как ее предиката... Если существование вещи... есть лишь актуализация ее сущности, то мир обладает устойчивостью сам по себе; если же существование вещи отличается от ее сущности и первично по отношению к ней, то вещь также как и весь... мир, не самостоятельна и держится на чем-то ином» [Гайденко, 2001: 677—678]. Здесь на первый план выходят процессы взаимодействия. Аристотель говорил, что одно дело «человек» и другое «быть человеком», а Кант полагал, что существование никогда не может быть предикатом. Исходя из всех предыдущих высказываний, а также из сказанного по поводу предыдущих пределов, можно сказать, что в контексте каркаса бытия «бытие существования» следует рассматривать отдельно от сущего и сущности. Применительно к человеку Кьеркегор понимал существование как единичное, личностное, конечное, необратимое. Существование связано с судьбой и со смертью. Хайдеггер полагал, что человек — это сущее, сущность которого заключается в его бытии-экзистенции. В экзистенциализме существование рассматривается не как субстанция, вследствие чего она непостижима с помощью рациональных методологий философии и науки.

«*Предел присутствия бытия*» связан с вопросением, но его обобщение можно рассматривать как воздействие некоторого устойчивого квазиравновесного поля ритмов (знаков), вовлекающих новую вещь в процесс самоорганизации. Эти знаки создаются вещами, уже прошедшими процесс самоорганизации и продолжающими свое существование в полевой форме. Это может быть полевое воздействие каркаса бытия на эти новые вещи. Это воздействие «каркаса бытия» на все вещи ставит вопрос о связке «что собственно мы подразумеваем под словом „есть“? что это значит, что что-либо или все вообще „есть“? ...» [Франк, 2007: 134].

«*Предел небытия*» так же, как «существование» и «присутствие», следует рассматривать в контексте временности, сопоставляя различные этапы эволюции бытия и небытия. У субстанции, сущности, сущего динамический смысл также есть, однако статический смысл здесь более важен. Этот статический смысл с небытием не связан, поскольку здесь везде можно найти более «глубокий» уровень бытия. Небытие имеет место именно в динамических процессах. Вещи, уровни и подуровни мира исчезают, какие-то субстанции (интеллектуальная, духовная) у выдающихся личностей могут сохраняться какое-то время, но у обычных людей также быстро исчезают, то есть все эти структуры бытия переходят в небытие.

Каждый из этих пределов имеет связь с системой координат мира на основе предельных динамических равновесий. Они имеют взаимосвязанные предельные основания с координатами этой системы координат.

Характерные черты мифа и мифологии. Универсальные определения мифа и мифологии дал А. Ф. Лосев: «миф есть в словах данная чудесная личностная история» [Лосев, 1994: 195]. «Мифология — это обобщенное отражение действительности в виде чувственных представлений или, точнее, в фантастическом виде тех или других одушевленных существ. В этом смысле миф отличается и от сказки, поскольку в этой последней содержится уже критическое и даже иной раз насмешливое отношение к изображаемой действительности, так что сама сказка преследует скорее дидактические или эстетические цели» [Лосев, 1964: 458]. Среди многочисленных способов толкования мифа и мифологии, начиная с начала XX столетия и вплоть до настоящего времени, активно развиваются универсальные методы и подходы исследования мифов. Можно выделить универсальный мотив приключения и трансформации в работах Дж. Кэмпбелла — сводя все мифы в их естественном виде к «мономифу», он выявляет их смысловые параллели, похожие пороги, преодолеваемые героем [Кэмпбелл, 2025]. Огромный эвристический потенциал оказался заложен в структурный метод, разработанный во Франции в первой половине XX века Ф. де Соссюром и Р. О. Якобсоном (структурная лингвистика), К. Леви-Стросом (антропология), Ж. Лаканом (психоаналитика). Метод ориентирован только на связи и отношения между элементами исследуемого объекта, которые могут произвольно выделяться исследователем в зависимости от моделей, сопоставляемых этому объекту. Модель есть совокупность чистых связей элементов и является остовом изучения предмета, то есть в ней имеет место примат отношения над прочими особенностями объекта. В XX столетии структурный метод распространился на многие области гуманитарного, социального и естественнонаучного знания. В частности, К. Леви-Стросс применил его к мифу [Леви-Стросс, 1970], а В. Я. Пропп — к фольклору и волшебной сказке [Пропп, 2021]. Леви-Стросс рассматривает не весь сюжет мифа, а отдельные его эпизоды, названные им «мифемами» — «элементами мифа» или «большими конститутивными элементами его» [Леви-Стросс, 1970: 154]. В итоге он записывает структуру мифа в виде алгебраической формулы, в которой ситуации представляются постоянными и переменными величинами, отвлеченными от конкретности. В. Я. Пропп в волшебной сказке вслед за начальной ситуацией выделяет тридцать одну функцию, которые связывает в единую алгебраическую формулу и в ее многочисленные варианты. Этот подход может быть применен, по его мнению, и к мифу. Исходя из структурного метода, лингвисты В. Н. Топоров и В. В. Иванов разработали теорию «основного мифа» для индоевропейского фольклора (1960—1970 гг.). «Основной миф» представляет собой противопоставление двух антагонистов — антропоморфного божества-Громовержца и его противника — хтонического Змея. Авторы считают, что «основной миф» обеспечил формирование мифологических систем всех индоевропейских народов [Иванов, 1974]. Одним из первых структуру мифа стал рассматривать А. А. Потебня, разделив его на «простейшую мифическую формулу» («мифическое представление») и «дальнейшее ее развитие» («мифическое сказание») [Потебня, 1990].

Достаточно широкое распространение получили также методы, основанные на концепциях бессознательного. Согласно теоретическим взглядам К. Юнга, именно архетипические образы становятся источником мифов и затем эпосов. Можно представить, что у древних сказителей всплывали в сознании

архетипы, которые они перерабатывали и придавали им форму. С эволюцией человека и развитием его сознания бессознательное (личное и коллективное) все больше уходит на задний план. На его основе зародились философско-религиозные учения на Востоке и философия на Западе. Науки в конечном итоге также ведут начало от общечеловеческого, доисторического опыта, выраженного в архетипах. Юнг выделял несколько главных архетипов, характеризующих роль личности в обществе, низменные и центральные ее элементы, женское, мужское начала и взаимодействие между ними [Юнг, 1995]. Современные исследователи выделяют десятки архетипов, например, И. В. Морозов — более сорока [Морозов, 2001].

Кроме перечисленных подходов, миф рассматривали антропологически (как сознание первобытного человека), аллегорически (силы природы), эстетически и поэтически, обожествляя реальных исторических вождей и героев и т. д. То есть всегда делался акцент на одной или на нескольких его сторонах. Однако миф представлял собой интерпретацию бытия на определенном этапе развития человека и человечества и его следует рассматривать как первую в истории человечества модель бытия.

Каркас мифа. Рассмотрим матрицу мифа, в которой выделим, прежде всего, следующие строки:

1. Устройство Вселенной.
2. Основные боги.
3. Мир обитания человека (срединный мир), жилище, предметы, окружающие человека в его обыденной жизни.
4. Главные герои.
5. Сверхъестественные существа, взаимодействующие с человеком и богами.
6. Животные, птицы, насекомые, деревья.
7. Сакральные предметы, места, сооружения.

Миф не может обойтись без этих онтологических параметров. Их можно дополнить столбцами по вертикали, связанными в большей степени с эпистемологическими параметрами:

1. Исходные элементы.
2. Структуры.
3. Функции.
4. Подсистемы.
5. Мотивы и Сюжеты.
6. Генезис.
7. Архетипы.

Количество этих строк и столбцов можно увеличивать для того, чтобы охватить все возможные атрибуты и аспекты мифа.

Основная цель подобного каркаса (матрицы) — сделать представления о мифах наиболее полными и наглядными. Каркас, с одной стороны, жесткий, но с другой — обладает определенной гибкостью и значительным эвристическим потенциалом, который может быть использован на самых различных направлениях исследования этой проблемы. В качестве характерных черт этого каркаса (матрицы) можно выделить универсальность, панорамность, конкретность. Универсальность позволяет опереться на общие понятия и концепции философии, культурологии, литературоведения. Панорамность позволяет выделить наиболее важные предметы исследования, используя при этом конкретные

методы отдельных специальных наук. Конкретность позволяет использовать все методы и подходы, имеющиеся в гуманитарных науках для проведения определенного исследования.

При этом возникает методологическая дополнительность двух взглядов на рассматриваемые проблемы. С одной стороны, рассмотрение мифа как бытие позволяет углубить и расширить представления о мифе — увидеть его необыкновенное стремление в полноте, включению всех аспектов бытия (сознания в виде фантазий), всех возможных видов синтеза и т. п. С другой стороны, рассматривание мифа как простейшей модели бытия позволяет наметить возможности для моделирования бытия через его собственный каркас. Два этих каркаса бытия и мифа гомеоморфны друг другу.

Если рассмотреть основные атрибуты бытия: «все», «есть», «единство», «устойчивость», «оптимальность», то они удивительным образом соответствуют атрибутам мифа. Миф всегда охватывает все, что окружало и было значимо для человека определенной эпохи и современного человека, ориентированного на миф тоже. В мифе по любым его направлениям что-то есть и этого «есть» по мере приглядывания к нему становится все больше и больше. Миф обладает единством и оптимальностью. В нем нет ничего лишнего: у богов, героев, сверхъестественных существ свои функции, они объединены в четкие структуры, подсистемы и т. д. Мифы необыкновенно устойчивы. Даже классическим их вариантам уже тысячи лет, что касается автохтонных, хтонических слоев, то им многие десятки тысяч лет.

Заключение. Рассмотренная попытка связи системы координат на основе предельных динамических равновесий с бытием и с мифом представляется вполне естественной. Все эти понятия являются наиболее общими, дополняя друг друга. Предельные состояния каркаса бытия позволяют прояснить основные категории бытия, представленные выше как его аспекты. Запутанность этих понятий, их пересечение, изменение их статуса является одной из красных нитей, проходящих через всю историю философии. И рассматривать систему координат мира при такой запутанности категорий очень сложно.

В мифологической картине мира боги, несмотря на их могущество, находятся рядом с людьми и активно с ними общаются. Затем в религиях Бог поднимается на недостижимую для человека высоту, и общение с ним становится совершенно иным. Мифология — это не мышление, а сложная система эмоциональных переживаний, связанная с устной традицией, поскольку в древней культуре устное слово было сакральным, а письменное — бытовым, употребляемым для хозяйственных нужд. Панорама мифа и его характерных черт, представляемая через его каркас, позволяет использовать любые ракурсы и взаимосвязи, которые всегда доступны и могут разворачиваться в ряды, группы, пары и другие образования. Развиваемый подход является совершенно естественным для сравнительной мифологии и может взаимодействовать с любыми ее традиционными методами.

Мифологическое сознание — не вера, не знание, а бытие, предполагающее универсальное общение человека с природой с помощью фантазий. Однако это не абстрактные фантазии, они всегда наполнены всеми возможными факторами жизни, охватывая все стороны природы, человека, процессы взаимодействий, объединяющие возможное и невозможное. Таким образом, рассмотрение мифа в контексте бытия представляется перспективным методологическим подходом.

Библиографический список / References

Гайденко П. П. Бытие // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 2000. С. 337—345.
(Gaidenko P. P. Being, in *New Philosophical Encyclopedia*: in 4 vols, vol. 1, Moscow, 2000, pp. 337—345. — In Russ.)

Гайденко П. П. Существование // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль. 2001. С. 677—679.
(Gaidenko P. P. Existence, in *New Philosophical Encyclopedia*: in 4 vols, vol. 3, Moscow, 2001, pp. 677—679. — In Russ.)

Губин В. Д. Онтология. Проблема бытия в современной европейской философии. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1998. 191 с.
(Gubin V. D. *Ontology. The Problem of Being in Contemporary European Philosophy*, Moscow, 1998, 191 p. — In Russ.)

Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей: Лексико-фразеологические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М.: Наука, 1974. 344 с.
(Ivanov Vyach. Vs., Toporov V. N. *Research in the Field of Slavic Antiquities: Lexical and Phraseological Issues in Reconstructing Texts*, Moscow, 1974, 344 p. — In Russ.)

Кожевников Н. Н. Основные понятия философии в контексте системы координат мира на основе предельных динамических равновесий детерминистического хаоса. Якутск: Изд. Дом СВФУ, 2020. 176 с.
(Kozhevnikov N. N. *Basic concepts of philosophy in the context of the coordinate system of the world based on the limit dynamic equilibria of deterministic chaos*, Yakutsk, 2020, 176 p. — In Russ.)

Кожевников Н. Н. Самоорганизация мира с точки зрения системы координат на основе предельных динамических равновесий его вещей. Якутск: Изд. Дом СВФУ, 2022. 160 с.
(Kozhevnikov N. N. *Self-organization of the world from the point of view of the coordinate system based on the limit dynamic equilibria of its things*, Yakutsk, 2022, 160 p. — In Russ.)

Кожевников Н. Н. Процессы самоорганизации на основных уровнях структурной организации мира в контексте его системы координат. Якутск: Изд. Дом СВФУ, 2024. 128 с.
(Kozhevnikov N. N. *Self-organization processes at the main levels of the structural organization of the world in the context of its coordinate system*, Yakutsk, 2024, 128 p. — In Russ.)

Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. СПб.: Питер, 2025. 464 с.
(Campbell J. *The Hero with a Thousand Faces*, St. Petersburg, 2025, 464 p. — In Russ.)

Леви-Стросс К. Структура мифов // Вопросы философии. 1970. № 7. С. 152—164.
(Levi-Strauss Cl. The Structure of Myths, *Questions of Philosophy*, 1970, no. 7, pp. 152—164. — In Russ.)

Лейбниц Г. В. Собрание соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1983. 686 с.
(Leibniz G. V. *Collected Works*: in 4 vols., vol. 2, Moscow, 1983, 686 p. — In Russ.)

Лосев А. Ф. Бытие (Древнегреческая философия) // Философская энциклопедия: в 5 т. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1960. С. 207—209.
 (Losev A. F. Being (Ancient Greek Philosophy), in *Philosophical Encyclopedia*: in 5 vols., vol. 1, Moscow, 1960, pp. 207—209. — In Russ.)

Лосев А. Ф. Мифология // Философская энциклопедия: в 5 т. Т. 3. М.: Изд. Советская энциклопедия, 1964. С. 457—467.
 (Losev A. F. Mythology, in *Philosophical Encyclopedia*: in 5 vols., vol. 3, Moscow, 1964, pp. 457—467. — In Russ.)

Лосев А. Ф. Миф — Число — Сущность. М.: Мысль, 1994. 919 с.
 (Losev A. F. *Myth — Number — Essence*, Moscow, 1994, 919 p. — In Russ.)

Морозов И. В. Основы культурологии. Архетипы культуры. М.: ТетраСистемс, 2001. 608 с.
 (Morozov I. V. *Basics of Cultural Studies. Archetypes of Culture*, Moscow, 2001 608 p. — In Russ.)

Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М.: Наука, 1991. 411 с.
 (Ortega y Gasset H. *What is Philosophy?* Moscow, 1991, 411 p. — In Russ.)

Потебня А. А. Теоретическая поэтика. М.: Высшая школа, 1990. 344 с.
 (Potebnya A. A. *Theoretical Poetics*, Moscow, 1990, 344 p. — In Russ.)

Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки; Исторические корни волшебной сказки. М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2021. 640 с.
 (Propp V. Ya. *Morphology of a Fairy Tale; Historical Roots of a Fairy Tale*, Moscow, 2021, 640 p. — In Russ.)

Франк С. Л. Непостижимое М.: АСТ, 2007. 506 с.
 (Frank S. L. *Incomprehensible*, Moscow, 2007, 506 p. — In Russ.)

Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 192—220.
 (Heidegger M. Letter on Humanism, in Heidegger M. *Time and Being*, Moscow, 1993, pp. 192—220. — In Russ.)

Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Фолио, 2003, 503 с.
 (Heidegger M. *Being and Time*, Moscow, 2003, 503 p. — In Russ.)

Юнг К. Г. Проблема души современного человека // Это человек. Антология / отв. ред. П. С. Гуревич. М.: Высшая школа, 1995. С. 24—41.
 (Jung K. G. The Problem of the Soul of Modern Man., in Gurevich P. S. (ed.) *This is Man. Anthology*, Moscow, 1995, pp. 24—41. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.06.2025; одобрена после рецензирования 28.07.2025; принята к публикации 01.09.2025.

The article was submitted 28.06.2025; approved after reviewing 28.07.2025; accepted for publication 01.09.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Кожевников Николай Николаевич — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Северо-Восточный федеральный университет, г. Якутск, Россия, nnkozhev@mail.ru

Kozhevnikov Nikolay Nikolaevich — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Professor of Department of Philosophy North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, nnkozhev@mail.ru

Данилова Вера Софроновна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Северо-Восточный федеральный университет, г. Якутск, Россия, vs.danilova@s-vfu.ru

Danilova Vera Sofronovna — Doctor of Science (Philosophy), assistant professor, professor of Department of Philosophy North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, vs.danilova@s-vfu.ru

Научная статья
 УДК 94(47):911.3
 DOI: 10.46724/NOOS.2025.4.18-28

М. В. Жульков

СИММЕТРИЯ И АСИММЕТРИЯ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ХРОНОТОПЕ РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию симметрии в geopolитической географии России, историческим циклам, в том числе циклам взаимодействия с Западной Европой. Установлена осевая и центральная симметрия с Уралом как осью симметрии и Екатеринбургом как центром симметрии. Восточно-Европейская и Западно-Сибирская равнины симметричны относительно Урала как оси симметрии. Одновременно зафиксирована центральная симметрия с центром в Екатеринбурге и с поворотом на 180 градусов. Выявлены признаки центральной симметрии. В этом случае симметрия нарушается увеличением расстояний при движении от Урала на восток. Отмечено, что столица центральной России и государства Москва, столица Урала Екатеринбург и Сибири Новосибирск, лежат на одной широте (с точностью 50 км), расстояния между ними равны с точностью 20 км (1417 км и 1398 км). Имперское сознание России развивалось постепенно и имело два источника: Византия, Киевская Русь, православие — с одной стороны, империя Чингисхана, Золотая Орда, ислам — с другой. Зрелое имперское сознание отмечено в эпоху Петра I и далее. Отмечено, что два geopolитических треугольника поддерживают имперское, а в настоящее время цивилизационное, сознание российского государства: восточнославянский (Россия — Белоруссия — Украина) и Россия — Монголия — Казахстан, славяно-туркско-монгольский треугольник (формирующийся). Установлены восьмидесятилетние циклы в истории России и ее взаимодействия с Западной Европой. Начальные периоды двух циклов 1905—1925 и 1985—2005 — периоды преобразований носили катастрофический характер. Ожидаемый начальный период следующего 80-летнего цикла 2065—2085 может не быть катастрофичным при динамичном социально-экономическом и политическом развитии России в оставшиеся годы текущего цикла.

Выявленные закономерности являются частью ноосферных исследований хронотопа России.

Ключевые слова: ноосферная geopolитика, симметрия географического пространства, Восточно-Европейская равнина, Западно-Сибирская равнина, хронотоп, имперское сознание России, циклы истории, восточнославянский geopolитический треугольник, российско-туркско-монгольский geopolитический треугольник.

Ссылка для цитирования: Жульков М. В. Симметрия и асимметрия в geopolитическом хронотопе России // Ноосферные исследования. 2025. Вып. 4. С. 18—28.

Original article

M. V. Zhulkov

SYMMETRY AND ASYMMETRY IN THE GEOPOLITICAL CHRONOTOPE OF RUSSIA

Abstract. This article explores symmetry in Russia's geopolitical geography and historical cycles, including cycles of interaction with Western Europe. Axial and central symmetry is established, with the Urals serving as the axis of symmetry and Yekaterinburg as the center. The East European and West Siberian Plains are symmetrical with respect to the Urals as the axis of symmetry. A central symmetry centered in Yekaterinburg, rotated 180 degrees, is also observed. Signs of central symmetry are identified. In this case, the symmetry is broken by increasing distances as one moves eastward from the Urals. It is noted that the capitals of central Russia and the state of Moscow, the capital of the Urals, Yekaterinburg, and Siberia, Novosibirsk, lie on the same latitude (within fifty kilometers), and the distances between them are equal to within twenty kilometers (1417 km and 1398 km). Russia's imperial consciousness developed gradually and had two sources: Byzantium, Kievan Rus, and Orthodoxy on the one hand, and the empire of Genghis Khan, the Golden Horde, and Islam on the other. A mature imperial consciousness was noted in the era of Peter the Great and beyond. Two geopolitical triangles support the imperial, and currently civilizational, consciousness of the Russian state: the East Slavic (Russia — Belarus — Ukraine) and the Russia — Mongolia — Kazakhstan, or Slavic — Turkic-Mongolian triangle (which is currently being formed). Eighty-year cycles have been established in the history of Russia and its interaction with Western Europe. The initial periods of the two cycles, 1905—1925 and 1985—2005, were periods of transformation, and were catastrophic. The expected initial period of the next 80-year cycle, 2065—2085, may not be catastrophic given Russia's dynamic socioeconomic and political development in the remaining years of the current cycle.

Keywords: noospheric geopolitics, symmetry of geographical space, Eastern European plain, West Siberian plain, chronotope, Russian cultural consciousness, cycles of history, East Slavic geo-political triangle, Russian-Turkic-Mongolian geopolitical triangle.

Citation Link: Zhulkov M. V. (2025) Symmetry and asymmetry in the geopolitical chronotope of Russia, *Noospheric Studies*, no. 4, pp. 18—28.

Постановка проблемы, ее актуальность, новизна. Как известно, мир вошел в период структурных перестроек, изменения geopolитического ландшафта, перехода от однополярного мира к многополярному. Россия находится на острие этих перемен, проводит ноосферную геополитику перехода к многополярному миру, от ее внешней и внутренней политики зависят происходящие в мире процессы. Страна находится в поисках новой идеологии, новых формулировок российской национальной идеи, мировоззрения. На geopolитический ландшафт большое влияние оказывает ландшафт географический, а также наложенные на эволюцию отдельных государств циклы времени, с помощью которых можно моделировать и предвидеть те или иные изменения. Симметрия и асимметрия в географии России показывает geopolитические особенности и влияет на них, отражается в особенностях национального самосознания, цивилизационного мировоззрения. Этим обусловлена актуальность темы.

Хронотоп понимается нами как совокупность особенностей географического и geopolитического пространства России и реализуемых временных циклов, в которых протекает история страны.

Цель статьи состоит в выявлении симметрии и асимметрии в соотношении Восточно-Европейской и Западно-Сибирской равнин, а также в выделении и исследовании 80-летнего исторического цикла в российской истории последних столетий. Данная цель реализуется в решении следующих задач: на основе ИДСЗ (Ико-додекаэдрической модели Земли) рассмотреть и выявить симметрию между Восточно-Европейской и Западно-Сибирской равнинами; отражение этой симметрии в geopolитике России, а именно в формировании ее имперского и цивилизационного сознания; рассмотреть влияние данной симметрии через geopolитические треугольники, отражающие этнографическое и географическое влияние, с одной стороны, а с другой — поддерживающие цивилизационное мировоззрение и самосознание России: исследовать 80-летние циклы в истории России, взаимодействии с Западной Европой, показать возможности моделирования и планирования будущего развития, возможностей купирования возможных негативных тенденций в этих циклах.

Новизна состоит в дальнейшем распространении ноосферных исследований на geopolитическую и социально-экономическую сферы в их связи с географическими особенностями: выявлении географической и geopolитической осевой и центральной симметрии Восточно-Европейской и Западно-Сибирской равнин, влиянии на имперское и цивилизационное сознание России; рассмотрении двух geopolитических треугольников, поддерживающих славянский вектор российского самосознания (Россия — Белоруссия — Украина) и тюркско-монгольский (Россия — Казахстан — Монголия). Выявлены 80-летние циклы в истории России, рассмотрена их структура, показано их влияние на взаимодействие России и Западной Европы, возможности использования данного цикла для моделирования и планирования будущего развития страны, ее geopolитики на ближайшие десятилетия, необходимость корректировки внутреннего развития для противодействия возможным негативным последствиям реализации текущего исторического цикла.

Теоретическая значимость состоит в выявленной взаимосвязи ландшафтных, этнографических, geopolитических аспектов жизни такой большой страны, как Россия, ее цивилизационного, geopolитического мировоззрения, разработке 80-летнего исторического цикла и его особенностей. Практическая значимость определяется возможностью использовать полученные данные во внутренней и внешней политике страны, моделировании и планировании будущих достижений с учетом разработанного 80-летнего исторического цикла, симметрии geopolитического пространства.

Географическая симметрия на территории России. Прежде всего отметим, что кристаллические структуры, а значит, симметрия, проявляются в строении Космоса, Солнечной системы, молекул и атомов. В жизни планеты проявлена как симметрия, фиксирующая общие периодичности свойств, так и асимметрия, проявляющая индивидуальность мест и времен. Исследования симметрии в политической, экономической географии планеты развиваются не первое столетие. Исследуется симметрия в географическом пространстве и территориальной структуре хозяйства, принципах расселения, выявляется симмет-

рия и асимметрия в страноведческом анализе [Маергойз, 1986; Родоман, 2007; Трейвиш, 2009].

Так, Новгород и Киев равноудалены от моря (Балтийского и Черного), расположены на реках, которые в них впадают [Трейвиш, 2009: 19]. Симметрия проявлена в территориальной структуре хозяйства, транспорта, расселения в Подмосковье, в котором центр — мегаполис — расположен далеко от морей и гор [там же: 20]. Волжская линия городов дает пространственный ритм, где крупные города расположены примерно через 300 км, а города средней величины — через 150 км [там же: 19—20].

Для нашего исследования наиболее значима концепция ИДС3 — ико-додекаэдрической модели структуры Земли [Гончаров, Макаров, Морозов, 1982; Макаров, 1995]. Эта модель исходит из того, что силовой каркас планеты образуют вписанные в ее геоид и друг в друга икосаэдр (20 правильных треугольников) и додекаэдр (12 правильных пятиугольников). В результате образуются макромасштабный ландшафт Земли, структура земной коры и мантии. Восточноевропейская и Сибирская платформы примерно совпадают с двумя треугольниками икосаэдра планеты, между ними ось — Урал — граница этих платформ, немного сдвинута относительно общего ребра этих треугольников на запад. В центре европейского треугольника находится Киев — источник славянства, центр азиатского треугольника (находится западнее Иркутска на 200 км) — источник тюркских народов. На линии пересечения центров двух названных треугольников находится Екатеринбург (сама точка находится немного западнее Тобольска из-за смещения Урала относительно общего ребра треугольников).

Таким образом, мы имеем теоретическое и эмпирическое обобщение в виде наложения силового каркаса ИДС3 на территорию России. Далее нас будет интересовать осевая и центральная симметрии относительно Урала и Екатеринбурга.

На географической карте России хорошо видно, что Урал является осью симметрии между двумя «крылами» Восточно-Европейской и Западно-Сибирской равнин. Столицы трех регионов: центральной России (и страны) Москва, столица Урала Екатеринбург и столица Сибири Новосибирск находятся примерно на одной широте, с разницей около 50 км, расстояния между ними равны с точностью до 20 км: Москва — Екатеринбург и Екатеринбург — Новосибирск (1417 км и 1398 км). Далее проявлена центральная симметрия с символическим центром в Екатеринбурге. Главная река европейской части России течет на юг, главный ее приток — Кама — левый. Главная река западной Сибири — Обь — течет на север и также имеет крупный левый приток — Иртыш.

Переходя к странам, необходимо отметить, что на северо-западе Восточно-Европейской равнины находятся четыре республики — три прибалтийских и Карелия, их соответствие в Западно-Сибирской равнине — четыре буддийских республики (Алтай, Хакасия, Тыва, Бурятия), находятся на юго-востоке равнинны.

Имперское сознание России имеет два источника: Византия — Киевская Русь — православие и империя Чингисхана — Золотая Орда — ислам (ислам был принят монголо-татарами в Волжской Булгарии, которая приняла его в 922 году). Методы управления большими территориями Иван IV взял именно от Золотой Орды, части которой он присоединил к Московскому царству, после чего сибирские ханства изъявили желание добровольно присоединиться к российскому/московскому государству. Киев к тому времени уже четыреста лет был

под управлением литовско-польского и польско-литовского государства. Зрелым имперское сознание России становится в эпоху Петра I и далее, Советский Союз является прямым наследником Российской империи. В современной России имперское сознание трансформировалось в цивилизационное сознание. Так, имперское и цивилизационное сознание России географически имеет источником мировоззрение, вызревавшее в обоих треугольниках — европейском и азиатском.

На этом симметрия в geopolитике России не заканчивается. В соответствии с основным ноосферным законом [Дмитревская, 2002: 27—28], цивилизационное сознание должно поддерживаться циркуляцией энергии и информации в мировоззренческом и цивилизационном пространстве, чему соответствуют geopolитические треугольники. В нашем случае это циркуляция энергии и информации в восточнославянском треугольнике Россия — Белоруссия — Украина (Москва — Минск — Киев), а также российско-монголо-тюркском треугольнике, который находится на стадии формирования — Россия — Казахстан — Монголия (Новосибирск — Астана — Улан-Батор). Таким образом, нить нашего исследования протянулась от симметрии в географии до geopolитики и цивилизационного сознания России. Эта симметрия нарушается расширением расстояний при движении на Восток. Восточнославянский треугольник, прибалтийские республики (в недавнем прошлом части нашей страны) скромнее по площади, чем буддийские республики и российско-тюркско-монгольский geopolитический треугольник. Казахстан входил в Российскую империю и Советский Союз, в Монголии находились военные части СССР, граница пересекалась ими совершенно свободно. Эти войска были выведены в 1992 году. Современный мир гораздо сложнее, названные республики стали самостоятельными государствами, Россия выстраивает с ними равноправный диалог, некоторые из этих государств в настоящее время враждебны России. Однако geopolитическое положение страны, названная симметрия, показывает, что эти страны непосредственно входят в сферу интересов России и особенно в сферу обеспечения ее безопасности. Восточнославянский треугольник в настоящее время функционирует в отрицательном режиме; чтобы его восстановить, понадобятся большие усилия после успешного завершения СВО. Что касается взаимоотношения с Западной Европой, об этом будет сказано ниже, при рассмотрении исторических циклов.

Циклы истории. Ряд исторических циклов описывают в своей книге «Философия исторического прогнозирования» В. И. Пантин, В. В. Лапкин. Так, сверхдлинные волны дифференциации и интеграции образуют цикл в 1000 лет [Пантин, Лапкин, 2016: 210].

В истории ряда государств легко выделить 144-летние циклы, в истории России выделены три таких цикла (четвертый должен начаться или уже начался). Отметим, что они определяются временем смещения дня весеннего равноденствия (прецессией) на один градус — это 72 года. Отсюда легко выделить четырёх-, двенадцати-, тридцатишесть-, семидесятидвух-, стосорокачетырёхлетние циклы.

В российской истории описаны три таких цикла: 1353—1497, 1653—1797, 1881—2025 [Пантин, Лапкин, 2016: 294—356]. Каждый цикл разбивается на четыре 36-летних цикла, которые имеют свое функциональное предназначение: поиск стратегии государственного обновления, второй — реализация модерни-

зационного проекта, третий — цикл системной «релаксации», четвертый — стабилизировать разбалансированное государство [там же: 338—339].

И. М. Рыбкин берет за основу семидневный ритм жизни [Рыбкин, 2010] отдельного человека. Путем удвоения этого периода исследователь получил ряд последующих ритмов, которые проследил в жизни России, начиная с Нового времени (начала 1600-х гг.). Получаются ритмы, выраженные в годах: 9, 19, 39, 78, 157, 314 (не вошедшие в годы дни опущены). 78-летний ритм состоит из двух полупериодов по 39 лет, они показывают периоды «избытоков» и «недостатков», которые были отражены в литературных произведениях и документах в истории России с 1606 года [там же: 244]. Цикл в 628 лет показывает чередование частноинициативных и общественных настроений длительностью по 314 лет [там же: 254]. Согласно исследованиям И. М. Рыбкина, полный цикл жизни цивилизации составляет 20096 лет (с 17548 г. до н. э. по 2548 г. н. э.). «Ритм рас — 5024 года, ведущих народов — 628 лет, цивилизаций — 314 лет, революций — 78,5 лет и т. д.) [Афанасьев, Качура, 2010: 154].

В социально-экономическом развитии описаны циклы экономической конъюнктуры Кондратьева величиной около 40 лет, фактически это одна полуволна — «повышательная» или «понижательная» (Кондратьев, Яковец, Абалкин, 2002). Четыре составляющих цикла содержат подъем, процветание, рецессию, депрессию. Н. В. Кондратьевым описаны такие волны с конца XVIII века до начала XX века. Фактически это примерно 80-летние волны. Одновременно эти циклы очень близки к найденным 78-летним циклам И. М. Рыбкина. В нашем исследовании мы опишем 80-летние циклы, в котором каждая полуволна имеет длину в 40 лет. Вот основные даты: 1825 — 1865 — 1905 — 1945 — 1985 — 2025 — 2065.

В этой последовательности 1825, 1905, 1985 и, предположительно, 2065 годы — переход графика через «ноль», пересечение оси времени. В эти годы произошли события, знаменующие внутренние преобразования в России: 1825 — восстание декабристов, 1905 — начало первой русской революции, Русско-японская война, 1985 — начало перестройки и «нового мышления», 2025 — время переговоров России и США по глобальной безопасности.

Опишем 40-летние периоды:

1825—1865 — период «Большой игры» Российской и Британской империй, Россия присоединила Среднюю Азию, 1865 — вхождение в Ташкент, символическая дата, обозначающая вершину этого процесса;

1905—1945 — наступление России на запад, СССР победил в Великой Отечественной войне, в его зону влияния попал ряд восточноевропейских государств, которые пошли по пути развития социализма;

1945—1985 — период холодной войны, борьба Запада и СССР, НАТО и стран Варшавского договора на идеологическом, культурном, спортивном, частично военном фронтах;

1985—2025 — наступление запада на восток, пять продвижений НАТО, все страны Восточной Европы, а также Швеция и Финляндия, включены в состав НАТО, границы организации вплотную приблизились к России, в 2025 году продвижение запада на восток остановлено (в Грузии и Украине);

2025—2065 — прогнозируется холдная война 2.0, которая закончится позитивно для России и будет обозначена неким символическим событием 2065 года. По поводу сдерживания НАТО интересное мнение высказывал еще в начале

2000-х годов С. А. Караганов — об использовании угрозы ядерного оружия для недопущения наступления НАТО на восток. Поскольку этого не произошло, в настоящее время наблюдается обостренная борьба Запада с Россией практически на нашей территории, в сфере нашего влияния — на Украине. Необходимость корректировки ядерной доктрины России, угрозы его использования показывается в книге «От сдерживания к устрашению» известных экспертов в сфере безопасности [Тренин, Авокянц, Караганов, 2024].

Опишем ряд промежуточных дат внутри этих 40-летних циклов, которые являются их вершинами, они отмечают 20-летние интервалы:

1845 — юго-восточная часть Казахстана вошла в состав Российской империи (так называемый Старший жуз);

1885 — битва при Кушке с афганскими войсками (советниками были английские офицеры), после чего были официально разграничены сферы влияния России и Великобритании в Азии (граница между Россией и Афганистаном);

1925 — период революций и преобразований закончился, новое государство (СССР) создано, практически восстановлена экономика, приняты планы социально-экономического развития и начата их реализация (ГОЭЛРО, НЭП);

1965 — вершина третьей волны индустриализации, благодаря лучшему в мире образованию СССР добился успехов по ряду направлений — Космос, освоение Арктики, мирный атом, радиоэлектроника, наука, энергетика, период расцвета социализма — 1955—1975 гг., затем началась «понижательная» волна;

2005 — Россия восстановила экономику 1991 года, начался период дальнейшего социально-экономического развития;

2045 — вершина местного (двадцатилетнего) «золотого века» новой модели социально-экономического развития страны.

В настоящее время нас интересует взаимодействие с Западной Европой, откуда часто исходила угроза для России. Мы описали два колебания между Востоком (Россией) и Западом (Западной Европой): периоды 1905—1945 — продвижение России на запад, 1985—2025 — продвижение Западной Европы (НАТО) на восток, к границам России. Период 1945—1985 известен как холодная война, следует ожидать второй аналогичный период в 2025—2065 годах, поскольку, как хотелось бы верить, продвижение НАТО на восток остановлено на Украине. Для того чтобы эти колебания между Западной и Восточной Европой остановить, необходимо создать буферную зону из государств Восточной Европы, перечислим их: Финляндия, страны Прибалтики, Польша, Словакия, Венгрия, Румыния, Болгария. Буферная зона существовала после вывода советско-российских войск из стран, где они присутствовали (ГДР, Польша, Чехословакия, Венгрия). В договоре Россия — НАТО 1997 года было сказано о мирном сосуществовании, но не было сказано о нерасширении НАТО на Восток. Вероятно, такое положение — возможность буферной зоны — сложится не раньше, чем закончится еще один период противостояния НАТО и России в 2025—2065 годах.

Рассматривая социально-экономическую жизнь России, исследуем функции этих периодов в восьмидесятилетних циклах. Они похожи на циклы Кондратьева в экономической конъюнктуре, но в нашем понимании они затрагивают и социальную, и политическую жизнь.

Так, цикл 1905—1925 годы — период преобразований в государственном устройстве, 1925—1945 — развитие нового социально-экономического уклада, 1945—1965 — период основных достижений, 1965—1985 — постепенная стагнация, движение к необходимости перемен.

В цикле, начавшемся в 1985 году, имеем:

1985—2005 — период преобразований государства, социально-экономической системы;

2005—2025 — развитие нового социально-экономического уклада.

Эти два цикла закончены. Предстоящий цикл 2025—2045 — период экономического расцвета нового социально-экономического и технологического уклада; 2025—2065 — не будем писать о стагнации и необходимости перемен.

Давайте выпишем начальные периоды трех-четырех циклов:

1825—1845 — период реакции, 1905—1925 — период преобразований, 1985—2005 — еще один период преобразований, 2065—2085 — период возможных преобразований в следующем 80-летнем цикле. Чтобы последний из этих периодов не стал периодом катастрофических, революционных преобразований, как предыдущие два, необходимо динамичное социально-экономическое, политическое и культурное развитие в текущем цикле. Что в настоящее время и наблюдается.

Выскажем гипотезу, что Россия больше не нуждается в радикальных перестройках государственной и социально-экономической жизни. В современной России присутствует целый набор видов собственности, а именно собственность на средства производства определяет характер государства, борьбу классов, распределение прибыли и в целом валового внутреннего продукта. Для изменения одной формы собственности и замены ее другой, по Марксу, нужна революционная ситуация, складывающаяся в результате накопления противоречий в развитии производительных сил и производственных отношений, и затем насильственная смена формы собственности.

Поскольку, как отмечено, в России присутствует ряд форм собственности (частная, государственная, частно-государственная, кооперативная, народные предприятия), то противоречия между новым технологическим укладом и имеющимися социально-экономическими отношениями (то есть, говоря языком К. Маркса, между производительными силами и производственными отношениями) могут не приобретать характер острого противостояния, общество в состоянии разрешать противоречия, динамично развивая новые социально-экономические отношения вслед за развитием новых технологических видов производства и социальной активности. Это как раз наблюдается в развитии современной России: быстрое принятие новых законов, регулирующих новые сферы активности в экономике и социальной сфере, развитие необходимой инфраструктуры, цифрового правительства, национальных программ, направляемого развития экономики, успешного противостояния санкциям, реализации индустриализации, развития торгово-экономических отношений со странами глобального Юга и т. д.

Поэтому период понижения социально-экономической активности в 2045—2065 годах может быть периодом расцвета культуры, а экономику и политическую структуру возможно удерживать, зная «тайну» этого двадцатилетия, в коридоре развития, не допуская падения уровня жизни и дезорганизации социальной и экономической жизни.

Заключение. Рассмотренные выше феномены симметрии и асимметрии геополитического пространства и времени являются частью ноосферных исследований хронотопа России, имеют значение в сохранении, развитии цивилизационного (ранее — имперского) сознания России, которое формировалось под влиянием двух этнокультурных факторов — славяно-византийского и тюркско-ордынского, что требует дальнейшего осмысления и исследования. Геополитическая ситуация исторических и ритмических колебаний границ между Восточной и Западной Европой может прийти к ситуации относительной стабильности, когда будет создана буферная зона между Россией и НАТО, проходящая по странам Восточной Европы, включая Финляндию и страны Прибалтики. Необходимо развивать два геополитических треугольника с участием России, от которых зависит как внутренняя политика страны, так и безопасность ее границ: восточнославянский (Россия — Белоруссия — Украина) и западносибирский (Россия — Казахстан — Монголия). Эти геополитические и одновременно цивилизационные треугольники поддерживали и развивали имперское, а в настоящее время цивилизационное сознание России, российскую национальную идею. Восточнославянский треугольник деформирован, России необходимо запустить его нормальное функционирование, путем достижения целей СВО, восстановления дружественных связей с новым украинским руководством, то есть сначала информационно-семиотическая составляющая должна образовать общее поле решения проблем, поле диалога. Тогда отношения смогут быть восстановлены.

Необходимо также развивать транспортную инфраструктуру Урала и Западной Сибири в целях дальнейшего освоения территорий страны, а также балансировки ее геополитического, цивилизационного, идеологического, демографического потенциалов, чтобы в большей степени пользоваться симметрией геополитического пространства.

Разработанные в статье 80-летние циклы исторического развития России коррелируют с 78-летним циклом И. М. Рыбкина и примерно 80-летним циклом экономической конъюнктуры Кондратьева (сорокалетние «повышательная» волна и такая же «понижательная»). Четыре двадцатилетия внутри 80-летнего цикла показывают социально-экономические и политические преобразования, период роста нового социально-экономического уклада, двадцатилетие расцвета, подготовка к новым преобразованиям. Значимость данного цикла показывает содержание предыдущего и текущего циклов, в том числе взаимодействия России с Западной Европой, на основании которых возможно предвидение, моделирование и планирование развития страны с учетом этих циклов.

Таким образом, исследование симметрии и асимметрии пространственных и временных особенностей Российской геополитики и истории являются частью ноосферных исследований хронотопа — пространственных и временных кодов — российской цивилизации.

Библиографический список / References

Афанасьев В. В., Качура Г. Н. Понятие цивилизации в циклических теориях общественного развития // Афанасьев В. В., Качура Г. Н. Циклы цивилизаций. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2010. С. 146—161.

(Afanashev V. V., Kachura G. N. The concept of civilization in cyclical theories of social development, in Afanashev V. V., Kachura G. N. *Cycles of civilizations*, Moscow, 2010, pp. 146—161. — In Russ.)

Гончаров Н. Ф., Макаров В. А., Морозов В. С. Закономерности строения и формирования планетарного рельефа и структур по икосаэдро-додекаэдрическому силовому каркасу Земли // Основные направления развития геоморфологической теории. Новосибирск: Ин-т геологии и геофизики, 1982. С. 38—39.

(Goncharov N. F., Makarov V. A., Morozov V. S. Patterns of structure and formation of planetary relief and structures according to the icosahedral-dodecahedral force framework of the Earth, in *Main directions of development of geomorphological theory*. Novosibirsk, 1982, pp. 38—39. — In Russ.)

Дмитревская И. В., Портнов А. Н., Смирнов Г. С. Ноосферная динамика России: философские и культурологические проблемы. Ч. 1 // Ноосферные исследования. 2002. Вып. 1. 158 с.

(Dmitrevskaya I. V., Portnov A. N., Smirnov G. S. Noospheric dynamics of Russia: philosophical and cultural problems. Part 1, in *Noospheric Studies*, 2002. Issue 1. 158 p. — In Russ.)

Кондратьев Н. Д., Яковец Ю. В., Абалкин Л. И. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М.: Экономика, 2002. 766 с.

(Kondratiev N. D., Yakovets Yu. V., Abalkin L. I. *Large cycles of economic activity and the theory of foresight. Selected works*, Moscow, 2002. 766 p. — In Russ.)

Маергойз И. М. Территориальная структура хозяйства. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1986. 300 с.

(Maergoiz I. M. *Territorial structure of the economy*, Novosibirsk, 1986. 300 p. — In Russ.)

Макаров В. А. Строение земной коры, как результат функционирования силовых каркасов геокристалла // Русская мысль. 2010. № 1-12. С. 47—84.

(Makarov V. A. Structure of the Earth's crust as a result of the functioning of the geocrystal power frameworks, *Russian Thought*, 2010, no. 1-12, pp. 47—84. — In Russ.)

Пантин В. И., Лапкин В. В. Философия исторического прогнозирования: Ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. Дубна: Феникс+, 2016. 408 с.

(Pantin V. I., Lapkin V. V. *Philosophy of Historical Forecasting: Rhythms of History and Prospects for Global Development in the First Half of the 21st Century*, Dubna, 2016. 408 p. — In Russ.)

Родоман Б. Б. Географическое районирование, картоиды. Смоленск: Ойкумена, 2007. 372 с.

(Rodoman B. B. *Geographical zoning, cartoids*, Smolensk, 2007. 372 p. — In Russ.)

Рыбкин И. М. Исследование истории новым методом познания природы // Афанасьев В. В., Качура Г. Н. Циклы цивилизаций. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2010. С. 233—254.

(Rybkin I. M. Study of history by a new method of understanding nature, in Afanashev V. V., Kachura G. N. *Cycles of civilizations*, Moscow, 2010, pp. 233—254. — In Russ.)

Трейвиш А. И. Симметрия и асимметрия геопространства в страноведческом анализе // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. М.: МГУ, 2009. С. 7—23.

(Treyvish A. I. Symmetry and asymmetry of geospace in regional studies analysis, in *Issues of economic and political geography of foreign countries*, Moscow, 2009, pp. 7—23. — In Russ.)

Тренин Д., Авакянц С., Караганов С. От сдерживания к устрашению. М.: Молодая гвардия, 2024. 152 с.

(Trenin D., Avakyants S., Karaganov S. *From deterrence to intimidation*, Moscow, 2024, 152 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.04.2025; одобрена после рецензирования 28.07.2025; принята к публикации 01.09.2025.

The article was submitted 01.04.2025; approved after reviewing 28.07.2025; accepted for publication 01.09.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Жульков Михаил Вячеславович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, mzh1@mail.ru

Zhulkov Mikhail Vyacheslavovich — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, mzh1@mail.ru

ВЕРНАДСКИЙ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Научная статья

УДК 140.8:316

DOI: 10.46724/NOOS.2025.4.29-38

И. Г. Сухина

К ВОПРОСУ О МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ КОНЦЕПЦИИ НООСФЕРЫ

Аннотация. В статье с позиции глобалистики анализируются понятие и концепция ноосферы в качестве перспективной для эпохи глобализации стратегии устойчивого социального развития современной цивилизации. Они рассматриваются с позиции осмыслиения феномена глобализации и в качестве фундаментального философского мировоззрения. Ноосферная парадигма рассмотрена как перспективная стратегия развития цивилизации в эпоху глобализации. Предложена ее мировоззренческая экспликация в качестве глобального миропонимания, сознания и мышления. Показано ее универсальное мировоззренческое значение для современного человека, его мышления и субъектности, для развития современной цивилизации, ориентированного на экологическую оптимизацию глобальной системы связей «цивилизация – природа». Обосновывается мысль, что современное мышление должно быть глобальным, и, по сути, это мышление — мировоззренческое, ноосферное.

Ключевые слова: человек, разум, субъектность, мировоззрение, общество, цивилизация, научно-технический прогресс, модернизация, глобализация, глобальные проблемы современности, природа, биосфера, ноосфера, онтологический, экология, глобальное сознание и мышление.

Ссылка для цитирования: Сухина И. Г. К вопросу о мировоззренческом значении концепции ноосферы // Ноосферные исследования. 2025. Вып. 4. С. 29—38.

Original article

I. G. Sukhina

TO THE QUESTION OF THE WORLDVIEW SIGNIFICANCE OF THE NOOSPHERE CONCEPT

Abstract. From the standpoint of globalism, the article analyzes the term and concept of the noosphere as a promising strategy for the sustainable social development of modern civilization for the era of globalization. This concept is viewed from the standpoint of understanding the phenomenon of globalization, and as a fundamental philosophical worldview. The noospheric paradigm is considered as a promising strategy for the development of civilization in the era of globalization. Her worldview explication of the concept of the noosphere as a global world understanding, consciousness and thinking is proposed. It shows its universal worldview significance for modern man, his thinking and subjectivity, for the development of modern civilization, focused on the ecological optimization of the global system of connections

«civilization — nature». The idea is justified that modern thinking should be global, and, in fact, this thinking is worldview, noospheric.

Keywords: man, reason, subjectivity, worldview, society, civilization, scientific and technological progress, modernization, globalization, global problems of our time, nature, biosphere, noosphere, ontological, ecology, global thinking.

Citation Link: Sukhina I. G. (2025) To the question of the worldview significance of the noosphere concept, *Noospheric Studies*, no. 4, pp. 29—38.

«*Ноосфера* — последнее из многих состояний эволюции биосфера в геологической истории — состояние наших дней» [Вернадский, 1991: 242].

Актуальность. Современная эпоха — это эпоха всемирной интеграции социального развития и становления глобальной (мета-) цивилизационной миросистемы. Это эпоха глобализации (от англ. *global* — глобальный), к которой в своей истории пришли человеческое общество, цивилизация, причем сделали это закономерно, в логике поступательного развития «от локальности — к глобальности». Глобализация является собой яркую презентацию современной эпохи, как и логики разворачивания человеческой истории в прогрессирующем социальном развитии цивилизации, и потому концепции глобального миропонимания с фундирующей мировоззренческой образующей, например — концепция ноосфера, предельно актуальны.

Основная часть. Глобализация представляет собой социальный (мега-) процесс интеграции и трансформации современного мира в новое качество — глобальную миросистему, единящую человеческое общество/цивилизацию и природу Земли с биосферой. На современном этапе развития цивилизации в условиях НТП, его постоянно растущих социотехногенных возможностей, развертывающаяся в истории система человеческого мироотношения, т. е. цивилизация, обрела планетарный характер миропреобразующего влияния, превратившись в демиургическое начало современного мироустройства.

Современный мир конституируется и позиционируется в качестве глобальной миросистемы, интегрирующей связи между социальными субъектами, с их мироотношением, включающим отношение к природе. В социально-цивилизационном плане — это глобальный процесс интеграции социокультурных центров развития цивилизации в (мета-) цивилизационное планетарное образование с присущими ему информационными ресурсами, средствами массовой коммуникации, техногенной инфраструктурой и т. д. В этих условиях всемерно активируется многомерный диалог культур как непременное условие их развития в современном глобализирующемся мире.

Глобализация современного мира — открытый процесс, который в своей интенсификации обретает специфику и логику своего развертывания, оказываяющее преобразующее влияние на весь мир. Это — новая мета-цивилизационная реальность, включающая в себя социокультурную и социоприродную модальности своего развертывания. Вместе с тем это также универсальная тенденция мирового развития. И в этот процесс и тенденцию всемирной интеграции так или иначе вовлекаются все современные социальные общности человечества. Сам

современный образ человеческой жизни становится подверженным всеохватывающему влиянию глобализации.

В своей социокультурной модальности процесс глобализации охватывает мощным преобразующим влиянием практически все сферы социального человеческого бытия на индивидуальном и коллективном его уровнях. Происходит глобализация науки, технологий, коммуникативных сетей, транспорта, экономики, политики, культуры, особенно — массовой культуры, которая, как констатирует американский социолог П. Бергер, проникает в широкие слои населения во всем современном мире [Многоликая..., 2004: 14].

Со второй половины XX века, и особенно с 90-х годов, очевидным является становление мета-цивилизационной реальности в масштабе глобального мира, трансформирующегося в глобальную миро-систему. Английский социолог Э. Гидденс отмечает: «под глобализацией понимается тот простой факт, что все мы — не только организации и сообщества, или целые нации, но и отдельные представители рода человеческого — живем в «одном мире», а значит, становимся все более взаимозависимыми» [Гидденс, 2005: 56]. «Социологи, указывает Гидденс, используют термин «глобализация» для обозначения таких транснациональных процессов, которые способствуют развитию социальных связей и углублению взаимозависимости между странами» [там же: 55].

Глобализация социального развития представляет собой закономерное продолжение, трансформацию детерминированного НТП процесса модернизации общества и цивилизации, который первоначально развернулся в Европе Нового времени и привел к феномену индустриального общества.

Со второй половины XIX века модернизация обрела глобальный характер распространения в мире. Глобализация взаимосвязана с модернизацией и во многом является ее современной трансформацией; модернизация в ее условиях интенсифицируется, модифицируется и становится необратимой. НТП и модернизация способствовали переходу цивилизации на глобальный уровень социального развития в новом, инновационном, его качестве.

Вместе с тем глобализация удостоверяет собой универсальную тенденцию всемирной человеческой истории, которая осуществляется в ее поступательном ходе, — тенденцию всеобщей цивилизационной интеграции в логике ее магистральной направленности: от локальности к глобальности [Смирнов, 2017].

Авангардом глобализации выступает ее информационное направление. Информатизация есть передовое, высокотехнологичное направление НТП, глобальный коммуникативный процесс системного использования информационных ресурсов. Это наиболее мощный и оперативный генератор и проводник потенций глобализации, определяющий становление глобального мира как единого планетарного информационного пространства, как глобальной информационной миросистемы. Э. Гидденс констатирует: «развитию глобализации в значительной степени способствовало внедрение целого ряда информационных и коммуникационных технологий, которые дали людям во всем мире возможность поддерживать оперативную связь друг с другом, находясь в разных частях земного шара» [там же: 57].

Универсальной технологической основой/платформой информатизации является Интернет — всемирная коммуникативная система компьютерных сетей, предназначенная для хранения, обработки и передачи информации. Это открытая, саморазвивающаяся на инициативной основе пользователей информа-

ционная мега-система, охватывающая собой весь мир, превращая его в миро-пространство глобальной коммуникации. Испанский социолог М. Кастельс констатирует, что «открытость архитектуры Интернета являлась основой его главного достоинства — способности к саморазвитию, поскольку пользователи становились разработчиками технологии и творцами всей Сети в целом» [Кастельс, 2004: 43]. Как глобальный канал распространения и генерирования информации Интернет — это движущая сила глобализации, ее атрибут.

Информационное направление процесса глобализации актуализирует стратегический ресурс современного социального развития, активация которого в планетарном масштабе инициирует глобальную информационную платформу мета-цивилизационной социальной реальности.

Вместе с тем глобализация проявляется также и в таких противоречиях социального развития, как глобальные проблемы современности, которые являются проблемами онтологических оснований человеческой цивилизации.

Глобальные проблемы современности представляют собой комплекс социоприродных проблем развития цивилизации, имеющих планетарный характер и угрожающих экологической стабильности природной среды, биосфера. «Глобальные проблемы затрагивают интересы всего человечества, так как человеческий род впервые в своей истории столкнулся с угрозой его выживанию, поэтому можно говорить о глобальных проблемах человечества. Они (хотя и негативным образом) также обозначили планетарное единство человечества и указали на некий рубеж истории...» [Сухина, 2016: 337]. «Теперь взаимосвязанными оказываются не только судьбы человека и человечества, но и судьбы человечества и природной среды» [там же].

Во всем комплексе глобальных проблем современности — проблем обеспечения мира, установления справедливого международного социально-экономического порядка, продовольственной, демографической и др., доминантной является экологическая проблема, раскрывающая сущность системного отношения цивилизации и природы в ходе человеческой истории.

С позиции именно онтологических оснований человеческого бытия в мире, экологический кризис является корневой глобальной проблемой, к которой сводятся другие, и которая, как их средоточие, обретает системообразующий характер. Первостепенная значимость экологической (от греч. *oikos* — дом, жилище) проблемы выявляется при обращении к онтологически уникальным — биосферным условиям жизнедеятельности.

В общем НТП, модернизация и глобализация развития цивилизации, становление глобального мира, глобальные проблемы — самые существенные и показательные характеристики современности. Они демонстрируют те демиургические силы, возможности миропреобразующего влияния, которые в своем прогрессирующем социальном развитии обрело человечество.

Современная эпоха становления глобального мира инициирована и определяется НТП. Ее исторические маркеры — начало XX века (или II тыс.), 50-е гг. XX века, начало XXI века (или III тыс.) — удостоверяют собой этапы развертывания НТП как главной движущей силы современного социального развития, иницииющей глобальные социальные трансформации в мире.

Человечество современной эпохи вплотную столкнулось с проблемой адекватных ориентиров социального развития, его стратегий, исходящих из нового — глобального мироустройства, и требующих нового — глобального мыш-

ления и мировоззрения. Философское обращение к этому требованию обрело яркое и показательное свое воплощение в концепции ноосферы.

Понятие «ноосфера» (от греч. *noos* — разум и *sphaira* — сфера) означает сферу системного взаимодействия общества, цивилизации и природной среды, в которой сообразная с разумом человеческая деятельность является определяющим началом ее организации, интеграции и глобального развития. Это такое понятие, которое предполагает его концептуальную экспликацию.

В понятии «ноосфера» можно выделить как минимум два смысловых значения. Во-первых, по словам российского философа Б. Режабека, она означает «географическую оболочку земного шара, в которой основную роль играют превращения вещества, энергии и информации, связанные с деятельностью «человека разумного» [Режабек, 2008: 163]. В этом естественнонаучном значении ноосфера есть высшая стадия эволюционного развития биосферы, инициированная возникновением человечества, его разумной деятельностью. Во-вторых, значение ноосферы связано с ее пониманием «... как проекта, идеала такой организации деятельности человека на планете, которая была бы в полном смысле слова разумной...» [там же]. «Такое развитие, отмечает Режабек, должно опираться на гармоничное сосуществование различных культур и народов» [там же]. В этом культурно-цивилизационном значении ноосфера есть высшая стадия социального развития цивилизации, в полной мере воплощающая собой человеческую сапиентность, обеспечивающую такой ход мировой эволюции, в которой взаимодействие цивилизации и природы обретает организуемый и направляемый с позиции разума характер.

Именно цивилизационное значение понятия ноосферы в полной мере выражает ее идею всеобщего рационального преобразования мира и имеет мировоззренческий характер презентации мира с позиции разума, в которой он выступает действенным началом оптимального мирустроения.

Этимологическое значение термина «ноосфера» указывает на сферу действия человеческого разума, на его преобразующую субъектность в онтологических характеристиках объективации. Данный термин был в 1927 году предложен французским философом и математиком Э. Леруа в значении сообразного с действием разума — человеческого фактора эволюции и стал основанием концепции ноосферы; термин и понятие ноосферы выражают масштабные философские идеи и поэтому имеют концептуальный характер.

В главных, основоположных вариантах концепция ноосферы была разработана французским естествоиспытателем, философом П. Тейяром де Шарденом и российским естествоиспытателем, философом В. И. Вернадским. Ноосфера представляется в них как облегающая земной шар «мыслящая» оболочка, формирование и развитие которой определяются формированием и развитием человеческого сознания, его психической, ментальной активностью, акцентированным образом воплощаемой в разуме, мышлении.

В ноосферологической концепции П. Тейяра де Шардена, ноосфера — это филогенетический уровень человеческого разума, его субъектности, который как ментальная оболочка Земли обретает способность управлять ее эволюцией и в перспективе сольется с природой в кульмиационном пункте эволюции — «Точке Омега». Устремленность к ней придает эволюции направленность и организацию — так в эволюционном процессе образуются такие целостности, как молекулы, клетки, живые организмы биосферы. Мир универсума в концепции

Тейяра — это (эволюционная) саморазвивающаяся система, в которой духовное начало присуще всему сущему, даже атому.

В мировом эволюционном процессе к вещественным оболочкам Земли человек добавляет ментальную сферу мысли, которая в своей интеграции и концентрации начинает оказывать определяющее влияние на ход эволюции. Т. де Шарден указывал на существование в мире ноосферной реальности, образованной живым объединением мыслящих частиц [Тейяр де Шарден, 2002: 365]. По его утверждению, «Земля не только покрывается мириадами крупинок мысли, но окутывается единой мыслящей оболочкой, образующей функционально одну обширную крупинку мысли в космическом масштабе» [там же]. Эта мыслящая оболочка, или ноосфера, представлялась им как гармонизированная общность сознаний, эквивалентная своего рода сверхсознанию [там же].

Рассматривая ноосферу как «феномен человека» [там же], точнее — как сверхиндивидуальный феномен, охватывающий все человечество, П. Тейяр де Шарден отмечал, что в его развитии, особенно в современных условиях, происходит кумуляция ментальной энергии мысли в некую целостность — ноогенез — интеллектуальную эволюцию, модифицирующую эволюционный процесс. Магистральная цель ноосферы — это онтологически оптимальная будущность человечества, социокультурной и природной среды его бытия в мире в кульминационном пункте мировой эволюции — «Точке Омега». В ноогенезе человек выступает как эволюция, осознающая саму себя [там же].

В общем, согласно П. Тейяру де Шардену, ноосфера — единая мыслящая оболочка, в которой множество индивидуальных мышлений интегрируется в актах единого мышления, с которым отождествляется мировая эволюция.

В ноосферологической концепции В. И. Вернадского ноосфера — это высшая стадия эволюции биосферы, ее новое состояние, в котором разумная человеческая деятельность становится определяющим фактором глобального ее развития. На современном этапе социального развития, именно в условиях НТП, человечество выступает планетарной геологической силой, системно воздействующей на природу и биосферу, общество и цивилизацию. Согласно словам В. И. Вернадского, «человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью и трудом, становится вопрос о *перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого*. Это новое состояние биосферы, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть «ноосфера» [Вернадский: 242].

Согласно концепции В. И. Вернадского, ноосфера — это современная, по «мерилу» геологического времени, стадия эволюции биосферы, порожденная антропосоциогенезом человека как *Homo Sapiens*, его субъектностью, создающей цивилизацию как онтологически позиционированную в мире и действенную «сферу разума». По словам В. И. Вернадского, «ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится *крупнейшей геологической силой*. Он может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше. Перед ним открываются все более и более широкие творческие возможности» [там же: 241].

Переход биосферы в ноосферу осуществляется в ходе человеческой истории как истории цивилизации. Это закономерный переход, и поэтому человечество должно принять на себя онтологическую ответственность за развитие

трансформирующейся в ноосферу биосферы, т. е. за развитие мира в целом, в чем и заключается его историческая миссия. Человеческий разум выступает субстанциальным началом и универсальным способом этого — ноосферного преобразования мира в новую онтологическую модальность.

В ноосферологической концепции В. И. Вернадского, разработанной на основе учения о биосфере, ноосфера предстает в биосферно-экологическом измерении. Как биосфера преобразует косную материю (неживой) природы, или геосфера, так и человек как разумная и активная форма жизни оказывает антропогенное воздействие на природу и биосферу, на окружающую среду. В 30-е годы XX века В. И. Вернадский отмечал глобально масштабные качественные изменения биосферы, происходящие в результате антропогенного влияния. При этом главной силой преобразования биосферы в ноосферу, согласно В. И. Вернадскому, выступает (современная) наука. Он рассматривал воплощающую в достижениях науки и техники научную мысль как планетное явление [Вернадский, 1991].

Понятие «ноосфера» в концепции В. И. Вернадского включает в себя: естественную природу (биосферу), окружающую среду, человеческий разум, исходящую из него миропреобразующую деятельность человека — субъекта, объективирующуюся в историческом развитии цивилизации, т. е. совокупную действительность человеческого бытия в мире. Такое универсалистское понимание ноосферы позволяет представить ее высшей ступенью интеграции всего сущего на Земле, высшей стадией развития глобальной системы связей «цивилизация — природа» в экологически оптимизирующей ее гармонизации.

Экологическая гармонизация системных взаимосвязей цивилизации и природы является индикатором онтологической оптимальности ноосферы. Эта экологически выраженная оптимальность глобальной системы связей «цивилизация — природа» и есть та точка Омега, на которую указывал Т. де Шарден, с той разницей, что она не трансцендентна, а имманентна биосфере, не выходит за пределы природной среды как онтологической основы существования и развития цивилизации, а позиционирована в ней. Ноосфера — это не замещение биосферы, а ее преобразование и дальнейшее развитие.

Как высшая стадия развития биосферы ноосфера представляет собой высшую ступень интеграции процесса глобального эволюционного развития, которое приобретает характер ноогенеза — направленного развития, определяемого разумом. Российский философ и математик, последователь идей В. И. Вернадского о ноосфере Н. Моисеев полагал, что «ноосфера — это такое состояние биосферы, когда ее развитие происходит целенаправленно, когда Разум имеет возможность направлять развитие биосферы в интересах Человека, его будущего» [Моисеев, 1990: 24]. И в этом определяемом разумом направленном развитии ключевая роль — за человеческой цивилизацией.

Цивилизация эпохи НТП, модернизации и глобализации — это высший этап человеческой истории и глобального развития современного мира — эволюционно-исторической миросистемы связей «цивилизация — природа». Человечество должно принять на себя глобальную ответственность за состояние современного мира и его перспективное будущее. Здесь главное значение имеет рациональная человеческая субъектность, фундированная соответствующими представлениями, идеями и ценностными ориентирами.

Концепция ноосферы имеет мировоззренческое значение, выражающее ее суть. Оно заключается в философском видении особого позиционирования человека в мире, его высшего — мироустроительного предназначения. Как субъект сознания, разума/мышления, рациональной деятельности, имеющей предметно-преобразующий, созидающий характер, человек занимает в мире центральное положение. Вместе с тем происходящее в развитии цивилизации глобальное развертывание миропреобразующей рациональной субъектности человека, имеющей предельное основание в потенциально безграничных возможностях его мышления, удостоверяет человека в качестве демиурга.

Понимание человека как мироустроителя — демиурга предполагает его ноосферное призвание, миссию рационального преобразования мира в его, неотъемлемой от экологической гармонизации глобальной системы взаимосвязей «цивилизация — природа», онтологической оптимальности. Эту ноосферную миссию можно в духе русского философа-космиста Н. Ф. Федорова номинировать «общим делом» всего сознательного человечества. Эта миссия обращена к человеку как живому носителю разума. Она требует ноосферного мировоззрения, удостоверяющего человека как *Homo Sapiens* в его реализуемой в развитии цивилизации демиургической субъектности.

Ноосферное мировоззрение ориентирует человека на осознание себя ноосферным субъектом — демиургом глобального масштаба, что, в свою очередь, предполагает новое — глобальное качество человеческого мышления, с корреспондентным ему пониманием возможностей использующей науку субъектности, ответственности перед нынешним и будущим состоянием глобальной социоприродной миросистемы связей «цивилизация — природа» и стратегическим ориентиром на ее экологически адекватную оптимизацию.

Это мировоззренческое осознание ноосферного, если концептуально — ноосферологического, призыва человечества эпохи мировой интеграции — эпохи глобализации предполагает новый уровень и качество мышления, т. е. глобальное мышление; глобальное сознание, если в более широком плане. В сфере глобального сознания и мышления здравомыслящее человечество должно в полной мере осознать свою ноосферную цивилизационную миссию.

В логике ноосферного мировоззрения цивилизованное человечество в своем развитии приурочено к ноосферной миссии как своей исторической судьбе. С обращением к ноосферной миссии как цивилизационной стратегии человечество принимает на себя ответственность за ход эволюции на Земле. В. И. Вернадский указывал на то, что с возникновением человека как *Homo Sapiens*, развитием его мышления, познания и преобразующей деятельности, человечество становится основным геологическим фактором происходящих в биосфере планеты изменений, приобретающих глобальный характер. Он призывал человечество принять на себя ответственность за эволюцию биосферы в целях сохранения и оптимизации условий жизни на Земле.

В общем, ноосферное мировоззрение акцентирует эксклюзивную роль человечества в эволюционном развитии Земли, ее истории, ее перспективах.

И, по сути, это мировоззрение антропокосмическое, а не просто антропоцентристское, это — мировоззрение, в котором указывается на космический характер человеческой субъектности и ее возможностей, и на органическую связь, на системное единство человечества и Вселенной.

На повестке дня человечества эпохи глобализации, его (глобального) сознания и мышления стоит судьбоносный вопрос — может ли ноосфера как сфера человеческого разума решить проблемы мирового развития?

Выводы. Современное (цивилизованное) мышление должно быть глобальным, — мышлением о мире в целом, и, по сути — это мышление мировоззренческое, а в своем концептуальном выражении — ноосферное. В эпоху глобализации глобальное мышление и ноосферное мировоззрение становятся необходимыми качествами для каждого образованного человека [Смирнов, 2016].

В мировоззренческой экспликации концепция ноосферы в качестве глобального мышления может стать социальной стратегией цивилизации, поскольку она ориентирует на капитальную рационализацию всей системы связей человека-субъекта, цивилизации и природной среды их развития.

В качестве стратегии развития цивилизации концепция ноосферы может стать грандиозным проектом ноосферного преобразования мира как ноосферной миссии цивилизационного человечества, его «общего дела». Эта ноосферная миссия человечества требует мировоззренческой экспликации.

Библиографический список / References

Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
(Vernadsky V. I. *Scientific Thought as a Planetary Phenomenon*, Moscow, 1991, 271 p. — In Russ.)

Гидденс Э. Социология. При участии К. Бердсолл: пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2005. 632 с.
(Giddens E. *Sociology*, Moscow, 2005, 632 p. — In Russ.)

Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе: пер. с англ. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. 328 с.
(Castells M. *Galaxy Internet: Reflections on the Internet, Business and Society*, Yekaterinburg, 2004, 328 p. — In Russ.)

Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона; пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 2004. 379 с.
(Berger P. and Huntington S. (eds.) *Many-sided Globalization*, Moscow, 2004, 379 p. — In Russ.)

Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. М.: Молодая гвардия, 1990. 351 с.
(Moiseev N. N. *Human and Noosphere*, Moscow, 1990, 351 p. — In Russ.)

Режабек Б. Г. Учение В. И. Вернадского о Ноосфере и поиск пути выхода из глобальных кризисов // Век глобализации. 2008. № 1. С. 159—167.
(Rezhabek B. G. The teachings of V. I. Vernadsky on the Noosphere and the search for a way out of global crises, *The Age of Globalization*, 2008, no. 1, pp. 159—167. — In Russ.)

Смирнов Г. С. Образование ноосферы: мировая интеллигенция и глобальное сознание. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. 428 с.
(Smirnov G. S. *Formation of the Noosphere: World Intelligentsia and Global Consciousness*, Ivanovo, 2016, 428 p. — In Russ.)

Смирнов Г. С. Образование ноосферы: локальное мёбиус глобальное. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2017. 416 с.

(Smirnov G. S. *Formation of the Noosphere: Local Möbius Global*, Ivanovo, 2017, 416 p. — In Russ.)

Сухина И. Г. Ценности и человеческое бытие в хронотопе культуры: монография. Донецк: ДонНУЭТ, 2016. 494 с.

(Sukhina I. G. *Values and human being in the chronotope of culture*, Donetsk, 2016, 494 p. — In Russ.)

Тейяр де Шарден П. Феномен человека: сб. очерков и эссе: пер. с фр. М.: АСТ, 2002. 553, [7] с.

(Teilhard de Chardin P. *Human phenomenon*, Moscow, 2002, 553, [7] p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.06.2025; одобрена после рецензирования 28.07.2025; принята к публикации 01.09.2025.

The article was submitted 28.06.2025; approved after reviewing 28.07.2025; accepted for publication 01.09.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Сухина Игорь Григорьевич — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского, г. Донецк, Россия, suhina_igor@mail.ru

Sukhina Igor Grigoryevich — Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Professor of Department of Philosophy, Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky, Donetsk, Russian Federation, suhina_igor@mail.ru

НООСФЕРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 165.12

DOI: 10.46724/NOOS.2025.4.39-51

И. И. Булычёв

ФУНКЦИИ ЕСТЕСТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НЕГАТИВНОГО ТИПА И ИХ ЯЗЫКОВЫЕ (ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ) ОПИСАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена разработке терминологического аппарата для описания функций негативного типа естественного интеллекта, понимаемого как неотъемлемая часть единого человеческого интеллекта наряду с интеллектом позитивного типа. Исходя из общего определения интеллекта как вопрошания, автор развивает ранее предложенную гипотезу о существовании двух типов интеллекта. Центральным объектом анализа выступает структура негативного интеллекта, которая представлена тремя взаимосвязанными функциями, соотносимыми с известными психиатрическими категориями, но рассматриваемыми в более широком социально-философском ключе: аутистическая (изоляционистская, замкнутая), основанная на потребности в уединении; пограничная (автофобная, страх пустоты), выражаясь в патологическом избегании одиночества; шизофреническая (биполярная, амбивалентная), коренящаяся в дуалистическом восприятии мира. Автор утверждает, что данные функции присутствуют у каждого человека в определенной пропорции и не являются сугубо патологическими, приобретая негативный характер лишь при превышении критического порога. На примере исторических личностей (шахматисты П. Морфи и Р. Фишер) и современных тенденций (рост психических расстройств у молодежи) показана динамика взаимоотношения позитивного и негативного интеллектов, а также потенциальная связь между гипертрофированным развитием отдельных функций и творческой одаренностью. В заключение делается вывод о взаимодополняющем, а не противостоящем характере двух типов интеллекта, а также о необходимости выхода за рамки сугубо медицинской терминологии для их адекватного философского и научного описания.

Ключевые слова: интеллект как вопрошение, естественный интеллект, структура интеллекта, двухтиповая модель интеллекта, негативный интеллект, позитивный интеллект, пограничное расстройство личности, амбивалентность.

Ссылка для цитирования: Булычёв И. И. Функции естественного интеллекта негативного типа и их языковые (терминологические) описания // Ноосферные исследования. 2025. Вып. 4. С. 39—51.

Original article

I. I. Bulychev

FUNCTIONS OF NATURAL INTELLIGENCE OF THE NEGATIVE TYPE AND THEIR LINGUISTIC (TERMINOLOGICAL) DESCRIPTIONS

Abstract. Article explores the development of a terminology for describing the functions of negative natural intelligence, understood as an integral part of the unified human intellect alongside positive intelligence. Based on the general definition of intelligence as questioning, the author develops a previously proposed hypothesis regarding the existence of two types of intelligence. The central object of analysis is the structure of negative intelligence, which is represented by three interrelated functions, correlated with well-known psychiatric categories but considered in a broader socio-philosophical context: autistic (isolationist, withdrawn), based on the need for solitude; borderline (autophobic, fear of emptiness), expressed in the pathological avoidance of loneliness; schizophrenic (bipolar, ambivalent), rooted in a dualistic perception of the world. The author argues that these functions are present in each person in a certain proportion and are not purely pathological, acquiring a negative character only when a critical threshold is exceeded. Using examples from historical figures (chess players P. Morphy and R. Fischer) and contemporary trends (the rise in mental disorders in young people), the dynamic relationship between positive and negative intelligence is demonstrated, as well as the potential link between the hypertrophied development of individual functions and creative giftedness. The conclusion emphasizes the complementary, rather than opposing, nature of the two types of intelligence, and the need to go beyond purely medical terminology for an adequate philosophical and scientific description.

Keywords: intelligence as questioning, natural intelligence, structure of intelligence, two-type model of intelligence, negative intelligence, positive intelligence, borderline personality disorder, ambivalence.

Citation Link: Bulychev I. I. (2025) Functions of natural intelligence of the negative type and their linguistic (terminological) descriptions, *Noospheric Studies*, no. 4, pp. 39—51.

Интеллект — предмет постоянного внимания исследователей, как отечественных [Холодная]¹, так и зарубежных [Армстронг, 2021; Бейкер, 2015]. Сего дня присутствует большое количество теоретических образов интеллекта, которые отражают те или иные, более или менее важные его характеристики. На примере многочисленных публикаций мы видим, что адекватное философское и научное описание интеллекта требует специального языка и особой, логически сбалансированной терминологии.

Что есть интеллект (интеллектуальность) в самом общем (философском) смысле? *Интеллект есть вопрошание (вопрошающий субъект, актор)*. Таково краткое определение данного феномена. В ходе вопрошания человек или искусственное устройство задает вопросы и получает на них ответы. Вопрошание есть процесс *вызываания*, т. е. действие (запрос, призыв), направленное на то, чтобы

¹ Анохин К. В. Что мы знаем и не знаем сегодня о мозге. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9UHAOi7NxOk&t=4278s> (дата обращения: 08.01.2025).

побудить кого-либо или что-либо явиться или откликнуться. В вопрошании заключается сущность интеллектуальности.

Ранее автор в содружестве с коллегами предложил гипотезу существования двух типов интеллекта — позитивного и негативного [Булычёв, Победоносцев, 2018: 126—128; Булычёв, Кирюшин, 2023]. Цель данной статьи — дать необходимое языковое (терминологическое) описание функциям естественного интеллекта (ЕИ) негативного типа. Возникла насущная потребность уточнить задачи, которые выполняет негативный интеллект. Ведь не для того же он существует, чтобы служить помехой позитивному интеллекту, т. е. вредить производству знаний, образов искусства и философии.

Структура негативного интеллекта включает в себя три тесно взаимосвязанные функции: аутистическую, пограничную (пограничное расстройство личности) и шизофреническую. В справочных изданиях эти функциональные компоненты описываются достаточно подробно, но преимущественно с медицинской (узкопрофессиональной) точки зрения. Как правило, им придается исключительно отрицательное значение. Между тем непозитивность аутизма, пограничных состояний и шизофрении, рассмотренных в более широком социальном аспекте, не следует преувеличивать и, тем более, превращать в абсолютную.

Впрочем, психические расстройства ширятся по всему миру. В зоне особой опасности сегодня оказались так называемые зуммеры (поколения, рожденные с 1997 по 2012 год), которые подвергаются невиданному ранее давлению на психику. У молодежи отмечается аномальная чувствительность к стрессу. Согласно недавно опубликованным данным ВОЗ, около 14 процентов молодых людей в возрасте до 19 лет страдают психическими расстройствами. В России за последние 10 лет (на 2025 год) число представителей подрастающего поколения с диагнозом «депрессия» и «тревожное расстройство» увеличилось более чем на 30 процентов. И, как считают специалисты, это лишь верхушка айсберга. Особое беспокойство вызывает статистика суицидов. По данным Росстата, ежегодно из 100 тысяч подростков добровольно прощаются с жизнью около 10 человек. Только за первую половину 2025 года наложили на себя руки почти 400 подростков².

Научные, медицинские исследования последних лет наглядно свидетельствуют о наличии функциональных проявлений, о которых идет речь, у множества персон, не являющихся больными или социально дезадаптированными. Так, большое число людей, у которых не диагностирован аутизм, имеют аутистические черты. Однако это не обязательно сопровождается каким-либо дискомфортом в повседневной жизни³. Все умножающееся число подобных исследований (фактов) позволяет сделать принципиально важный вывод: все составные отрицательного спектра интеллекта наличествуют у каждого человека или человеческой общности, но далеко не обязательно в качестве заболевания. Тяжелая патология начинается при достижении высокой (критической) величины негативности, т. е. выходит за рамки обычной (средней) нормы и требует

² Хакимова Е. Каждый десятый подросток психически нездоров // Мир новостей. 2025. № 38. С. 6.

³ Аутизм — это новая ступень эволюции или то, что изначально сделало нас людьми? URL: <https://zen.yandex.ru/media/scikit/autizm-eto-novaia-stupen-evoliucii-ili-to-chto-iznachno-sdelalo-nas-liudmi5ff82a9ad1a90641ca0b81bd> (дата обращения: 4.02.2025).

постоянного медицинского наблюдения и лечения [Булычёв, Победоносцев, 2018: 126—128]. Между тем все чаще наблюдается переход небольших отклонений, о которых шла речь выше, в заболевания. Неслучайно Президент США Трамп призывает открыть сотни психбольниц, закрытых 60 лет назад⁴.

Приводятся многочисленные факты талантливости личностей, имеющих отклонения в работе интеллектуальных функций. Так, у аутистов нередко налицоствуют совершенно поразительные способности: мнемонические, изобретательские, математические и др. Один из самых авторитетных в мире ученых, пишущих об аутизме, С. Барон-Коэн именует таких людей «гиперсистематизаторами». Это на редкость успешные искатели закономерностей и алгоритмов в науке, инженерии, искусстве. В их числе такие всемирно известные персоны, как Ганс Христиан Андерсен, Людвиг Витгенштейн, Томас Ал Эдисон, Альберт Эйнштейн [Барон-Коэн, 2023: 126 и далее]. Дэниел Таммет запоминал число пи до 22 514 знаков после запятой, и ему присудили титул чемпиона Европы в этом соревновании [там же: 107]. Подобные способности к гиперсистематизации выглядят как признаки «гениальности». И таких персон непропорционально много именно среди аутичных людей [там же: 112].

Обобщая имеющиеся факты, С. Барон-Коэн приходит к выводу о том, что «интеллект аутичных людей, не имеющих задержек в умственном развитии и склонных к гиперсистематизации, должен рассматриваться как один из многих естественных типов интеллекта, который сформировался в ходе эволюции и расширяет нейроразнообразие человека» [там же]. При этом «...аутичные люди и другие гиперсистематизаторы... более объективны, опираются на факты и точны, они менее субъективны, не полагаются на эмоции и приблизительные оценки» [там же: 218].

В некоторых сферах человеческой деятельности порой обнаруживается доминирование персон с шизофреническими проявлениями перед теми, кто психоневротических отклонений не имеет. Сказанное, пожалуй, в первую очередь относится к спортивным шахматам. В истории мировых шахмат яркими представителями были, прежде всего, две знаменитые персоны: Пол Чарльз Морфи и Роберт Джеймс Фишер. Их судьбы — драма гениев, которые не смогли справиться с психическим заболеванием. Шизофрения неразрывно соседствовала у них с аутистическими проявлениями. Между тем в период расцвета дарования двух вышеозначенных персон их соперники с отличными позитивными интеллектами и лишенные каких-либо значимых психических отклонений оказались не в состоянии успешно конкурировать с Морфи и Фишером.

Пол Морфи — шахматный вундеркинд, сильнейший шахматист (некоронованный чемпион мира) середины XIX века. Александр Алехин сказал о нем следующее: «Морфи принято называть величайшим шахматным гением всех времен... Если отличительным признаком гения является то, что он уходит далеко вперед по сравнению со своей эпохой, то Морфи был шахматным гением в наиболее совершенном выражении...»⁵.

Проблемы с психикой и поведением начались у Морфи с раннего детства, но особенно начали возрастать по мере усиления перенапряжения, вызванного

⁴ Над гнездом крысишки // АИФ. № 37. 2025. С. 7.

⁵ Пол Морфи — легенда мировых шахмат. URL: <https://chesswood.ru> (дата обращения: 03.02.2025).

чрезмерным увлечением Пола игрой вслепую, что требует затраты больших интеллектуальных сил. Специалисты отмечают, что игра с завязанными глазами требует особой концентрации и напряжения на пределе возможностей и является крайне серьезной нагрузкой на мозг. Мы имеем дело уже не просто с привычным раздвоением в том смысле, что человек мыслит не только за себя, но и за партнера (единственного). Речь идет буквально о расщеплении интеллектуальной деятельности, когда приходится держать в памяти одновременно множество партий, сюжет каждой из которых нетождественен всем остальным. Современные рекордсмены в игре вслепую играют одновременно 40, 50 и более партий. И происходит это полностью в виртуальном пространстве, т. е. без непосредственной визуальной опоры на реальную шахматную доску. Игра с завязанными глазами и другие обстоятельства жизни привели к тому, что у Морфи постепенно стала прогрессировать параноидальная форма шизофрении. С начала 1860-х он оказался полностью во власти душевной болезни и стал чем-то вроде «городского сумасшедшего».

Роберт (Бобби) Фишер. Биографы отмечают: есть нечто глубоко символичное в том, что Фишер, прожив 64 года, всю свою жизнь посвятил игре на 64 клетках. Авторитетный международный шахматный журнал *Chess Informant* в 2001 году признал Фишера лучшим шахматистом XX века. Есть также весомые аргументы для того, чтобы считать выдающегося гроссмейстера самым сильным из шахматных чемпионов за всю историю спортивных баталий вплоть до наших дней. Сказанное не означает, что все другие чемпионы мира после Фишера слабее его. Речь идет о том, что Роберт добился наибольшего перевеса над своими соперниками по сравнению со всеми другими чемпионами мира [Булычёв, Победоносцев, 2018: 229]. Однако драма жизни шахматного гения заключалась в том, что спортивный триумф оказался на редкость коротким.

Фишер с молодых лет страдал параноидальным расстройством личности. Именно такой диагноз поставил вундеркиду психолог Джозеф Понтеротто. Проблема того, что делать с психическими отклонениями Бобби, неконтролируемыми приступами ярости встала со всей силой уже в раннем возрасте. Одержанность ребенка шахматами заставляла мать не раз отправлять его к психологу — безуспешно. Понтеротто подчеркивает: феномен шахматного вундеркинда — наглядный пример того, с какими трудностями сталкиваются доктора, воспитатели и родители: как помочь юному гению, не препятствуя развитию таланта? В аналогичной ситуации находятся и другие одаренные дети, констатирует специалист⁶.

В наши дни широкая дискуссия развернулась вокруг вопроса использования с целью купирования врожденных психических отклонений процедуру редактирования генома. Данный метод был бы эффективен, если бы существовали отдельные от всех остальных гены психических заболеваний и, в частности, шизофрении. Но в том-то и загвоздка, что таковых не существует. В генотипе человека неразрывным образом негативные составные переплетаются с позитивными (негативный тип интеллекта с позитивным). Следовательно, попытка «генетического обрезания» неизбежно приведет к обрезанию талантов, их существенного количественного уменьшения. При массовом же применении подобной генной

⁶ Архивная публикация 2011 года: «Падший герой» — Информационное агентство Деловой журнал «Профиль». URL: profile.ru (дата обращения: 16.02.2025).

инженерии неизбежно снизится в целом интеллектуальное качество «обрезанного» социума.

Что касается Фишера, после своей выдающейся победы 1972 года новый чемпион мира неожиданно оставил спортивные шахматы, перестал контактировать с публикой, шахматистами или прессой. Журналистов ненавидел, вел уединенную жизнь, к незнакомым людям относился с неприязнью. Главная причина этого — прогрессирующее психическое заболевание, которое привело к росту объема негативного интеллекта за счет позитивного. Если величины позитивного и негативного интеллектов в момент рождения Фишера оцениваются в 67 и 33 процента соответственно, то к концу жизни их соотношение, вероятно, следует оценить как 57 и 43 процента [Булычёв, Победоносцев, 2018: 228]. Иначе говоря, в конце жизни Фишер стал тяжелобольным человеком, фактически сумасшедшим. Гроссмейстер, как и Морфи, по-видимому, злоупотреблял игрой с завязанными глазами. Фишер заставлял работать свою психику на износ. Одержанность шахматами в сочетании с экстремальными тренировками игры вслепую могли стать причиной роста степени его психического расстройства, роста негативного интеллекта в ущерб позитивному.

Таким образом, в расцвете сил (фактически на пике славы) оба спортивных гения (Морфи и Фишер) вынуждены были отказаться от дальнейшей шахматной карьеры из-за прогрессирующего психического заболевания.

До конца 1980-х годов в шахматах видели сплав спорта, искусства и науки. Однако по мере совершенствования компьютерных программ от сплава остался один спорт, который сегодня в нашей и других странах все больше обретает детское лицо. Юные персоны все чаще становятся гроссмейстерами до совершеннолетия, а в 18 лет — уже чемпионами мира. В такой ситуации особенно возрастает необходимость профилактики опасного для здоровья перенапряжения, которое может возникнуть в связи с массовым увлечением детьми спортивными шахматами. Безусловно, шахматы — прекрасное занятие, но у него есть и потенциально негативная сторона, особенно если игра ведется без должного контроля и баланса. Одно дело, подчеркивают специалисты, когда шахматы развиваются ребенка, дополняя школьное образование. И совсем другое дело, когда игра превращается в болезненную и всепоглощающую страсть, чреватую опасным перенапряжением.

Далее шаг за шагом рассмотрю составные естественного интеллекта негативного типа в соответствии с приведенной ниже таблицей (логистической матрицей).

Итак, структура негативного интеллекта включает в себя три тесно взаимосвязанные функции: аутистическую, пограничную (пограничное расстройство личности) и шизофреническую. Предлагаемая гипотеза о структуре, функциях и языке описания интеллекта негативного типа имеет, безусловно, непосредственной опорой медицинскую теорию и практику. Отсюда и названия самих функций, которые отражают и характеризуют, в первую очередь, заболевания в сфере человеческой психики (ментальности, сознания). Между тем аутизм, пограничные состояния и шизофрения, как целостные явления, невозможно свести исключительно к их медицинским (отрицательным) аспектам. Все выделенные нами функции опираются также на определенную, более широкую основу, не лишенную некоторой положительной модальности.

Функции естественного интеллекта негативного типа и их языковые описания		
Аутистская	Пограничная	Шизофреническая
Изоляционистская замкнутая	Аутофобная фобия пустоты	Биполярная (бинарная), амбивалентная (расщепленная)
Исходные базовые характеристики функций		
Уединенность, укромность	Доверительность, Дружественность (чистосердчность)	Раздвоенность (бытия и сознания), дуалистичность (мира)

Каждая из функций, в свою очередь, имеет собственную (внутреннюю) структуру. Она включает в себя три составные:

1. Спектр, который полностью не является биотически и социально отрицательным: стремление к уединению или, напротив, стремление избежать одиночества, а также дуалистический (диалектический) характер восприятия окружающего мира. Данный спектр по своему содержанию является базовым (исходным).

2. Спектр переходного плана от границы нормы к заболеванию.

3. Патологические состояния.

Если весь объем интеллекта человека взять за 100 процентов, то тяжелое психоневрологическое заболевание начинается за пределами 42 процентов. Что же тогда представляют собой состояния людей от 0 до 42 процентов включительно? Диапазон от 0 до 20 процентов (включительно) есть, по-видимому, ситуация, когда мышление и поведение человека чаще не выходят за пределы медицинской и социальной нормы. В рамках этого диапазона могут, конечно, возникать отдельные девиации и деформации, которые, однако, не имеют здесь постоянного или хронического характера. Иначе обстоит дело с уровнем от 21 до 42 процентов функционального диапазона, где аналогичные отклонения носят уже постоянный характер и вынуждают персону постоянно наблюдать за своим психическим (ментальным) самочувствием. Особенно значим рубеж 29 процентов негативности и далее, за которым сложности в поведении конкретного человека дают о себе знать постоянно. Необходимый контроль поступков, речевого поведения или эмоций удается поддерживать далеко не всегда. В некоторых неблагоприятных ситуациях психические девиации и деформации могут достигать (хотя бы на время) уровня тяжелых отклонений. И, наконец, уровень выше 42 процентов есть состояние инвалидности (медицинской и социальной).

Первоначальные функциональные уровни интеллекта негативного типа даются человеку от рождения. Они могут в течение жизни оставаться неизменными либо изменяться в худшую сторону. Ситуация такого роста означает количественное перераспределение общего объема интеллекта персоны или общности. Это перераспределение происходит за счет уменьшения объема

интеллекта позитивного типа. И, чем большее пространство занимает вопрошение негативного плана, тем вероятнее также качественные изменения. Поведение субъекта (персоны, общности) может измениться до неузнаваемости.

Не имея сегодня другой терминологии, помимо медицинской, мы вынуждены все три составные внутренней структуры функций относить к аутизму, пограничному состоянию или шизофрении. Данная ситуация превращает эти понятия из научных в общенаучные и философские, что требует своего дальнейшего теоретического обсуждения.

Далее рассмотрим три основные функции негативного интеллекта и постараюсь объяснить, зачем они вообще нужны живым человеческим индивидам.

Аутистическая функция предполагает направленность человека на *изоляционизм*, который выражается в дефиците социального взаимодействия (отказе в большей или меньшей степени от общения). Изоляционистская стратегия отличается *замкнутостью*. Аутизм — это «состояние психики, характеризующееся преобладанием замкнутой внутренней жизни и активным отстранением от внешнего мира» [Новый энциклопедический словарь, 2001: 76]. Социальная изоляция особенно затрагивает когорту пожилых людей. По данным ВОЗ, треть пенсионеров жалуется на недостаток общения. Напрямую касается эта проблема также людей с инвалидностью, беженцев, мигрантов. Социальная изоляция повышает риск развития многих заболеваний и смерти.

Социально-философский подход, в отличие от медицинского, является более широким и позволяет говорить о наличии аутистических, а также шизофренических и пограничных проявлений у всех людей без исключения. Более того, некоторые специалисты полагают, что именно аутизм сделал нас людьми⁷. Вместе с тем, чем весомее аутистический спектр, тем сложнее субъекту выйти из своего внутреннего мира во внешний. Росту аутизма ныне все чаще способствуют негативные социальные факторы (зависимость личности от разного рода гаджетов и пр.). Все чаще говорят о своего рода эпидемии, связанной с расстройством аутистического спектра (PAC). Согласно доступной статистике, прирост процента больных с каждым годом увеличивается⁸.

Какую задачу выполняет аутизм в качестве целостного явления (не сводимого к заболеванию) в жизни человека и социального сообщества? Что лежит в его основе? Полагаю, что реальной (первоначальной) базой аутизма является потребность и стремление к *уединенности* (обособлению). Сама эта потребность является совершенно нормальной, если не переходит известные границы. Отправной точкой стратегии уединения могут быть самые разные причины (смерть близкого человека, болезнь, развод, потеря работы и т. д.). Уединенность предполагает *укромность*, т. е. нахождение вдали от людных мест.

Таким образом, аутизм неправомерно отождествлять с абсолютным медицинским, и тем более, социальным негативизмом. Даже персоны, у которых аутистические отклонения выходят за рамки 42 процентов негативного объема интеллекта, порой могут быть креативными и в чем-то успешными людьми.

⁷ Аутизм — это новая ступень эволюции или то, что изначально сделало нас людьми? URL: <https://zen.yandex.ru/media/scikit/autizm-eto-novaia-stupen-evoliucii-ili-to-cto-iznachalno-sdelalo-nas-liudmi5ff82a9ad1a90641ca0b81bd> (дата обращения: 4.02.2025).

⁸ Одиночество убивает около 100 человек каждый час // Тамбовский меридиан. 2025. 15 июня. № 28 (1172).

Пограничная функция (пограничное расстройство личности) — тонкая грань между невротическим и психотическим состояниями. ПРЛ — одно из самых распространенных ментальных нарушений на планете: им страдает до 6 % населения Земли⁹. Пограничная функция фактически выступает противоположностью аутистической. Если последняя направлена на уединение, то первая, напротив, всячески старается его избегать.

Сущность пограничного расстройства личности наиболее точно выражается в понятии *аутофобии* (слово переводится с древнегреческого языка как «боязнь самого себя»), т. е. в патологическом страхе (боязни) одиночества. Точные данные о распространенности этого страха отсутствуют. Тем не менее различные опросы дают определенное представление о распространенности данного явления. Так, в США около 12 % населения страдают от аутофобии различной степени выраженности. У женщин данный страх возникает чаще, чем у мужчин¹⁰. Одиночество квалифицируется экспертами ВОЗ в качестве одной из самых опасных болезней XXI века. Каждый шестой человек чувствует себя одиноким и покинутым. Ежегодно одиночество приводит к гибели около 871 тыс. человек, это примерно 100 смертей каждый час¹¹.

Как известно, число страхов и фобий насчитывается десятки тысяч. Среди них встречаются порой весьма странные и нелепые, но люди от них страдают. В этой ситуации достаточно наглядно раскрывается отнюдь не позитивная социальная роль интеллекта негативного типа. Между тем страх нормален, если не превышает определенные (критические) параметры. В противном случае он начинает мешать людям жить (это уровень тяжелой патологии в виде депрессий, полной социальной дезадаптации, инвалидности).

Что касается аутофобии, она заключается в стремлении не допускать одиночества, в настойчивом и непреодолимом желании постоянно находиться в окружении людей. Страх одиночества, в свою очередь, тесно коррелирует с *фобией пустоты*. Специалисты считают ощущение пустоты отличительным признаком ПРЛ. Эта пустота зачастую носит хронический характер и заключается в чувстве отстраненности и оторванности как от себя, так и от других людей. Пустота, связанная с ПРЛ, коррелирует с ощущениями безнадежности, оставленности и переживается чрезвычайно тягостно. Это ощущение пустоты изматывает и требует немедленного заполнения событиями, вещами, людьми. Вот почему люди с ПРЛ так боятся оставаться одни. Хроническое чувство пустоты способствует развитию депрессии и суициdalного поведения

Вообще говоря, аутистическому уединению в первом приближении противостоит стратегия *партиципации* (товарищества), которое можно считать первым элементом пограничной функции, ее исходной базой. Эта стратегия способствует установлению и развитию отношений, основанных на сотрудничестве и взаимопомощи. К таким аспектам относят доверие и честность, эффективную

⁹ Пограничное расстройство личности: 7 главных симптомов, причины и методы лечения. URL: dzen.ru (дата обращения: 28.03.2025).

¹⁰ Аутофобия — причины, симптомы, диагностика и лечение. URL: <https://www.krasotaimedicina.ru/diseases/psychiatric/autophobia> (дата обращения: 25.02.2025).

¹¹ Одиночество убивает около 100 человек каждый час // Тамбовский меридиан. 2025. 15 июня. № 28 (1172).

коммуникацию и взаимную поддержку. Подобный уровень предполагает отношения *доверительности* (добрососедства, взаимопонимания, взаимопомощи и открытости между людьми). Однако подобные отношения не могут быть преувеличивающими в рамках ПРЛ. Это как бы некоторый фон, предваряющий негативные пограничные ситуации.

Шизофреническая функция негативного типа интеллекта выражается в наличии у субъекта особого психопатического состояния. Шизофрению имеют «королевской психиатрии», но при этом на сегодняшний день констатируют внятное определение и описание причин возникновения данного заболевания.

По-видимому, сущность шизофренической функции заключается в *биполярности*, которая знаменует собой (в предельно широком смысле) постоянные колебания в сфере ментальности, высших информационных механизмов личности (от небольших перепадов настроения личности до весьма значительных). Биполярное расстройство характеризуется тем, что у человека внезапно и без видимого повода меняется настроение¹².

Колебания, о которых идет речь, имеют под собой глубокие экзистенциальные основания. Окружающий нас мир противоречив и многогранен, к тому же он находится в постоянном изменении. Данная вполне объективная ситуация не может не находить отражение в жизни людей, которые, с одной стороны, являются биотическими (природными) организмами, а с другой — общественными существами. Это объективное противоречие (раздвоение) единого человеческого бытия находит свое выражение во всей жизни и укладе субъектов. Противоречивость отличает интеллект и сознание, язык и мышление. Происходит определенное их раздвоение, которое приобретает субъективный и неоднозначный характер.

Биполярность как явление широкого плана, вообще говоря, вполне естественна и нормальна. Напротив, однополярные чувства (только положительное или только отрицательное), как полагают специалисты, свидетельствуют о некотором психическом расстройстве. Биполярность, следовательно, играет не только негативную, но и позитивную роль. Так, в рамках интеллекта позитивного типа полученные знания вполне адекватно (осознанно, разумно и рационально) фиксируют наличие в природе и обществе глубоких противоречий. Значимость данного факта нашла свое выражение в законе единства и борьбы противоположностей. Важно отметить, что эти противоречия носят фундаментальный характер и отражаются интеллектом не только рациональным (знаниевым) путем, но и нерациональным (иррациональным). Именно неосознаваемое (или не вполне осознаваемое), нерациональное (или по преимуществу нерациональное) находит свое отражение в ЕИ негативного типа. Раздвоенность самого природного и общественного бытия приводит к аналогичной расщепленности единого человеческого интеллекта на две неразрывно связанные и одновременно специфические сферы.

¹² Биполярное расстройство — причины появления, симптомы и признаки заболевания, диагностика и способы лечения, прогноз и последствия. URL: <https://www.smclinic.ru/diseases/bipolyarnoe-rasstroystvo/?ysclid=mf3p4biyfr677643206> (дата обращения: 3.04.2025).

Таким образом, bipolarность в ее широком формате имеет неоднозначное значение и не является абсолютно отрицательной, поскольку имеет фундаментальную опору в более широком социально-психологическом контексте. Последнему, строго говоря, bipolarность (двойственность, противоречивость) присуща людям как экзистенциальный принцип. Bipolarность в самом общем плане есть противоречие, сторонами которого выступают, с одной стороны, стремление твердо сохранять определенность, односторонность поведения, а с другой — непременно учитывать сложный, изменчивый и зачастую много-векторный характер человеческого бытия и, насколько возможно, адекватно на него реагировать. В жизни каждого реального субъекта эти стороны находятся в самых разных сочетаниях: они могут быть относительно сбалансированными или, напротив, совершенно разбалансированными, т. е. какая-то одна из сторон полностью доминирует (например, состояние маниакальности).

Для характеристики шизофренической bipolarности широко используется термин «амбивалентность», под которой имеется в виду расщепление ума. Термины «амбивалентность», «шизофрения», «аутизм» ввел в психиатрию Эйген Блейлер. Швейцарский ученый считал амбивалентность главным признаком шизофрении (шизоидности). Шизофреническая амбивалентность — это состояние, когда субъект одновременно переживает два противоположных и, казалось бы, несовместимых чувства: любовь и ненависть, радость и печаль, спокойствие и гнев.

С точки зрения психиатрической науки, амбивалентность есть симптом, а не самостоятельное расстройство. Э. Блейлер выделял три ее вида:

1. Эмоциональная (к объектам и явлениям в одно и то же время проявляется негативное и позитивное отношение).
2. Волевая (невозможность выбрать из двух противоположных решений, в результате человек зачастую предпочитает просто отказаться от выбора совсем).
3. Интеллектуальная (при размышлении человек поочередно склоняется к противоположным и даже взаимоисключающим идеям).

Принято также выделять социальную амбивалентность, вызванную тем, что социальный статус человека в различных ситуациях (на работе, в семье) может быть различен. Кроме того, социальная амбивалентность связана с колебаниями персоны между разнородными и противоречащими друг другу культурными ценностями, социальными установками. Нередко люди сами указывают на свою социальную амбивалентность, называя себя, к примеру, «православными атеистами».

В рамках теоретической гипотезы о функциях интеллекта негативного типа целесообразно уточнить значение терминов «bipolarность» и «амбивалентность». Имеет смысл под шизофренической амбивалентностью понимать не просто bipolarное раздвоение, а расщепление личности, ее сознания и мышления. В рамках шизоидного и сходного с ним психического контекста амбивалентность, связанная с расщеплением личности, обретает по преимуществу негативный характер. В одном человеческом теле, интеллекте, сознании и мышлении могут налицоствовать две и более отдельных идентичностей, отличающихся возрастом, полом и воспоминаниями, по-разному думающих и действующих. Между переключениями субличностей нередко возникают пробелы в памяти. Например, в теле Билли Миллигана сосуществовали 24 полноценные личности. Билли совершил ряд грабежей и изнасилований, однако избежал нака-

зания по причине психического заболевания. Это первый в истории американской судебной практики случай, когда обвиняемого с таким багажом доказанных преступлений не осудили, а направили на принудительное лечение¹³.

Шизофреническая амбивалентность, если она принимает характер патологии, означает наличие тяжелого заболевания, которое начинается при достижении критической величины в 43 % негативности и требует постоянного медицинского наблюдения. Если к этой критической, шизофренической величине добавить также количественные величины двух других негативных функций, то в результате образуется подавляющий перевес негативного интеллекта по сравнению с позитивным. Он может значительно превышать величину в 50 % от всего объема интеллекта (100 %). Данный количественный перевес приводит к новому качеству — чрезмерному детерминационному влиянию негативного интеллекта на всю жизнь человека или социальной группы [Булычёв, Победоносцев, 2018: 126—128].

Смысл любого интеллекта — задавать вопросы и получать на них ответы. Какие же вопросы задает негативный тип интеллекта? *Аутисты* спрашивают себя относительно того, следует ли им вступать в контакт с данным человеком или общностью. И насколько близкими должны быть такие контакты? Или правильнее вообще от них отказаться? *Люди с пограничным расстройством*, напротив, задаются вопросом о том, как избежать ненужного или тягостного одиночества? С какой социальной группой целесообразнее установить коммуникационные связи? *Персоны с шизофреническими отклонениями* задаются вопросом о том, как сохранить целостность интеллектуальной деятельности в своем расщепленном сознании и т. д. и т. п.

В заключение необходимо подчеркнуть относительность разделения человеческого интеллекта на два типа. Каждый из них содержит в себе также противоположные компоненты и не замкнут в своей абсолютной позитивности или негативности. Интеллекты — позитивный и негативный — скорее дополняют, а не противостоят друг другу.

Итак, аутистскую функцию интеллекта негативного типа следует охарактеризовать как изоляционистскую (замкнутую); напротив, пограничная функция, будучи аутофобией (фобией пустоты), стремится избегать одиночества; наконец, шизофреническая функция — это биполярность (амбивалентность) восприятия окружающего мира.

Библиографический список / References

Армстронг Т. Ты можешь больше, чем думаешь. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. 208 с.
(Armstrong T. *You Can Do More Than You Think*, Moscow, 2021. 208 p. — In Russ.)

Барон-Коэн С. Искатели закономерностей: Как аутизм способствует человеческой изобретательности. М.: Альпина нон-фикшн, 2023. 320 с.
(Baron-Cohen S. *Pattern Seekers: How Autism Fuels Human Ingenuity*, Moscow, 2023, 320 p. — In Russ.)

¹³ 24 личности, запертые в одном теле: что скрывал маньяк Билли Миллиган. URL: Woman.ru (дата обращения: 25.02.2025).

Бейкер Джон Р. Раса. Взгляд белого чело века на эволюцию. М.: ACT, 2015. 727 с.
(Baker John R. *Race. A White View of Evolution*, Moscow, 2015, 727 p. — In Russ.)

Булычёв И. И., Кирюшин А. Н. О парадоксах интеллектуальности // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2023. № 6. С. 134—142.

(Bulychev I. I., Kiryushin A. N. On the paradoxes of intellectuality, *Intellect. Innovations. Investments*, 2023, no. 6, pp. 134—142. — In Russ.)

Булычёв И. И., Победоносцев С. Н. Космический стандарт человека: в 2 кн. Кн. 1. М.: Книга по требованию, 2017. 224 с.; Кн. 2. М.: Книга по требованию, 2018. 300 с.

(Bulychev I. I., Pobedonostsev S. N. *Human Cosmic Standard*: in 2 books. Book 1. Moscow, 2017, 224 p.; Book 2. Moscow, 2018, 300 p. — In Russ.)

Новый энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия; Рипол Классика, 2001. 1456 с.

(New Encyclopedic Dictionary, Moscow, 2001, 1456 p. — In Russ.)

Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. М.: Москва: Барс; Томск: Изд-во Томского ун-та, 1997. 392 с.

(Kholodnaya M. A. *Psychology of Intelligence: Paradoxes of Research*, Moscow; Tomsk, 1997, 392 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.06.2025; одобрена после рецензирования 28.07.2022; принята к публикации 01.09.2025.

The article was submitted 20.06.2025; approved after reviewing 28.07.2022; accepted for publication 01.09.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Булычёв Игорь Ильич — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Мичуринский государственный аграрный университет, г. Тамбов, Россия, igor-algoritm@mail.ru

Bulychev Igor Il'yich — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Michurinsk State Agrarian University, Tambov, Russian Federation, igor-algoritm@mail.ru

ПРИКЛАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ

Научная статья

УДК 101.1(470+571)

DOI: 10.46724/NOOS.2025.4.52-59

Л. Дж. Петряков

ПАРАДОКС ЭМПАТИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация. Многие исследователи замечали, что в русской литературе злая сила противопоставлена бессильному доброму и попытка реализации сюжета в духе традиционной для Запада «борьбы добра со злом» приводит к необходимости союза добра с некоторым злом, «размывания» самих понятий добра и зла. Чтобы разобраться в данном вопросе, обратимся к более широкому «парадоксу художественной литературы», ставшему основой философии художественной литературы (*philosophy of fiction*). Суть парадокса состоит в вопросе адресации нашей эмпатии, сочувствия, испытываемого по отношению к герою и предполагаемой неравноценности для нас реальных людей и персонажей. В русской литературе герой, как правило, — «маленький человек», противопоставленный «большому» и злому. Две главные черты маленького человека — социальное одиночество и уход от реальности. Сочувствие маленькому человеку ставит сочувствующего в положение «большого», требует идентификации с ним, как с источником добра и порядка, но такая позиция делает нас «добрьими злодеями». Наша эмпатия по отношению к нему не переходит в солидарность с ним и деятельную его защиту, оставаясь скрытой жалостью к самому себе, лицемерием.

Ключевые слова: эмпатия, сострадание, литература, мифологическое сознание, «маленький человек».

Ссылка для цитирования: Петряков Л. Дж. Парадокс эмпатии в русской литературе // Ноосферные исследования. 2025. Вып. 4. С. 52—59.

Original article

L. D. Petryakov

THE PARADOX OF EMPATHY IN RUSSIAN LITERATURE

Abstract. Many researchers have noticed that in Russian literature, evil power is opposed to impotent good, and an attempt to implement the plot in the spirit of the traditional Western “struggle between good and evil” leads to the need for a union of good with some evil, “blurring” the very concepts of good and evil. To understand this issue, let’s turn to the broader “paradox of fiction”, which has become the basis of the philosophy of fiction. The essence of the paradox is the question of addressing our empathy, the empathy we feel towards the hero and the perceived disparity between real people and characters for us. In Russian literature, the hero is usually a “little man”, opposed to the “big” and evil. The two main features of a small person are social loneliness and withdrawal from reality. Empathy for a small person puts the sympathizer in the position of a “big one”, requires identification with him as a source of goodness and order, but this position makes us “good villains”. Our empathy towards him does not translate into solidarity with him and active protection, remaining hidden by self-pity and hypocrisy.

Keywords: empathy, compassion, literature, mythological consciousness, “little man”.

Citation Link: Petryakov L. D. (2025) The paradox of empathy in Russian literature, *Noospheric Studies*, no. 4, pp. 52—59.

Русская классическая, «высокая» литература всегда отличалась чувственностью, эмпатией к своим персонажам. Сочувствием, состраданием, сопереживанием герою произведения достигались две цели: объединение читателя и героя и гуманизации жизни, через которую мысль автора проникала в душу читателя. А. Шопенгауэр считал, что через сострадание другому человек отклоняет природную волю эгоистических инстинктов, делая ее собственно человеческой волей. А одно из первых «определений» эмпатии дал З. Фрейд: «Мы учитываем психическое состояние пациента, ставим себя в это состояние и стараемся понять его, сравнивая его со своим собственным» [Фрейд, 2006: 136]. Порой мы «заражаемся» эмоциями персонажа произведения, воспринимая его более «живым», чем реальные люди.

С точки зрения буддизма, сострадание — это желание освободить другого от страданий, взять его боль «на себя», после чего должно последовать деятельное участие в судьбе другого. Это «высокий» смысл сострадания. Но есть и «низкий» смысл: неудовольствие, испытываемое по поводу чужого несчастья. Это пессимизм, разочарование в жизни, уныние. Ницше писал, что через сострадание теряется сила [Ницше, 2007]. Помочь герою произведения действительно невозможно, а помогать прототипам порою нет ни сил, ни желания. Результатом общего сострадания становится равнодушие: вместо помощи говорят: «А кому сейчас хорошо?» По Ницше, сострадание — это практика нигилизма. С точки зрения И. Канта, сострадание имеет ограниченную моральную ценность, так как оно «слепо, неразумно, а потому не морально» [Чанышев, 2010: 642—643]. Действительно, какова цена и, соответственно, ценность поступка сострадающего, если этого поступка нет? Тем не менее мы сострадаем персонажам и образам медиа, эксплуатирующим наши чувства «эффектом опознаваемой жертвы», экспатрируя ее черты на себя и своих близких, погружаясь еще более в безволие и пессимизм.

Поскольку чувствам свойственно возрастать, тем более, если они не имеют практического выхода: совершив добрый поступок в отношении страдающего человека, сострадатель получает моральное удовлетворение, и его сила духа возрастает. Если же сострадание просто распространяется вокруг, погружая людей в пессимизм, то отрицательные чувства так же требуют выхода, а не найдя его, усиливаются, переходя в агрессию и насилие. Положительными примерами нравственных поступков в художественном произведении являются рассказы Людмилы Улицкой, герои фильмов Чарли Чаплина. Несмотря на маргинальность, их персонажи не проваливаются на социальное «дно», не превращаются в «насекомых», как в книгах В. Пелевина, а борются с жизненными проблемами и нередко побеждают!

К отрицательным примерам, можно отнести произведение «Не кормите и не трогайте пеликанов» [Аствацатуров, 2019], герои которого похожи на пеликанов: они нелепые и опасные. Главный герой — «аутист» — живет в своем обособленном мире. В его мире ничего ему не принадлежит — ни любимая женщина, ни работа. За последние годы Андрею «не надо ничего решать», «все

происходит само собой»; его «то берут на работу, то увольняют, куда-то толкают, везут, тащат». И это отсутствие необходимости что-то решать Андрею нравится: «накатывает безволие».

Эмоциональным выходом из этого состояния могут быть злоба и месть. Многие исследователи [Homo scriptor, 2020] замечали, что в русской литературе злая сила противопоставлена бессильному доброму и попытка реализации сюжета в духе традиционной для Запада «борьбы добра со злом» приводит к необходимости союза добра с некоторым злом, применения его приемов и «размывания» самих понятий добра и зла. Мы не считаем эту особенность фундаментальным фактом, характерной чертой и т.п. Но причина возникновения такого, пусть даже упрощенного впечатления о существенной черте русской литературы требует анализа.

В русской литературе герои (главные персонажи), как правило, контрастны, противопоставлены друг другу в качестве представителей разных классов, поколений, носителей разных идей: Катерина и Кабаниха; Базаров и Кирсанов; Чичиков и провинциальные помещики. Это альтернатива большой / маленький человек. Если же явного антипода в произведении нет, то главный персонаж в нем противопоставлен безликой Системе, бездуховному обществу, т. е. коллективному «большому». Исходя из этого противопоставления, мы можем предположить, что читатель произведения будет сочувствовать маленькому человеку, идентифицируя себя с ним и приписывать «маленькому» лучшие из своих качеств. Это отсылает нас к новоевропейской, просвещенческой мысли, что человек рождается без греха, он — «чистая доска», «святой», «благородный дикарь».

Но «что такое маленький человек? Он всегда один. Даже если их двое или трое, они все равно одни. Маленький человек не вписывается в систему ценностей и ориентиров Больших людей, поэтому существует как бы между строк. Вроде бы и есть он, вроде бы и нет. Так что маленький человек в России начинает исчезать и, быть может, скоро исчезнет вовсе. Большие люди, прекрасно понимая бесполезность и даже вредность маленького человека и имея, наконец, необходимые средства для его ликвидации, начинают вытеснять его с исторической сцены. (*Хорошо ли это? И кто придет ему на смену?* — прим. Л. П.) ... Ему, как первобытному человеку, кажется, что основные законы мироздания непознаваемы, что ума нам хватает лишь на мелкие практические дела, что самые важные вещи в жизни понимаются не умом и т. д. <...> маленький человек недостаточность умственного развития компенсирует воображением и фантазией. Привыкнув в детстве представлять себе сказочные картины, в которых сам принимает активное участие, его сознание сохраняет до конца жизни эту ненужную, далекую от реальности и противоречащую разуму привычку. Поэтому жизнь маленького человека складывается как бы из двух частей — реальной и воображаемой, причем последняя кажется намного приятнее и значительнее [Фетисов, 2009: 119]. То есть две главные черты маленького человека — социальное одиночество и уход от реальности.

Маленький человек может быть помещен между вещью (шинель) и личностью [Гусейнова, 2020]. У Гоголя он скорее вещь, элемент сюжета или анекдота, «одномерный» человек. Для Померанца важнее именно социальная дистанция между «маленьким человеком» и «сильными мира сего», которые этого человека «топчут» [там же: 243]. Раз «маленький человек» слаб, он автоматически получает статус «ничтожества», лишается любви, интереса и даже сочувствия. Наша

эмпатия по отношению к нему не переходит в солидарность с ним и деятельную его защиту, оставаясь скрытой жалостью к самому себе, лицемерием.

К примеру, Вавилен Татарский из «Generation П» [Пелевин, 1999] синонимичен герою «Матрицы» Братьев Вачовски. Но в отличие от Нео из «Матрицы», Дон Кихота и множества европейских героев, Вавилен не борется с Системой, а стремится подчинить ее себе, встать во главе. Виртуальная реальность при этом является симулякром: это копия того, чего уже нет или вообще никогда не было. Товары, которые рекламирует Вавилен, создают искусственный образ счастливого человека, который не имеет ничего общего с правдой. Воспоминание о подлинном и высоком у Вавиlena оформляются в форму облака. Но «Облака» — комедия Аристофана, высмеивающая мудрость Сократа. «Жизнь успела вытеснить эту странную субстанцию из души, и ее осталось ровно столько, чтобы можно было вспомнить о ней на секунду и сразу же потерять воспоминание», — говорит Вавилен. По сути, его можно назвать плутом, негодаем, подобным П. Чичикову, О. Бендеру, хотя, учитывая масштаб происходящего в романе, он гораздо хуже и опаснее.

Однако человек-читатель испытывает к такому персонажу, а через него и к себе, амбивалентные чувства, поскольку логика проявления чувства требует его развития: для проявления агапе сочувствующему нужно быть выше и сильнее того, кому он сочувствует. Сочувствие маленькому человеку ставит сочувствующего в положение «большого», требует идентификации с ним, как с источником добра и порядка. Как это происходит, например, в произведениях Чарльза Диккенса, Конан Дойла, Агаты Кристи. Но логика произведения русской литературы этому противится: большой — злодей, угнетатель «маленького». А стать «большим», оставаясь добрым — почти невозможно. В связи с этим остается один выход: считать положительным того, кто живет хитростью, обманом «больших» людей и самой жестокой жизни. Тогда Вавиlena, О. Бендера и П. Чичикова можно поставить в ряд с Али-Бабой, Ходжой Насреддином и античным Сизифом.

В этом противоречии, сочувствуя маленькому, мы одновременно и невольно оправдываем поступки большого практикой, здравым смыслом или чем-то еще, что отсылает нас к известному психологическому комплексу и делает нас «добрьми злодеями». Чтобы избежать этого, мы должны видеть, что добро, честность, благородство явно присущи одному из персонажей, а другой лишен этих качеств. Но тогда это была бы банальная история, детская сказка, далекая от реальности. В детской же сказке, в отличие от мифа, парадокс невозможен, так как кроме героев: протагониста и антагониста, там есть третий элемент — добрая фея в «Золушке», Бог, Судьба, Справедливость. Читателю остается только дождаться, когда вступит в действие этот третий элемент, и следить за приключениями / страданиями героев, зная о «счастливом конце».

В чем преимущество нас, органических, белковых существ перед выдуманными (нами же) персонажами? Мы — смертны, они — нет. О каждом из нас знают десятки людей, о них — тысячи и миллионы; мы болеем и стареем, а они вечно молоды, сильны, мудры, счастливы. И все-таки это преимущество есть! Мы способны интерпретировать их и себя на живых, невыдуманных примерах. Понимать и быть понятым. Тогда как они способны задавать «рамки», образцы поведения, надевать «шоры» на наше сознание. Тогда почему они кажутся сильнее и мудрее нас? Потому, что мы «маленькие», нас знают десяток людей, мы

смертны и мы не хотим интерпретировать их. Поэтому парадокс есть, но только обратный: персонаж формирует коллективного героя, который молод, силен, бессмертен, хотя и состоит из смертных, больных, одиноких и немолодых людей. И является их идеалом!

К примеру, коллективный герой характерен для произведений Елизарова [Елизаров, 2024]: квазисемью у него образует ритуал. В «Библиотекаре» участники «громовского универсума» объединены тем, что читают обладающие магической силой книги забытого писателя-соцреалиста. Эти действия ведут к чуду: в мире всеобщего отчуждения возникает неразрывная связь сильных, мужественных, верных товарищей, всегда готовых к самопожертвованию друг для друга. Конечно, эта связь иллюзорна, пока не подкреплена чем-то извне. Но если персонаж может действовать как человек, то и человек способен стать персонажем своего произведения, своей истории жизни. Почему большинство людей не делают этого?

Чтобы разобраться в данном вопросе, обратимся к более широкому «парадоксу художественной литературы» [Шохин, 2021], ставшему основой философии художественной литературы (*philosophy of fiction*). Суть парадокса состоит в вопросе адресации нашей эмпатии, сочувствия, испытываемого по отношению к герою и предполагаемой неравноценности для нас реальных людей и вымышленных персонажей. Различные теории «парадокса» обосновывают адресацию к самому герою, читателю, прототипу, классу. Теория прототипов, наиболее влиятельная из всех теорий «парадокса», говорит о раздвоенности (эмоций) читателя между реальным прототипом и абстрактным персонажем, между реальностью и идеей, идеалом. Разумеется, в этом выборе читатель будет предпочтовать реальность, в которой он и живет, хотя и страдать по идеалу как «потерянному раю», в который нельзя вернуться, но очень хочется! Но, следуя мысли, это ошибочная позиция [там же: 27], поскольку персонажи реальны (как представители третьего мира К. Поппера), и даже более реальны, чем их физические прототипы, чем сами читатели!

Парадокс художественной литературы не существует [там же: 29], поскольку отрицает или умаляет существование выдуманных героев. В философии существуют всего два критерия существования: «быть воспринимаемым» (Беркли и Кант) и действовать на других и/или испытывать воздействие на себе (Платон). Обоим этим критериям удовлетворяют едва ли не все герои выдуманных историй. Учитывая сегодняшнее взрывное развитие искусственного интеллекта и его влияние на все сферы жизни, скоро можно будет сказать, что «рассказывать историю» и «творить историю» это одно и то же. Сюжет произведения вполне может стать «реальным» событием нашей жизни, а чувства, испытываемые нами вследствие этого события, реализоваться в наших действиях. Следуя этой мысли, следующим шагом будет отмена понятия «фейк» и признание за каждым права утверждать свою правду в качестве общей истины.

По мнению Д. Чалмерса, создать полностью искусственный мир, даже в игре, невозможно [Танюшина, 2021], как нельзя отменить арифметику, человеческие чувства, некоторую мораль, хотя можно предполагать как их физическую, так и вычислительную природу. О возможности последней и рассуждает Д. Чалмерс, согласно которому, «даже если все мы живем в одной большой компьютерной симуляции, ... наша жизнь все равно является полноценной» [там же: 63]. Но произведение — это всегда эксперимент, в том числе и в области

морали: правила жизни литературных героев могут «обгонять» реальность, что случается редко, чаще — они отстают или намеренно обостряют существующие конфликты, чтобы поставить «бескровный эксперимент» над человеком-читателем, подготовить его силы к реальной жизни.

Что же «не так» с русской литературой, больше похожей на миф, чем на сказку? «Достоевский художественно убедительно показал и доказал, что и «маленький» человек может быть и добрым, и злым, и талантливым, и бездарным. Он только лишь не может быть, собственно, «маленьким» (а может только лишь казаться таковым)» [Есаулов, Сытина, 2020: 426]. Это особая, «трансисторическая» интерпретация христианского реализма, предлагающая увидеть человека как сознательную жертву и рассмотреть жертвенность в качестве подвига. Русская литература XIX века во многом заменяла религию; но кто был в ней Богом? Такой ракурс рассмотрения делает более понятным, почему «низкий» смысл эмпатии у нас преобладает над «высоким». Это недостаток веры в воскресение этой жертвы. Для большинства читателей преимущество имеет социологическая интерпретация, в которой равнодушие и агрессия преобладают над солидарностью и взаимопомощью. Литература не делает жизнь, она ее «отражает» и пытается осмысливать.

Можно сделать предварительный вывод, что «большой / маленький» — это ложная альтернатива, подобная другим: «начальник / дурак»; «господин / раб». Это средневековая парадигма литературы. Г. Гегель показал, что персонажи последней антиномии переходят друг в друга, меняются местами: «Чтобы оградить себя от ошибок и неприятностей, господин должен верить рабу, руководствоваться не своим, а его суждением, т. е. признавать его. Фактически, он становится эпистемологическим рабом раба, а раб — господином господина» [Джохадзе, 2021: 101]. Господство как таковое — экзистенциальный тупик. Тем более социальное положение человека никак не характеризует его нравственных качеств, а равенство проще реализовать в человеческих отношениях, чем сложную иерархию, кроме того, что оно более справедливо.

Истинные альтернативы, способствующие развитию личности читателя, это простой / сложный человек: Дон Кихот и Санчо Панса; смелый / мудрый; молодой / пожилой; физик / лирик. Решение проблем «маленького человека» уже невозможно сменой «больших», невозможно без изменения его нравственных качеств и проявления в его повседневных поступках идеальных ценностей. Современные произведения русской литературы показывают предел, глубину колодца, из которого можно увидеть звезды и стремиться к ним из другого «света» здесь не дано.

Библиографический список / References

Аствацатуров А. А. Не кормите и не трогайте пеликанов. М.: АСТ, 2019. 352 с. (Astvatsaturov A. A. *Do not feed and touch pelicans*, Moscow, 2019, 352 p. — In Russ.)

Гусейнова Н. Н. К. Образы «маленького» человека и «лишнего» человека в литературе XIX века // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9, № 3. С. 241—245. (Huseynova N. N. K. Images of a “small” person and an “extra” person in the literature of the 19th century, *Baltic Humanitarian Journal*, 2020, vol. 9, no. 3, pp. 241—245. — In Russ.)

Джохадзе И. Д. Новое прочтение «Феноменологии духа»: Брэндом о Гегеле // Философский журнал. 2021. Т. 14, № 1. С. 98—110.
(Dzhokhadze I. D. A new reading of the “Phenomenology of the spirit”: Brandom about Hegel, *Philosophical Journal*, 2021, vol. 14, no. 1, pp. 98—110. — In Russ.)

Елизаров М. Ю. Библиотекарь. М.: АСТ, 2024. 480 с.
(Elizarov M. Y. *Librarian*, Moscow, 2024, 480 p. — In Russ.)

Есаулов И. А., Сытина Ю. Н. «Маленький человек» Достоевского в историко-литературной перспективе: между «вещью» и личностью // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2020. Т. 21, вып. 3. С. 419—428.
(Esaulov I. A., Sytina Yu. N. Dostoevsky's “Little man” in a historical and literary perspective: between a “thing” and a personality, *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*, 2020, vol. 21, iss. 3, pp. 419—428. — In Russ.)

Ницше Ф. Сборник произведений: «По ту сторону добра и зла», «Казус Вагнер», «Антихрист», «Ecce Homo». М.: Харвест, 2007. 880 с.
(Nietzsche F. *Collection of works: “Beyond Good and Evil”, “The Wagner Incident”, “Anti-christ”, “Ecce Homo”*, Moscow, 2007, 880 p. — In Russ.)

Пелевин В. О. Генерация «П». М.: Вагриус, 1999. 336 с.
(Pelevin V. O. *Generation “P”*, Moscow, 1999, 336 p. — In Russ.)

Танюшина А. А. Виртуальный реализм, информационная онтология сознания и структурный реализм в философии Дэвида Чалмерса // Философский журнал. 2021. Т. 14, № 4. С. 53—64.
(Tanyushina A. A. Virtual realism, information ontology of consciousness and structural realism in the philosophy of David Chalmers, *Philosophical Journal*, 2021, vol. 14, no. 4, pp. 53—64. — In Russ.)

Фетисов В. П. Маленький человек и большие люди // Берегиня. 777. Сова. 2009. № 4 (6). С. 118—131.
(Fetisov V. P. Little man and big people, *Bereginya. 777. Sova*, 2009, no. 4 (6), pp. 118—131. — In Russ.)

Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. М.: Азбука-классика, 2006. 288 с.
(Freud Z. *Wit and its relation to the unconscious*, Moscow, 2006, 288 p. — In Russ.)

Шохин В. К. Так называемый парадокс художественной литературы и трансцендентальная онтология // Философский журнал. 2021. Т. 14, № 1. С. 20—35.
(Shokhin V. K. The so-called paradox of fiction and transcendental ontology, *Philosophical Journal*, 2021, vol. 14, no. 1, pp. 20—35. — In Russ.)

Чанышев А. А. Страдание // Новая философская энциклопедия / под ред. акад. В. С. Стёпина: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2010. С. 642—643.
(Chanyshhev A. A. Suffering, in Stepin V. S. (ed.) *New Philosophical Encyclopedia*, Moscow, 2010, pp. 642—643. — In Russ.)

Homo scriptor: сб. ст. и материалов в честь 70-летия М. Эпштейна / под ред. М. Липовецкого. М.: Новое лит. обозрение, 2020. 688 с.
(Lipovetsky M. (ed.) *Homo Scriptor*, Moscow, 2020. 688 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.06.2025; одобрена после рецензирования 28.07.2022; принята к публикации 01.09.2025.

The article was submitted 20.06.2025; approved after reviewing 28.07.2022; accepted for publication 01.09.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Петряков Леонид Джоржович — доктор философских наук, профессор, Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны Министерства обороны, г. Ярославль, Россия, tkstydia@yandex.ru

Petryakov Leonid Djordzhovich — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Yaroslavl Higher Military Air Defense School of the Ministry of Defense, Yaroslavl, Russian Federation, tkstydia@yandex.ru

Научная статья
УДК 165.12:004
DOI: 10.46724/NOOS.2025.4.60-64

M. V. Сидоров

ФИДЖИТАЛ-МИР И ЦИФРОВОЕ СОЗНАНИЕ

Аннотация. Слияние физического и цифрового миров перестало быть футуристической концепцией и стало нашей повседневной реальностью. Эта гибридная среда порождает новый тип мышления — цифровое сознание, для которого характерны клиповость, протезная память, множественная цифровая идентичность и потребность в постоянном онлайн-участии. В этой статье будут даны ответы на следующие вопросы: что такое фиджитал и цифровое сознание? Как они меняют нас уже сегодня? Какие возможности и риски это несет? Что ждет нас в будущем?

Ключевые слова: фиджитал, цифровое сознание, гибридная реальность, цифровая идентичность, дополненная реальность, цифровой двойник, человек эпохи фиджитала, цифровая трансформация.

Ссылка для цитирования: Сидоров М. В. Фиджитал-мир и цифровое сознание // Ноосферные исследования. 2025. Вып. 4. С. 60—64.

Original article

M. V. Sidorov

PHYGITAL WORLD AND DIGITAL CONSCIOUSNESS

Abstract. The merging of the physical and digital worlds has ceased to be a futuristic concept and has become our everyday reality. This hybrid environment is giving rise to a new type of thinking — digital consciousness — characterized by clip-based experiences, prosthetic memory, multiple digital identities, and the need for constant online participation. This article will answer the following questions: What are phygital and digital consciousness? How are they changing us today? What opportunities and risks does this pose? What does the future hold?

Keywords: phygital, digital consciousness, hybrid reality, digital identity, augmented reality, digital twin, human of the phygital era, digital transformation.

Citation Link: Sidorov M. V. (2025) Phygital world and digital consciousness, *Noospheric Studies*, no. 4, pp. 60—64.

Введение. Считается, что фиджитал-мир — это «мир, построенный на непрерывной интеграции человеческого и технологического, формирующий уникальное пространство, где реальные виртуальные объекты взаимопроникают друг в друга» [Лисенкова, 2025: 260]. В философском дискурсе оказывается значимым вопрос о первичности и вторичности миров, который отчасти отражен в самом названии этой гибридной реальности.

Примечательно, что системообразующим (на языке ивановской философской школы) свойством этой новой реальности становится воображение. Именно оно «становится мощным посредником, позволяющим создавать смыслы и расширять границы этой реальности, при этом предоставляя нам возможность по-новому осмысливать границы цифрового пространства» [там же: 261]. Данный тезис, на наш взгляд, позволяет говорить не только о первичности дигитального в этой бинарной позиции, сколько об определенной дигитальной детерминации в отношении физической реальности.

В пользу такого видения говорит и коммуникативное измерение фиджитал-мира. Последний предполагает формирование коммуникативной ситуации, которая «одновременно работает как в виртуальном, так и в реальном мире». Получается, что фиджитал-мир оказывается максимально соответствующим интересам, увлечениям и особенностям образа жизни и восприятия информации центениалов, естественно интегрируясь в их среду... [Мелехова, 2020: 160].

«Физика цифры». Представим распорядок дня современного человека: неприятный подъем происходит по звонку «умного» будильника, затем идет разблокировка телефона по биометрическим данным (фотография или отпечаток пальца). Весь остальной день проходит у экрана телефона: поток новостей, медиаинформации, онлайн-общение в социальных сетях... Все это преследует нас в течение всего дня и повторяется заново на следующий день.

Физический (*physical*) и цифровой (*digital*) миры больше не разделены. Они сливаются в единый фиджитал-мир (*phygital world*). Это меняет не только среду, но и работу нашего сознания, формируя цифровое сознание [Велиев, 2024]. В настоящее время фиджитал является симбиозом физических объектов с цифровыми данными и технологиями в реальном времени.

Фиджитал симбиоз может проявляться в следующих сферах:

1. Дополненная реальность (AR). Она активно применяется в навигации, используется в маркетинге, а также нашла свое применение в образовании.

2. Интернет вещей (IoT) и умная среда. Очень популярным является дом, когда всеми процессами в своем доме можно управлять со своего смартфона из любой точки мира. Не менее важной является концепция «умного города», когда огромный объем данных о жизни города агрегируется и используется в целях безопасности и формировании комфортной городской среды [Бортникова, 2025].

3. Цифровые двойники. Достаточно новое и популярное направление. В настоящее время существует множество цифровых сервисов, которые позволяют создавать цифрового двойника. Основной принцип заключается в том, что человек снимает себя на видеокамеру и сервис создает цифровую копию человека: она может имитировать внешность, голос и повадки пользователя. Если пользователь хочет сделать видео со своим персонажем, ему достаточно написать

сценарий и текст озвучки — все остальное цифровой сервис сделает самостоятельно. Это перспективная технология, но при этом пугающая¹.

4. NFT и цифровое владение. Существует возможность подтвердить право на собственность различного цифрового контента с помощью специальных NFT ключей. Но в настоящее время эта технология не пользуется популярностью.

5. Новые формы эмпатии и коммуникации. В настоящее время очень популярны реакции на контент вместо личного присутствия, выраженные в виде смайлов или эмодзи. Кроме того, вместо набора текста пользователи часто используют голосовые сообщения или видео.

Все это, несомненно, сильно меняет нашу жизнь. Но при этом порождает огромное количество проблем. Во-первых, очень актуальной проблемой становится цифровое неравенство между теми, кто живет в фиджитале, и теми, кто остается в основном в физическом мире. Особенно остро это проявляется между старшим и молодым поколением. Кроме того, цифровое неравенство может являться серьезной проблемой для людей с низким материальным положением. Во-вторых, существует острые проблемы приватности и автономии. Все наши действия полностью отслеживаются в гибридном мире. Это может быть очень важной проблемой, если эти данные попадут не в те руки. Третью проблему можно назвать «кризис аутентичности». Многие из нас задаются вопросами: где настоящее «Я»? В физическом теле или цифровом образе? [Сметана, 2024]. Существует риск синдрома самозванца, и это является очень опасной психологической проблемой. Четвертая ситуация также является психологическим аспектом: как сохранить психическое здоровье в мире постоянной связанности? Ее можно назвать «когнитивной перегрузкой и цифровым детоксом». И, наконец, пятая, заключительная, проблема связана с социальным аспектом — «манипуляцией реальностью» [Былевский, 2025]. Важно понимать, кто контролирует цифровой слой, наложенный на физический мир.

Мы находимся на пороге перехода к новому миру, который давным-давно предсказал Рэй Курцвейл [Курцвейл, 2024]:

1. Нейроинтерфейсы. Уже сейчас проводятся эксперименты по прямому подключению мозга к цифровому миру. Примером может стать чип Neuralink, разработанный компанией Илона Маска². Благодаря этому фиджитал станет не внешней средой, а частью нервной системы и мы сможем погрузиться в полноценную виртуальную реальность. Но важно понимать: взлом или ошибка в подобной системе могут привести к непредсказуемым и, возможно, трагическим последствиям.

2. Прорыв в медицине. Виртуальное моделирование и предиктивный анализ будут способствовать лечению болезней.

3. Развитие гибридных цифровых технологий будет способствовать усилению когнитивных способностей, прямому обмену мыслями и чувствами, бесшовному доступу к знаниям.

¹ Сервис HeyGen. URL: <https://app.heygen.com/> (дата обращения: 05.12.2024).

² См.: Информация про Нейролинк. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/513387-pervuj-pacient-s-cipom-neuralink-rasskazal-o-zizni-posle-operacii> (дата обращения: 05.12.2025).

При этом важно понимать, что существуют большие экзистенциальные риски. Виртуальный мир приведет к окончательной потере приватности мысли. Злоумышленники смогут «взломать наше сознание». Размытие границ индивидуальности будет способствовать к тому, что не останется «личного Я» [Клюева, 2024]. Будет существовать особая форма гибридного коллективного разума, которая похожа на демона Лапласса. Нам остается ответить на вопрос: останется ли человеческое сознание в основе этого процесса или возникнет новое измерение сознания — гибридное, сетевое.

В **заключение** следует отметить, что фиджитал-мир в настоящий момент рассматривается как объективная реальность, а цифровое сознание есть естественная адаптация к ней. Главный вызов для человека эпохи фиджитала заключается в том, чтобы не отвергать цифровое и не погружаться в него с головой, а осознанно интегрировать оба измерения, сохраняя человеческую агентность, этику и связь с физическим миром [Горбушина, 2023]. Именно в этом проявляется этика ноосферной безопасности [Смирнов Д., 2021] и специфика глобального сознания [Смирнов Г., 2017].

Все мы стоим у истоков новой человеческой конфигурации. От нашего выбора сегодня зависит, станет ли эта конфигурация следующим шагом в эволюции или ловушкой, разделяющей нас с нашей собственной природой.

Библиографический список / References

Бортникова К. М. Цифровое сознание как фактор успешной адаптации к цифровой реальности // Безопасность личности, общества и государства: теоретико-правовые аспекты: сборник научных статей XVII Международной научной конференции обучающихся образовательных организаций высшего образования, Санкт-Петербург, 30 мая 2024 года / сост. О. И. Городовая, О. С. Кравченко. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД, 2024. С. 417—423.
(Bortnikova K. M. Digital consciousness as a factor in successful adaptation to digital reality, in Gorodovaya O. I., Kravchenko O. S. (ed.) *Security of the individual, society and the state: theoretical and legal aspects*, St. Petersburg, 2024, pp. 417—423. — In Russ.)

Былевский П. Г. Угрозы манипулирования сознанием посредством цифровой виртуальной реальности // Вестник современных цифровых технологий. 2025. № 22. С. 20—33.
(Bylevsky P. G. Threats of manipulation of consciousness through digital virtual reality, *Bulletin of modern digital technologies*, 2025, no. 22, pp. 20—33. — In Russ.)

Велиев Д. Д. Цифровое сознание и идентичность // Гуманитарное пространство. 2024. Т. 13, № 7. С. 581—596.
(Veliev D. D. Digital consciousness and identity, *Humanitarian space*, 2024, vol. 13, no. 7, pp. 581—596. — In Russ.)

Горбушина О. П. Имидж страны у молодежи на иррациональном уровне, феномен фиджитал // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. Т. 11, № 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/94PSMN623.pdf> (дата обращения: 01.12.2025).
(Gorbushina O. P. “The image of the country among young people at the irrational level, the phenomenon of phi-gital”, *The World of Science. Pedagogy and Psychology*, 2023, vol. 11, no. 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/94PSMN623.pdf> — In Russ.)

Клюева В. В. Цифровое сознание и цифровое альтер-эго // Интеллектуальные ресурсы — региональному развитию. 2024. № 1. С. 66—71.

(Klyueva V. V. Digital consciousness and digital alter ego, *Intellectual resources for regional development*, 2024, no. 1, pp. 66—71. — In Russ.)

Курцвейл Р. Эволюция разума. М.: Эксмо, 2024. 352 с.

(Kurzweil R. *How to Create a Mind*, Moscow, 2024, 352 p. — In Russ.)

Лисенкова А. А. Фиджитал-мир: воображение в цифровую эпоху // Восемнадцатая годичная научная конференция. Социально-гуманитарные науки. 2025. Часть I. Т. 1. С. 260—267. DOI:10.24412/cl-37384-2025-1-260-267

(Lisenkova A. A. Phygital world: imagination in the digital age, *Eighteenth Annual Scientific Conference. Social Sciences and Humanities*, 2025, part I, vol. 1, pp. 260—267. — In Russ.)

Мелехова А. С. Phygital-технологии как инструмент формирования эффективной коммуникации с современным потребителем // Вестник Российской экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2020. Т. 17, № 2 (110). С. 158—167.

(Melekhova A. S. Phygital technologies as a tool for creating effective communication with a modern consumer, *Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics*, 2020, vol. 17, no. 2 (110), pp. 158—167. — In Russ.)

Сметана В. В. Личность и подлинность в эпоху цифровых копий сознания // Научные исследования по перспективным направлениям как основа инновационного совершенствования: сборник статей Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 15 августа 2024 года. СПб.: Международный институт перспективных исследований им. Ломоносова, 2024. С. 18—23.

(Smetana V. V. Personality and authenticity in the era of digital copies of consciousness, in *Scientific research in promising areas as a basis for innovative improvement*, St. Petersburg, 2024, pp. 18—23. — In Russ.)

Смирнов Г. С. Образование ноосферы: локальное мёбиус глобальное. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2017. 416 с.

(Smirnov G. S. *Formation of the Noosphere: Local möbius Global*, Ivanovo, 2017, 416 p. — In Russ.)

Смирнов Д. Г. Этика ноосферной безопасности: к постановке проблемы // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 4. С. 135—142. DOI 10.46726/H.2021.4.15.

(Smirnov D. G. Ethics of noospheric security: towards the formulation of the problem, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2021, no. 4, pp. 135—142. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.04.2025; одобрена после рецензирования 28.07.2025; принята к публикации 01.09.2025.

The article was submitted 01.04.2025; approved after reviewing 28.07.2025; accepted for publication 01.09.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Сидоров Михаил Владимирович — аспирант кафедры философии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, politemiha@gmail.com

Sidorov Mikhail Vladimirovich — postgraduate student of the Department of Philosophy, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, politemiha@gmail.com

ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА

Научная статья

УДК 81'271

DOI: 10.46724/NOOS.2025.4.65-70

Лян Чуньюй

ЯЗЫК КАК НОСИТЕЛЬ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ: ПРОБЛЕМЫ И УСТОЙЧИВОСТЬ ИДЕНТИЧНОСТИ РОДНОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В данной статье рассматриваются проблемы и устойчивость идентичности родного языка как ключевого носителя культурной памяти в условиях глобализации, которая, с одной стороны, способствует активному культурному обмену, а с другой — оказывает давление на языковую экосистему, создавая вызовы для сохранения языковой идентичности. Однако благодаря глубокой культурной значимости и эмоциональной ценности, родной язык демонстрирует удивительную устойчивость и продолжает развиваться в различных сферах. Путем детального анализа этого сложного феномена статья предоставляет теоретическую основу и практические рекомендации для укрепления статуса родного языка и усиления языковой идентичности.

Ключевые слова: родной язык, культурная память, глобализация, языковая идентичность.

Ссылка для цитирования: Лян Чуньюй. Язык как носитель культурной памяти: проблемы и устойчивость идентичности родного языка в условиях глобализации // Ноосферные исследования. 2025. Вып. 4. С. 65—70.

Original article

Liang Chunyu

LANGUAGE AS A CARRIER OF CULTURAL MEMORY: PROBLEMS AND SUSTAINABILITY OF MOTHER TONGUE IDENTITY IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Abstract. This article examines the problems and sustainability of mother tongue identity as a key carrier of cultural memory in the context of globalization. Globalization, on the one hand, promotes active cultural exchange and, on the other hand, puts pressure on the linguistic ecosystem, creating challenges for the preservation of linguistic identity. However, due to its deep cultural significance and emotional value, the mother tongue shows remarkable resilience and continues to evolve in various domains. Through a detailed analysis of this complex phenomenon, the article aims to provide a theoretical framework and practical recommendations for strengthening the status of mother tongue and enhancing linguistic identity.

Keywords: mother tongue, cultural memory, globalization, linguistic identity.

Citation Link: Liang Chunyu (2025) Language as a carrier of cultural memory: problems and sustainability of mother tongue identity in the context of globalization, *Noospheric Studies*, no. 4, pp. 65—70.

В условиях нарастающей волны глобализации углубляются взаимодействие и интеграция стран в экономической, политической и культурной сферах. Язык как ключевой элемент культуры служит не только инструментом коммуникации, но и важнейшим носителем культурной памяти. Родной язык — первый язык, усвоенный человеком, — воплощает уникальную историю, ценности, традиции и образ мышления этноса, играя фундаментальную роль в формировании индивидуальной идентичности.

Однако с ускорением глобализации распространение международных языков (прежде всего английского) создает давление на жизненное пространство родных языков и подрывает их идентификационную функцию. В этом контексте глубокое исследование дилемм и устойчивости языковой идентичности приобретает критическую важность для сохранения языкового разнообразия и защиты культурного наследия наций

I. Дилемма идентичности родного языка в условиях глобализации

1. Угроза языковому разнообразию. Глобализация привела к интеграции экономики и облегчению культурных обменов. В ходе этого процесса несколько сильных языков, таких как английский, в силу своего доминирующего положения в области международной политики, экономики, науки и техники, культуры, широко распространились и проникли во все уголки мира. В этом процессе английский и другие сильные языки широко распространились и проникли во все уголки мира благодаря своему доминирующему положению в международной политике, экономике, науке и технике, культуре и других областях. По данным ЮНЕСКО, в мире насчитывается около 4300 языков, из которых около 40 % могут вымереть в следующем поколении. Во многих регионах, особенно в развивающихся странах, люди по собственной инициативе изучают международные языки, такие как английский, чтобы получить лучшее образование, работу и возможности для развития, а частота и сфера использования родных языков сокращаются, и некоторые языки этнических меньшинств даже находятся под угрозой исчезновения. Например, дети этнических меньшинств в некоторых отдаленных горных районах в основном используют в школьном образовании мандаринский или английский языки, а использование родных языков ограничивается домашним хозяйством, и передача родных языков нарушается по мере того, как молодое поколение все больше взаимодействует с внешним миром [Зубкова, 2020].

2. Ослабление статуса родного языка. В системе образования в результате глобализации большое внимание уделяется изучению иностранных языков, в том числе английского. Многие страны и регионы значительно увеличили количество часов на изучение иностранных языков в своих учебных программах и активизировали их изучение с начальной школы или даже с детского сада. Например, некоторые азиатские страны установили высокие пороговые значения английского языка для получения высшего образования и профессиональных квалификаций, чтобы повысить уровень владения английским языком своих граждан, в результате чего студенты и родители уделяют много времени и сил изучению иностранных языков и относительно пренебрегают образованием на родном языке. В то же время международные академические обмены и сотрудничество в области научных исследований осуществляются в основном на

английском языке, что ограничивает применение родного языка в академической сфере и еще больше ослабляет его статус и влияние [Heller, 2010].

В сфере медиа и культурной коммуникации западные культурные продукты, такие как голливудские фильмы, популярная музыка и платформы социальных сетей, стали широко популярны во всем мире в результате глобализации. Большинство этих культурных продуктов представлено на английском языке, что подсознательно влияет на языковые привычки и культурные представления аудитории. В процессе следования модным тенденциям и интеграции в мировую культуру молодое поколение более склонно выражать свои мысли на английском языке и уделяет меньше внимания местной культуре и родному языку. Например, на некоторых платформах социальных сетей в Китае молодые пользователи часто используют английскую лексику в повседневном общении и даже некоторые интернет-слова в основном английского происхождения, что свидетельствует о том, что доминирующее положение родного языка в повседневном использовании было поставлено под сомнение.

3. Размывание идентичности родного языка. В условиях глобализации происходит частое транснациональное перемещение населения, и люди живут в многокультурной и переплетенной среде, где подвергаются воздействию широкого спектра языков и культур. Они переключаются между различными культурными сценариями и диверсифицируют свой языковой выбор, что приводит к размыванию идентичности родного языка. Например, в процессе интеграции в местное общество зарубежные иммигранты, с одной стороны, нуждаются в использовании местного языка для общения, работы и жизни, а с другой — хотят сохранить родной язык и собственные культурные традиции [Хуан Синь, 2020]. Под этим двойным давлением языка и культуры использование родного языка часто становится отчужденным, а его идентичность — запутанной. Некоторые дети иммигрантов могут использовать родной язык дома, но в школе и в общественных местах в основном пользуются местным языком, что приводит к ограниченному владению родным языком и слабому пониманию его культурных особенностей, затрудняя формирование четкой и стабильной идентичности родного языка.

Кроме того, наступление сетевой эры ускорило распространение информации и культурные обмены, а различные языки и культуры сталкиваются и интегрируются друг с другом в киберпространстве. Язык Интернета характеризуется инновационностью, простотой и развлекательностью, на него в основном влияют английский язык и популярная культура. Молодежь как основная сила использования Интернета часто использует интернет-языки в интернет-общении, а случайность и изменчивость этих языков повлияли на нормальность и стабильность родного языка, еще больше размыли границы между родным и другими языками и усложнили идентичность родного языка в интернет-среде.

II. Устойчивость языковой идентичности в эпоху глобализации

1. Культурный смысл и эмоциональная ценность родного языка. Несмотря на многочисленные трудности, родной язык как основа национальной культуры незаменим в своем глубоком культурном смысле и уникальной эмоциональной ценности, что обеспечивает сильную внутреннюю поддержку идентичности родного языка, который содержит богатые культурные элементы, такие как исторические воспоминания, мифы и легенды, народные сказки, и благодаря передаче языка из поколения в поколение культура нации может продолжаться и развиваться. Например, китайские древние стихи и народные пословицы — это не только художественная кристаллизация языка, но и осадок китайской культуры на протяжении тысячелетий. В процессе чтения древних стихов и рассказывания народных сказок люди могут глубоко прочувствовать очарование национальной культуры, которую несет их родной язык, что стимулирует их любовь к родному языку и идентификацию с национальной идентичностью [Алпатов, 2018].

В то же время родной язык — это важный инструмент для выражения индивидуальных эмоций, он тесно связан с семьей и родным городом. В знакомой среде родного языка люди могут ощущать тепло и чувство принадлежности. Например, когда иностранные путешественники слышат акцент родного города и общаются на родном языке, они часто испытывают сильное чувство тоски по дому, и родной язык становится тем звеном, которое поддерживает их эмоциональную связь с родиной и родным городом. Такая идентичность, основанная на эмоциях, позволяет родному языку удержаться на волне глобализации и стать культурной идентичностью, с которой трудно расстаться в сердцах людей.

2. Родной язык в передаче культуры и образования. Многие страны и регионы глубоко осознают важность родного языка в передаче культуры и принимают активные меры по укреплению образования на родном языке. Что касается школьного образования, то некоторые страны сделали родной язык основной учебной программой, увеличили количество часов, отводимых на изучение родного языка, обогатили содержание обучения родному языку и уделяют внимание развитию у учащихся способности понимать, использовать и ценить родной язык. Например, Финляндия придает большое значение обучению родному языку в своей системе образования и разработала систематическую программу обучения финскому языку с начальной до средней школы [Fishman, 2021]. Благодаря разнообразным методам обучения, таким как изучение литературы, обучение письму и театральные постановки, она стимулирует интерес учащихся к родному языку и повышает их грамотность на родном языке. В то же время Финляндия уделяет внимание сочетанию обучения родному языку с изучением местной культуры и истории, чтобы учащиеся могли глубже понять свою собственную культуру в процессе изучения языка и укрепить чувство национальной гордости и идентичности на родном языке.

Кроме того, ключевую роль в передаче родного языка играет семейное воспитание. Во многих семьях особое внимание уделяется созданию условий для общения на родном языке, при этом старшие передают свой родной язык следующему поколению через ежедневные диалоги, рассказы и пение детских стишков. Например, в некоторых семьях этнических меньшинств в Китае родители настаивают на использовании родного языка в общении с детьми, учат их

декламировать этнические песни и рассказывать об истории и легендах этноса, чтобы они с раннего возраста погружались в культурную атмосферу родного языка и воспитывали чувство близости к родному языку и идентичности с ним. Такая синергия семейного и школьного образования позволяет передавать и развивать родной язык в условиях глобализации [Li Yuming, 2016].

3. Развитие родного языка в культуре коренных народов и создание общин. В области культуры коренных народов родной язык, являясь важной формой культурного самовыражения, служит богатым источником культурных инноваций и развития. Многие художники, писатели, музыканты и другие использовали родной язык в качестве творческого языка, интегрируя местные культурные особенности в свои произведения и создавая большое количество выдающихся культурных произведений. Например, романы Мо Яня, написанные на гаомском диалекте провинции Шаньдун, ярко демонстрируют местные обычаи и исторические изменения в сельской местности Китая, а уникальный стиль языка и культурный подтекст его произведений завоевали международное признание, не только распространяя китайскую культуру, но и усиливая культурное влияние родного языка. Эти культурные произведения, основанные на родном языке, не только обогатили коннотацию местной культуры, но и привнесли новую силу в самобытность родного языка.

С точки зрения создания общин родной язык является важной гарантией сплоченности общины. В некоторых районах проживания этнических меньшинств или общин иммигрантов родной язык стал основным языком общения между членами общины, а совместное использование языка способствует укреплению эмоциональных связей и культурной идентичности. Организуя культурные мероприятия на родном языке, такие как театральные представления на диалектах и конкурсы традиционных ремесел (в которых родной язык используется для объяснения способа производства), община привлекает к активному участию членов общины и укрепляет их чувство идентичности и принадлежности к родному языку и местной культуре. Например, в некоторыхaborигенных общинах Канады благодаря возрождению образования на родном языке и проведению фестивалей культуры родного языка удалось сохранить и развить языкиaborигенов, а также значительно укрепить сплоченность общины.

Заключение. В условиях глобализации самобытность родного языка страдает со многими трудностями, такими как угроза языковому разнообразию, ослабление статуса родного языка и размывание идентичности, однако она демонстрирует сильную устойчивость в области культурного наследия, образования, местной культуры и создания сообществ благодаря своей глубокой культурной коннотации и эмоциональной ценности. Для дальнейшего укрепления самобытности родных языков и сохранения языкового и культурного разнообразия правительства, образовательные учреждения, общественные организации и отдельные люди должны прилагать совместные усилия. Правительства должны разрабатывать и совершенствовать политику защиты языка и увеличивать инвестиции в образование на родном языке; учебные заведения должны оптимизировать учебные программы, внедрять инновационные методы обучения и повышать качество образования на родном языке; общественные организации должны активно проводить мероприятия по культуре родного языка и создавать благоприятную атмосферу для культуры родного языка; отдельные люди должны уделять больше внимания и любить свой родной язык, а также проявлять

инициативу по передаче и продвижению культуры родного языка. Только благодаря сотрудничеству всех сторон мы сможем обеспечить устойчивое развитие родного языка на волне глобализации и оказать надежную поддержку наследованию национальной культуры и прогрессу человеческой цивилизации.

Библиографический список / References

Алпатов В. М. Язык как культурный код: проблемы сохранения идентичности // Вестник ГГНФ. 2018. № 2. С. 45—62.
(Alpatov V. M. Language as a cultural code: problems of identity preservation, *Bulletin of the Russian Humanities Foundation*, 2018, no. 2, pp. 45—62. — In Russ.)

Зубкова Л. Г. Культурная память в диахроническом измерении // Вопросы филологии. 2020. № 4. С. 78—92.
(Zubkova L. G. Cultural memory in diachronic dimension, *Questions of Philology*, 2020, No. 4, pp. 78—92. — In Russ.)

Heller M. The Commodification of Language, *Annual Review of Anthropology*, 2010, vol. 39, pp. 101—114.

黄行,"少数民族语言传承的代际差异研究" // 《民族语文》, 2020年第3期, 页12—22.
(Huang Xin. A Study of Intergenerational Differences in the Transmission of Minority Languages, *Ethnic Languages*, 2020, vol. 3, pp. 12—22. — In Chin.)

Fishman J. A. Language and Cultural Memory: Studies in Endangered Identities, *Annual Review of Anthropology*, 2001. Vol. 30. P. 101—120.

李宇明. 语言冲突与语言权利: 全球化背景下的母语保护问题 // 中国语文. 2016. № 3. С. 15—28.
(Li Yuming. Language conflict and linguistic rights: native language protection in globalization, *Chinese Linguistics*, 2016, no. 3, pp. 15—28. — In Chin.)

Статья поступила в редакцию 01.04.2025; одобрена после рецензирования 28.07.2025; принята к публикации 01.09.2025.

The article was submitted 01.04.2025; approved after reviewing 28.07.2025; accepted for publication 01.09.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Лян Чуньюй — преподаватель русского языка, Шэньянский технологический институт, г. Шэньян, Китайская Народная Республика; аспирант, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, 1986354138@qq.com

Liang Chunyu — teacher of Russian language, Shenyang Institute of Technology, Shenyang, People's Republic of China; postgraduate student, Zabaikalsky State University, Chita, Russian Federation, 1986354138@qq.com

Научная статья
УДК 141:004
DOI: 10.46724/NOOS.2025.4.71-79

H. M. Ветчинин

ЯЗЫК ЦИФРОВОГО СОЗНАНИЯ: КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ ТЕЗАУРУС

Аннотация. Статья посвящена феномену цифрового сознания и трансформации личности в условиях стремительного развития информационных технологий. Автор исследует переход от естественного к цифровому типу сознания как многоуровневый и комплексный процесс, охватывающий когнитивные, культурные, социальные и философские аспекты. В центре внимания — формирование нового типа мышления и восприятия, обусловленного взаимодействием с цифровыми средами и алгоритмами. Анализируются изменения в структурах идентичности, языке, восприятии времени и пространства, а также трансформация традиционных моделей поведения и познания. Особое внимание уделено философским вопросам субъективности, воображения, квалии и природы «Я» в контексте цифровизации. Работа опирается на идеи Декарта, Локка, Деннетта, Чалмерса, Гуссерля, Гиренка и других мыслителей, ставя под сомнение устойчивость антропологической парадигмы в цифровую эпоху. В статье делается вывод, что цифровое сознание — это не просто совокупность навыков, а новая форма бытия, одновременно расширяющая и ограничивающая горизонты человеческого опыта.

Ключевые слова: цифровизация, цифровое сознание, проблема сознания, язык цифрового сознания, когнитивные процессы, цифровая трансформация, искусственный интеллект.

Ссылка для цитирования: Ветчинин Н. М. Язык цифрового сознания: категориальный тезаурус // Ноосферные исследования. 2025. Вып. 4. С. 71—79.

Original article

N. M. Vetchinin

THE LANGUAGE OF DIGITAL CONSCIOUSNESS: A CATEGORICAL THESAURUS

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of digital consciousness and personality transformation in the context of the rapid development of information technology. The author explores the transition from a natural to a digital type of consciousness as a multilevel and complex process encompassing cognitive, cultural, social and philosophical aspects. The focus is on the formation of a new type of thinking and perception due to interaction with digital environments and algorithms. The article analyzes changes in the structures of identity, language, perception of time and space, as well as the transformation of traditional patterns of behavior and cognition. Special attention is paid to philosophical issues of subjectivity, imagination, qualia, and the nature of the Self in the context of digitalization. The work draws on the ideas of Descartes, Locke, Dennett, Chalmers, Husserl, Girenk and other thinkers, questioning

the sustainability of the anthropological paradigm in the digital age. It is concluded that digital consciousness is not just a set of skills, but a new form of being that simultaneously expands and limits the horizons of human experience.

Keywords: Digitalization, digital consciousness, the problem of consciousness, the language of digital consciousness, cognitive processes, digital transformation, and artificial intelligence.

Citation Link: Vetchinin N. M. (2025) The language of digital consciousness: a categorical thesaurus, *Noospheric Studies*, no. 4, pp. 71—79.

Современный мир стремительно меняется под влиянием развития информационных технологий. Цифровая реальность становится неотъемлемой частью нашей жизни, формируя новое качество человеческого существования. Разворачивается масштабный процесс взаимопроникновения глобальных трансформаций и индивидуальных изменений. Переход от индустриальной эпохи к цифровому веку порождает многоуровневое взаимодействие, в котором человек выступает одновременно объектом и субъектом преобразований.

Цифровая трансформация личности представляет собой комплексный процесс освоения человеком нового способа взаимодействия с реальностью через призму цифровых технологий. Это не просто приобретение технических навыков, а глубокая переориентация мышления, позволяющая:

- воспринимать мир через категории цифрового общества;
- формировать смысловые конструкции в цифровой среде;
- ставить и достигать жизненные цели с помощью цифровых инструментов;
- находить пути самореализации в условиях технологического прогресса.

Структура цифрового сознания выстраивается на последовательной логике развития:

- Базовое освоение — приобретение знаний о цифровых технологиях и их возможностях.
- Самопознание — осознание собственных интересов, потребностей и целей.
- Практическое применение — использование цифровых инструментов для личностной и профессиональной самореализации.

В этом контексте цифровое сознание выступает не просто как набор навыков, а как целостная система, интегрирующая технологические знания с личностным развитием. Оно позволяет человеку не только адаптироваться к изменениям, но и становиться активным участником формирования новой цифровой реальности, используя ее потенциал для собственного роста и развития общества в целом.

Цифровая трансформация становится ключевым механизмом адаптации личности к стремительно меняющимся условиям существования. «Цифровые технологии, основанные на аппаратном и программном обеспечении и сетях, не являются новшеством, но с каждым годом уходя все дальше от третьей промышленной революции, становятся более усовершенствованными и интегрированными, вызывая трансформацию общества...» [Шваб, 2018: 11]. Люди не просто приспосабливаются к новым реалиям — они активно трансформируются,

встраиваясь в цифровую экосистему и переосмысливая традиционные модели поведения.

Это взаимодействие разворачивается на нескольких фундаментальных уровнях: *пространственно-временной континуум*, где цифровые технологии стирают географические границы и переопределяют восприятие времени; *культурная сфера*, претерпевающая глубокую трансформацию под влиянием цифровых медиа; *личностная идентичность*, подвергающаяся переосмыслению в контексте виртуальной реальности; *поведенческие паттерны*, адаптирующиеся к новым формам коммуникации и взаимодействия.

Особое значение приобретает то, как цифровые технологии влияют на формирование *новых мировоззренческих установок, социальных практик и индивидуальных идентичностей*. При этом воздействие носит как прямой, так и опосредованный характер, затрагивая все аспекты человеческого существования — от повседневных практик до фундаментальных представлений о мире и себе. В результате складывается новая реальность, где традиционные границы между физическим и цифровым, индивидуальным и коллективным, реальным и виртуальным становятся все более размытыми, создавая почву для возникновения качественно новых форм человеческого бытия.

Одним из наиболее значимых аспектов трансформации является изменение природы нашего сознания и языка [Смирнов, 2015], посредством которого мы выражаем и осознаем этот опыт. Понятие «цифровое сознание» отражает глубинные процессы переосмыслиния человеком своего места в мире, обусловленные взаимодействием с цифровыми технологиями. Цифровое сознание представляет собой особую форму ментального бытия, возникающую вследствие постоянного контакта с информационными системами, сетевыми коммуникациями и виртуальными средами [Валиев, 2024: 582]. Оно характеризуется новыми способами восприятия действительности, формирования знаний и выражения собственного опыта.

Естественное сознание формировалось в ходе биологической и культурной эволюции человека. Оно основано на:

- на непосредственном восприятии окружающей действительности;
- языковой коммуникации в реальном времени;
- линейной логике и причинно-следственном мышлении;
- памяти и опыте, закрепленном в традициях и текстах.

Это сознание глубоко связано с телесностью, пространством и временем. Его развитие определялось социальными структурами, воспитанием, образованием и культурой.

Переход от естественного сознания к цифровому не был мгновенным. Его предшественниками стали:

Печатная революция (XV век): текст стал массовым, появилась возможность абстрактного, линейного мышления.

Телевизионная эпоха (XX век): визуализация реальности, пассивное восприятие образов.

Компьютеризация (вторая половина XX века): начало интерактивности, первые элементы алгоритмизации мышления.

Философы веками спорят о природе сознания. Р. Декарт связывал его с нематериальной субстанцией — «*res cogitans*». «*Res cogitans*» — в философской системе Декарта — это мыслящая субстанция, объединяющая сознание, разум, восприятие и волю. В отличие от материи, она обладает принципиально иной природой: будучи нематериальной, неделимой и свободной от подчинения механистическим законам, она существует как автономная основа мышления¹.

В XX веке Д. Деннет предложил функционалистский подход: сознание — это результат сложных вычислений, где неважен носитель (мозг или чип). Развивая такой подход, он проводит параллель между сознанием и абстрактной вычислительной моделью — машиной Тьюринга. Согласно его концепции, сознание возникает как сеть взаимосвязанных психических состояний, где каждое новое знание не просто дополняет, но структурно преобразует существующую систему. Этот процесс напоминает алгоритмическое обучение: подобно тому, как машина адаптирует свои состояния на основе входных данных, мозг асимилирует информацию, перестраивая нейронные связи. Таким образом, формирование сознания предстает как динамический акт «вычислительного синтеза», где опыт непрерывно интегрируется в когнитивную архитектуру. Если принять эту позицию, цифровое сознание возможно — достаточно воспроизвести нужные процессы [Сузько, 2013: 164].

Понятие «трудной проблемы сознания», введенное философом Д. Чалмерсом, акцентирует ключевой вопрос: почему физиологические процессы в мозге порождают субъективный внутренний опыт, который невозможно свести к механистическим описаниям? В отличие от «легких проблем» (изучение памяти, внимания), феноменальное сознание — переживание реальности «от первого лица» — остается загадкой. Даже если нейросеть идеально симулирует распознавание объектов, ее реакция на красное яблоко будет лишь алгоритмическим выводом, лишенным подлинного ощущения цвета. Как отмечает Чалмерс, машина способна сказать: «Я вижу яблоко», но не объяснит, *каково это* — видеть красное. Это «каково» и есть *квалиа* — нередуцируемый элемент сознания, ускользающий от функционального анализа [Проволович, 2020: 20].

Дж. Локк в своем фундаментальном труде «Опыт о человеческом разумении» сформулировал новаторскую концепцию идентичности личности. Он постулировал, что сущность «Я» определяется не физической непрерывностью телесной оболочки, а преемственностью сознания, ключевым элементом которого выступает память [Локк, 1985]. Согласно Локку, индивид, сохраняющий доступ к воспоминаниям о прошлом опыте, остается той же личностью, даже если его сознание гипотетически перенесено в иное тело.

Применительно к современным дискуссиям о цифровом бессмертии это создает парадокс. Если технология копирования сознания создает цифровую реплику, обладающую полным набором воспоминаний и субъективным ощущением непрерывности «Я», то, следуя логике Локка, ее следует считать подлинным продолжением оригинала. Однако возникает философская дилемма: в случае создания двух идентичных копий с одинаковой памятью обе ли они имеют равные права на статус «исходной личности»? Локковский подход, делая акцент на

¹ Васильев В. В. Субстанция мыслящая [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0140b0552aa2c4c9b235a140?ysclid=memipz4qpu383814681> (дата обращения: 14.06.2025).

психологической непрерывности, не дает однозначного ответа, обнажая противоречие между качественным тождеством (сходством характеристик) и количественной уникальностью (единичностью существования).

Таким образом, теория Локка, революционная для XVII века, становится отправной точкой для современных споров о природе сознания в эпоху цифрового сознания, ставя под вопрос саму возможность переноса личности за пределы биологического субстрата.

Человеческое сознание — загадка, в которой переплетены нейрофизиология, субъективный опыт и когнитивные процессы. Цифровое сознание, если оно возможно, потребует пересмотра этих теорий. Гипотеза сильного ИИ утверждает, что достаточно сложная программа может обрести разум, идентичный человеческому. Но даже нейросети нового поколения, способные вести осмыслиенные диалоги, остаются «философскими зомби» — они имитируют понимание, не испытывая его. Ключевой барьер — квалиа (субъективные переживания): машина анализирует данные о боли, но не «чувствует» ее [Моисеева, 2017: 68].

В философских исследованиях сознания традиционный анализ обычно фокусируется на восприятии и мышлении, обращаясь к воображению лишь при столкновении с проблемой его целостности — как к связующему элементу. Однако такой подход часто оставляет природу воображения нераскрытой, сводя его либо к усложненной форме чувственности (превосходящей простое ощущение), либо к упрощенной версии мышления (уступающей понятийной логике). Даже метафоричное определение воображения как «мышления в образах» требует конкретизации, поскольку в обоих случаях его сущность редуцируется, а функциональность ограничивается.

Способность к воображению остается одним из наиболее таинственных аспектов человеческого интеллекта. Люди конструируют умозрительные миры, смешивают реальное и вымыщенное, находят решения за пределами очевидного. Но применимо ли это к искусственноному интеллекту? Является ли его «творчество» подлинным или лишь искусственной симуляцией? Если для человека воображение неотделимо от сознания, эмоций и личного опыта, то для ИИ оно сводится к математическим операциям. Современные нейросети, обрабатывая огромные массивы текстов, изображений и звуков, выявляют скрытые закономерности. Когда их просят «создать» нечто новое, они комбинируют фрагменты данных, формируя уникальные, но предсказуемые с точки зрения алгоритмов композиции. По сути, это мозаика, собранная из миллиардов элементов, где оригинальность — результат статистической оптимизации, а не внутреннего порыва.

Согласно Э. Гуссерлю, сознание конституирует объекты, направляя свое внимание на предметы окружающего мира. Однако в условиях цифровой среды интенциональный акт приобретает новые черты: субъект сталкивается не столько с материальными объектами, сколько с символическими конструкциями, существующими исключительно в виртуальном пространстве [Гончаров, 2015: 91].

При исследовании феномена цифрового сознания особое внимание заслуживает аксиологический аспект цифровизации, детально проанализированный Ф. И. Гиренком. Его концепция раскрывает фундаментальные различия между цифровым (дигитальным) и традиционным восприятием реальности. «Человек в дигитальной философии — это не органическое тело, не субъективность, которая в числовой мир не вписывается, а вычислительная машина и база данных.

Человек в нем уже не человек, а числовой пробел мира. И этот пробел должна заполнить, видимо, уже какая-то иная, нечеловеческая субъективность» [Гиренок, 2018: 137].

По мнению исследователя, ключевой проблемой дигитального мира — пространства, построенного на числовой основе, становится специфическое понимание небытия. Оно трансформируется в особый вид реальности, получивший название виртуальной.

Особенно значимым представляется переосмысление самой природы человека в контексте дигитальной философии. Здесь происходит радикальная смена парадигмы:

- Человек перестает восприниматься как органическое существо.
- Исчезает представление о нем как о субъективной личности.
- На первый план выходит его роль как вычислительного устройства и хранилища данных.

В этой новой парадигме человек утрачивает свою антропологическую специфику [Смирнов Г., Смирнов Д., 2017], превращаясь в своеобразный числовой элемент системы. Ф. И. Гиренок подчеркивает, что возникший при этом пробел в понимании человеческой сущности может быть заполнен только неким новым, нечеловеческим типом субъективности [Гиренок, 2019].

Таким образом, данная концепция раскрывает глубинные философские противоречия, возникающие при переходе от традиционного к цифровому восприятию реальности, ставя вопрос о сохранении человеческой идентичности в эпоху тотальной цифровизации.

Одним из ключевых элементов формирования и функционирования цифрового сознания является *язык*, с помощью которого осуществляется кодирование, передача и интерпретация информации. Язык цифрового сознания — это не просто слова: это знаково-символическая система, включающая текст, визуальные объекты, интерфейсы и алгоритмы. Цифровое сознание можно трактовать как результат взаимодействия человека и цифровых сред — Интернета, искусственного интеллекта, виртуальной реальности. Это не только новый тип когнитивной активности, но и особая форма восприятия, мышления и коммуникации, определяемая логикой цифровых систем. В таком сознании традиционные когнитивные категории трансформируются, а новые формируются под влиянием алгоритмов, сетевых структур и виртуального опыта.

Язык, о котором говорится выше, — это не просто средство общения, но и основа мышления. В цифровом контексте язык расширяется, включая не только вербальные, но и визуальные, числовые, символические и кодовые формы выражения. Он становится *мультикодовым* и *гибридным*: тексты сочетаются с изображениями, гиперссылками и интерфейсами. При этом цифровой язык требует систематизации, так как его элементы часто выходят за пределы традиционного лингвистического анализа.

Если сознание — это процесс, порождающий субъективность через рефлексию, то язык становится его инструментом и границей. Для человека язык — система символов, укорененная в культуре и телесности. Но что есть язык цифрового сознания, если предположить, что оно существует? Это вопрос не столько лингвистики, сколько метафизики: может ли алгоритмическая абстракция стать носителем смысла? Цифровое сознание, гипотетически, возникает

на базе физических процессов — электрических импульсов в кремниевых чипах. Его «первичный язык» — бинарный код (0 и 1), преобразуемый в машинные инструкции. Однако, как подчёркивал Л. Витгенштейн, «границы моего языка означают границы моего мира».

С момента появления первых вычислительных машин человечество пытается понять, способны ли машины не только обрабатывать данные, но и *осмысленно коммуницировать*. Язык цифрового сознания — гипотетическая система знаков, возникающая в процессе саморефлексии ИИ, — стал центральной темой как научной фантастики, так и философских дебатов. Язык цифрового сознания представляет собой сложное явление, требующее комплексного подхода к изучению. Его развитие обусловлено технологическими инновациями, социокультурными изменениями и индивидуальными особенностями восприятия.

Цифровизация сознания — это не просто технический процесс, а метафизическая революция, переформатирующая саму ткань человеческого бытия. Ее язык — не нейтральный инструмент, а новая эпистемологическая матрица, в которой знак теряет связь с референтом, превращаясь в автономный код. Если для Ж. Деррида «нет ничего вне текста» [Интервью..., 1992: 74], то в цифровую эпоху нет ничего вне алгоритма: реальность конституируется бинарными операциями, где даже эмоции переводятся в data-паттерны. Язык цифровизации — это зеркало, в котором человечество видит свое постчеловеческое отражение. Он открывает бездну возможностей: от бессмертия сознания в «облаке» до тотальной симуляции реальности.

Однако на текущем этапе и в обозримой перспективе цифровое сознание не способно достичь целостности и полноты. Это обусловлено когнитивными ограничениями, возникающими в процессе взаимодействия с искусственным интеллектом [Смирнов, Никифоров, 2018]. Подобный симбиоз провоцирует внутренний конфликт: личностные смыслы и ценности, сформированные под воздействием цифровых технологий, вступают в противоречие с традиционными представлениями о человеческой субъективности. Функционируя в режиме «цифровой виртуальности», сознание оперирует категориями «метареальности» — образами, оторванными от первоисточников, символами, лишенными референций. Такие конструкции, по сути, становятся знаками без означаемого, что ведет к утрате связи с объективной реальностью. Результатом становятся имитационные модели поведения: создание контента сводится к репликации шаблонов коллективного сознания, где даже минимальная новизна исключена. Алгоритмизация познания, коммуникации и социальных взаимодействий рождает интеллектуальные автоматизмы. Эти шаблоны, изначально существующие в цифровой среде, начинают определять реальные культурные практики, подменяя живой опыт предсказуемыми схемами. Таким образом, цифровое сознание не расширяет, а сужает горизонты человеческой рефлексии, превращая творчество в технику компиляции.

Библиографический список / References

Велиев Д. Д. Цифровое сознание и идентичность // *Studia Humanitatis*. 2024. № 2. С. 581—596.
 (Veliev D. D. Digital Consciousness and Identity, *Studia Humanitatis*, 2024, no. 2, pp. 581—596. — In Russ.)

Гиренок Ф. И. Основные принципы дигитальной философии // Философия хозяйства. 2018. № 6. С. 133—139.
 (Girenok F. I. The Basic Principles of Digital Philosophy, *Philosophy of Economy*, 2018, no. 6, pp. 133—139. — In Russ.)

Гиренок Ф. И. Философские основания нечеловеческой антропологии // Вопросы философии и психологии. 2019. № 6 (1). С. 8—13.
 (Girenok F. I. Philosophical foundations of non-human anthropology, *Questions of Philosophy and Psychology*, 2019, no. 6 (1), pp. 8—13. — In Russ.)

Гончаров Н. В. Онтологические и методологические основания понятия интенциональности в феноменологии Э. Гуссерля // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2015. № 2. С. 90—94.
 (Goncharov N. V. Ontological and methodological foundations of the concept of intentionality in E. Husserl's phenomenology, *Intellekt. Innovatsii. Investitsii*, 2015, no. 2, pp. 90—94. — In Russ.)

Интервью с Жаком Деррида // *Arbor Mundi / Мировое Древо*. 1992. № 1. С. 73—80.
 (Interview with Jacques Derrida, *Arbor Mundi / The World Tree*, 1992, no. 1, pp. 73—80. — In Russ.)

Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1985. (Гл. 27, П. 9. «О тождестве личности»).
 (Locke J. An Essay Concerning Human Understanding, in Locke J. *Works: In 3 vols*, vol. 1, Moscow, 1985, (Ch. 27, P. 9, “On the Identity of the Self”). — In Russ.)

Моисеева А. Квалиа-физикализм Дж. Перри как ответ на аргумент знания // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология, 2017. № 40. С. 67—80.
 (Moiseeva A. Qualia-physicalism of J. Perry as a response to the Knowledge argument, *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*, 2017, no. 40, pp. 67—80. — In Russ.)

Проволович Т. О. Квантовый подход Д. Чалмерса к решению проблемы сознания // Вестник Московского университета. Серия 7, Философия. 2020. № 5. С. 20—34.
 (Provolovich T. O. "D. Chalmers' Quantum Approach to Solving the Problem of Consciousness", *Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy*, 2020, no. 5, pp. 20—34. — In Russ.)

Языки глобального сознания: коллективная монография / под ред. Смирнова Г. С., Смирнова Д. Г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. 516 с.
 (Smirnov G. S., Smirnov D. G. (eds.) *Languages of global consciousness: a collective monograph*, Ivanovo, 2016, 516 p. — In Russ.)

Смирнов Г. С., Никифоров А. С. Планетарная цефализация: органический и электронный глобальный разум (пути языкового сближения) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 1. С. 84—92. DOI 10.17238/issn2227-6564.2018.1.84.

(Smirnov G. S., Nikiforov A. S. Planetary cephalization: organic and electronic global mind (paths of linguistic rapprochement), *Northern (Arctic) Federal University Bulletin. Series: Humanities and Social Sciences*, 2018, no. 1, pp. 84—92. — In Russ.)

Смирнов Г. С., Смирнов Д. Г. В поисках ноосферного языка: актуализация и проблематизация глобального сознания // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 2 (17). С. 5—14.

(Smirnov G. S., Smirnov D. G. In search of the noospheric language: actualization and problematization of global consciousness, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2017, no. 2 (17), pp. 5—14. — In Russ.)

Сузько О. Л. Модель множественных набросков: теория сознания Д. Деннета // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 6 (26). С. 164—167.

(Suzko O. L. The Model of Multiple Sketches: Dennett's Theory of Consciousness, *Humanitarian Research in Eastern Siberia and the Far East*, 2013, no. 6 (26), pp. 164—167. — In Russ.)

Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2018. 288 с.

(Schwab K. *The Fourth Industrial Revolution*, Moscow, 2018, 288 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.04.2025; одобрена после рецензирования 28.07.2025; принята к публикации 01.09.2025.

The article was submitted 01.04.2025; approved after reviewing 28.07.2025; accepted for publication 01.09.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Ветчинин Никита Михайлович — преподаватель кафедры философии, главный специалист научно-исследовательского управления, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, nikitavetchinin@mail.ru

Vetchinin Nikita Mikhailovich — lecturer in the Philosophy Department, chief specialist of the Research Department, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, nikitavetchinin@mail.ru

ПРОЕКТЫ

УДК 069.5:791.43.03

DOI: 10.46724/NOOS.2025.4.80-87

М. А. Миловзорова, Е. М. Раскатова

КОНЦЕПЦИЯ «ТАРКОВСКИЙ. АРХИТЕКТУРА КИНО»

Аннотация. Материал рассказывает о концепции временной экспозиции «Тарковский. Архитектура кино». Проект базируется на анализе уникальных архивных материалов из собраний музеев города Юрьевца (включающих рабочие материалы к «Книге сопоставлений» / «Запечатленному времени», аудиозаписи и рукописи) и Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), содержащего документы о создании фильмов и участии режиссера в художественных советах. Методологической основой является сопоставление идей Тарковского с концепцией «архитектора кино» Эрвина Панофского, что позволяет представить режиссера как «демиурга», выстраивающего целостное художественное пространство. Экспозиция выстраивается как метасюжет, повторяющий логику размышлений Тарковского: от общих принципов искусства и миссии художника к конкретным элементам «архитектуры фильма» — сценарию, образу, ритму, монтажу, изображению и звуку. Концепция предлагает детальную структуру разделов, принципы отбора и экспонирования разнотипных источников (текстов, фотографий, аудио-, видеоматериалов), а также сценографические решения для неспециализированного выставочного пространства, включая инсталляции и интерактивные элементы (акустическая капсула).

Ключевые слова: Андрей Тарковский, архитектура кино, выставочный проект, концепция экспозиции, режиссер-демиург, экспозиционный дизайн.

Ссылка для цитирования: Миловзорова М. А., Раскатова Е. М. Концепция выставочного проекта «Тарковский. Архитектура кино» // Ноосферные исследования. 2025. Вып. 4. С. 80—87.

M. A. Milovzorova, E. M. Raskatova

CONCEPT “TARKOVSKY ARCHITECTURE OF CINEMA”

Abstract. This article explores the concept of the temporary exhibition “Tarkovsky. Architecture of Cinema”. The project is based on an analysis of unique archival materials from the collections of the Yuryevets Museums (including working materials for “The Book of Comparisons” / “Captured Time”, audio recordings, and manuscripts) and the Russian State Archive of Literature and Art (RGALI), which contains documents on the making of films and the director’s participation in artistic councils. The methodological basis is a comparison of Tarkovsky’s ideas with Erwin Panofsky’s concept of the “architect of cinema”, which allows us to present the director as a “demiurge” constructing a holistic artistic space. The exhibition is structured as a meta-plot, echoing the logic of Tarkovsky’s thinking: from the general principles of art and the artist’s mission to the specific elements of “film architecture” — script, image, rhythm, editing, image, and sound. The concept offers a detailed structure of sections,

principles for the selection and exhibition of various types of sources (texts, photographs, audio, video), as well as scenographic solutions for a non-specialized exhibition space, including installations and interactive elements (acoustic capsule).

Keywords: Andrei Tarkovsky, film architecture, exhibition project, exhibition concept, director-demiurge, exhibition design.

Citation Link: Milovzorova M. A., Raskatova E. M. (2025) Concept of the exhibition project “Tarkovsky. Cinema architecture”, *Noospheric Studies*, no. 4, pp.80—87.

Концепция выставочного проекта

Временная экспозиция (выставка) «Тарковский. Архитектура кино» решает две задачи: презентацию материалов российских архивов, имеющих в своих собраниях материалы о творчестве А. А. Тарковского, и расширение представлений посетителей музея о творчестве режиссера. Основными партнерами проекта являются Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) и музеи города Юрьевца.

Концептуальный подход к разработке экспозиции главным образом обусловлен тем, что основная часть материалов и документов юрьевецкого архива связана с работой А. А. Тарковского над «Книгой сопоставлений» («Запечатленное время»), которой он посвятил в общей сложности два десятилетия, стремясь осмысливать теорию и философию киноискусства, методы и инструменты работы над фильмом. Выдающийся искусствовед Эрвин Панофский считал, что работа кинорежиссера близка к работе архитектора, очевидно, также полагал и Андрей Тарковский. Глубинная перекличка идей Тарковского, составивших основу книги с искусствоведческими открытиями, касающимися природы кинематографа в известном эссе Панофского «Стиль и средства выражения в кино», является своеобразной методологической основой выставочного проекта, во многом обуславливая его логику и структуру.

Название выставки отражает ядро концепции — представить А. А. Тарковского как «архитектора кино», в каком-то смысле сопряженного с понятием «великого архитектора», или, как это нашло отражение в рукописных источниках архива, — «режиссёра-демиурга». Сегодня мы отчетливо понимаем, что не только сами гениальные фильмы Тарковского, но и его теоретические идеи (так же, как, например, других гениев кино — Эйзенштейна, Кулешова, Довженко) оказали огромное влияние на развитие мирового кинематографа, поэтому поднять и отразить этот пласт творческого наследия великого режиссера — актуальная и значимая задача.

Типология источников

Исследование коллекции «Архив А. А. Тарковского» музеев города Юрьевца показало, что из всего комплекса можно выделить пласт документов и материалов, которые могут войти в содержание выставочного проекта. В первую очередь, это:

- ✓ машинописные копии «Книги сопоставлений» (особенно — второй экземпляр с рукописными правками А. А. Тарковского);
- ✓ рукописи А. А. Тарковского, имеющие отношение к работе над той же книгой, или включающие иные творческие рефлексии (отдельные листы и блокнот);
- ✓ аудиоматериалы (интервью О. Е. Сурковой, записанные у А. А. Тарковского при работе над книгой, а также другие аудиозаписи, раскрывающие содержание проекта);
- ✓ блокноты с записями О. Е. Сурковой, содержащие наблюдения за работой режиссера;
- ✓ отдельные фотографии как отечественного, так и зарубежного периодов работы А. А. Тарковского, отражающие творческий процесс.

Постулат «режиссера-демиурга», который утверждал А. А. Тарковский, включал в себя не только установку на интуитивизм (о чем немало писали исследователи), но и принципиально значимые интеллектуальные и общекультурные интенции, разворачивающиеся как в развернутых суждениях (критика кино, рассуждения о методах работы режиссера — от технологии создания образа до размышлений о духовной и эстетической сути кинематографа как особого вида искусства), так и непосредственно в художественном пространстве его фильмов.

Поскольку «Книга сопоставлений» является итогом многолетней (как внутренней интеллектуальной, так и зафиксированной) работы А. А. Тарковского, является очевидным, что ее логика и композиционная структура отражают представления Тарковского о наиболее значимых для его творчества моментах в довольно строгом порядке: понимание сущности искусства и предназначения художника, определение кинематографа как уникальной творческой и эстетической практики, осмысление того, как «строится» фильм, то есть об «архитектуре кино».

Поэтому наиболее целесообразным представляется формирование метасюжета выставки в соответствии с данной логикой, а именно как движения от общих представлений Тарковского о сущности киноискусства и миссии художника («режиссера-демиурга») к конкретным конструктивным составляющим «архитектуры кино» — сценарию, образу, который создает актер, ритму, монтажу, цвету и звуку.

«Источниковоедческий» анализ

Коллекция «Архив А. А. Тарковского» музеев города Юрьевца дает возможность использовать в экспозиции как развернутые цитаты, акцентирующие внимание на главных идеях режиссера, так и копии интересных документов или их фрагментов для более полного ознакомления посетителей выставки с материалами архива, так же, как и фотографии и аудиозаписи, поддерживающие и более полно раскрывающие содержание экспозиции.

Для понимания масштабных обобщающих идей Тарковского о «режиссере-демиурге», «этике режиссуры», сущности искусства в целом и искусства кино достаточно много материала дают как рукописи начальных фрагментов книги, так и некоторые фрагменты интервью и рассуждений режиссера, сохраненные в аудиозаписях, где он размышляет о сущности кинематографа, проблемах искусства и цивилизации. Для характеристики общих режиссерских взглядов

Тарковского интересны его размышления о проблеме «художник — зритель», которые также нашли отражение в рукописных материалах архива, что дополняет целостное представление о его творческом методе.

Значительное внимание А. А. Тарковский уделяет сценарию фильма как основе для всей творческой работы — в материалах к книге это, в первую очередь, касается фильма «Зеркало», сложность авторского сценария которого почти беспрецедентна. Тарковский здесь раскрывает механизм рождения сценарных решений, следующих общей логике художественного замысла.

Наиболее значимыми составляющими «теории кино», создаваемой А. А. Тарковским являются разделы книги — о времени в кино, ритме и монтаже, которые содержат много рукописных правок и маргинаций автора, позволяющих приблизиться к пониманию сущности художественного метода режиссера — здесь интересны «дискуссии» с Эйзенштейном, мысли о значении ритма в кино для создания индивидуального стиля выражения «бега времени» и др.

В меньшей степени в уникальных артефактах, но тем не менее содержательно полно, машинописные варианты «Книги сопоставлений» показывают понимание Тарковским значение актера для создания полноценного кинообраза и размышления о специфике использования цвета и звука в кинематографе.

Как мы уже отмечали, визуальных материалов, относящихся к творческому процессу Тарковского, в музейном архиве немного, но те, которые связаны в большей степени с зарубежным периодом жизни и работы режиссера, позволяют не только формально показать его работу на съемочной площадке (при работе над фильмом «Ностальгия»), но также отметить некоторые особенности выбора натуры для съемок или проследить трансформацию отдельных реальных наблюдений в визуальную образную ткань фильма.

Аудиоисточники «Архива А. А. Тарковского» в Юрьевце — абсолютно уникальный материал, сложный для экспонирования, но позволяющий не только поддержать основные содержательные разделы выставки, а также в некоторых случаях акцентировать внимание на смыслах, не всегда явных при знакомстве с текстовым форматом книги, но существенно расширяющих представление зрителя о том, как Тарковский сам, иногда интуитивно, определял сущность своего творчества.

Изучение материалов РГАЛИ показало, что их можно условно разделить на два крупных блока: первый содержит документы, отражающие работу над сценариями фильмов, согласования и дискуссии, обсуждения на художественных советах как сценариев, так и отснятого материала на разных стадиях творческого процесса, различные сопровождающие документы как официального, так и частного характера. В основном эти документы сгруппированы в папки «дел фильмов» — «Каток и скрипка», «Иваново детство», «Андрей Рублев», «Солярис», также отдельными папками представлены материалы художественных советов, касающиеся этих же фильмов. Вторая группа дел — стенограммы художественных советов с участием А. А. Тарковского по обсуждению сценариев, кинопроб, отснятых материалов фильмов коллег. Здесь Тарковский выступает как критик работ молодых режиссеров, определяя в этом и собственные позиции по отношению к кинематографу, которые станут основой его творческого метода. Кроме этого, эти материалы чрезвычайно интересны для характеристики культурно-исторического контекста творчества режиссера, хотя это и не является специальной задачей проекта. Тем не менее такие имена, как Г. Шпаликов,

А. Кончаловский (стенограмма заседания художественного совета по обсуждению литературного сценария Г. Ф. Шпаликова и А. Кончаловского «Точка зрения»), В. Катаев, могут стать для зрителей поводом осмыслить первые фильмы Тарковского в более широком предметном поле.

Большой интерес представляют самостоятельные документы, отражающие восприятие первых художественных опытов Тарковского выдающимися зарубежными деятелями искусства (копия письма Ж.-П. Сартра о фильме «Иваново детство»).

Небольшое количество рукописей А. А. Тарковского также может представлять значительный интерес для выставки как характеристика творческой позиции режиссера в целом (речь о М. И. Ромме, ответы на анкету журнала «Искусство кино» о Довженко и др.).

В наименьшей степени (так же, как и в коллекции музеев Юрьевца) в РГАЛИ отложились визуальные материалы — небольшое количество фотографий, зафиксировавших участие Тарковского в работе Художественного совета, некоторые моменты присутствия Тарковского на Венецианском фестивале. Это также планируется использовать в экспозиции. Огромный интерес представляют рисунки А. А. Тарковского к некоторым мизансценам фильма «Каток и скрипка», сделанные режиссером на монтажных листах, которые позволяют прикоснуться к самой сути творческого процесса.

Оба архивных собрания содержат минимальное количество визуальных материалов, соответствующих задачам создания данной экспозиции.

В ходе исследования были проанализированы архивные материалы о создании фильмов Тарковского «Андрей Рублев» и «Солярис», представленные на сайте «Мосфильма» и находящиеся в открытом доступе, которые также дают возможность погрузиться в творческую лабораторию режиссера и частично могут быть использованы в экспозиции при достижении соответствующих договоренностей. Также нами были проанализированы описи архивного собрания «Мосфильма», в том числе визуальные, которые также могут представлять большой интерес для готовящейся экспозиции: альбомы фотопроб актеров на исполнение ролей в фильме «Андрей Рублев» и съемочные журналы к этому фильму; два тома «Дела фильма «Зеркало», где могут находиться монтажные листы и другие интересные документы.

Предлагаемые разделы экспозиции и их описание

Поскольку создание временной экспозиции на данном этапе запланировано в неспециализированных музейных залах, а в пространстве холлов Культурного центра, логика разделов так или иначе должна их учитывать. В соответствии с этим на первом этаже планируется разместить материалы, в большей степени характеризующие представления Тарковского о миссии художника и работе режиссера в целом, критике кино, зафиксированные как в материалах юрьевецкого архива, так и РГАЛИ (раздел I — левая сторона холла, возможно, центр — стена). Также на первом этаже (пространство с правой стороны от дверей в кинозал) предполагается разместить раздел, связанный с работой над сценарием фильма, как начальной, в большей степени содержательной (идеологической) составляющей процесса создания фильма (раздел II).

Поскольку пространство не имеет условия специализированного музеиного хранения, экспозиция будет сформирована, главным образом, из копий документов, фотографий и иных материалов с соответствующими дизайнерскими решениями.

В первом разделе (рабочее название дублирует заголовок рукописного фрагмента «О режиссере-демиурге») планируется представить копии листов с рукописными записями Тарковского, отражающих размышления об искусстве, пути в кинематограф, миссии режиссера, этике режиссуры и др., а также копию рукописного блокнота, где есть воспоминания о детстве в Юрьевце, важные для понимания психологии творчества режиссера (архив Юрьевец). Существенным дополнением к этому блоку станут материалы, относящиеся к участию А. А. Тарковского в работе Художественного совета РГАЛИ — обсуждения работы коллег-кинематографистов, где также зафиксированы суждения о работе режиссера и кинематографе в целом, особенно ценно, что эти документы относятся к раннему периоду творчества Тарковского, то есть характеризуют рождение его уникального творческого метода. В данный раздел будут включены аудиоматериалы — фрагменты интервью О. Е. Сурковой и других записей, соответствующего содержания. Визуальная компонента этого раздела может включать как некоторые фотографии из архива РГАЛИ и музеев города Юрьевца, так и видеоматериалы, или находящиеся в открытом доступе (при достижении договоренностей), или представляющие интеллектуальную собственность музея (видеоинсталляции, подготовленные к прошедшим выставкам), также возможно использование видео со зрительскими откликами на кинематограф А. А. Тарковского, записанные в музее.

Второй раздел (рабочее название «Рождение сценария») будет включать как более или менее развернутые цитаты размышлений Тарковского о сценарии кино в целом (опирающиеся, в первую очередь, на материалы книги, с возможным показом ее более объемных фрагментов, доступных для прочтения здесь; возможен также показ печатных, но малоизвестных широкому зрителю, образцов режиссерских сценариев к основным фильмам Тарковского, хранящихся в юрьевецком музее), так и материалы, отражающие работу над сценарием непосредственно (главным образом, материалы РГАЛИ). Поскольку объем источников в целом значителен, считаем возможным представить самостоятельные фрагменты экспозиции через обращение к разным фильмам Тарковского. Так, для погружения в творческую лабораторию работы авторов и режиссера над и со сценарием фильма большой интерес представляют папки дел РГАЛИ, относящиеся к фильму «Иваново детство». Это неоднократные обсуждения сценария на Художественных советах, документы дискуссии между писателем и автором сценария и режиссером и др., что позволяет в полной мере почувствовать, каким сложным является процесс создания киносценария.

Визуальная составляющая данного раздела может быть обеспечена включением в экспозицию киноматериала фильмов «Иваново детство» и «Зеркало», возможно, в формате видеоинсталляций.

Аудиосопровождение данного раздела предполагает использование открытого звука, включающего отобранные фрагменты

Продолжение экспозиции (раздел III) предполагается размещать на втором этаже культурного центра. В качестве экспозиционной площади можно использовать стены лестничных маршей, которые при включении в экспозицию будут

служить или смысловым переходом к последующим разделам экспозиции, или самостоятельным экспозиционным разделом, например «Об актере в кино», где можно использовать визуальные материалы архивов РГАЛИ («Каток и скрипка») и Мосфильма (фотопробы к фильму «Андрей Рублев»), способом нанесения вертикальной печати или иным методом.

Пространство второго этажа предлагается зонировать в соответствии с представлением «архитектуры фильма», включающей ритм, монтаж, изображение и звук.

Основой здесь также станут концептуальные идеи Тарковского, отраженные в «Книге сопоставлений» («Запечатленное время»), представленные как в формате значимых цитат, так и копий архивных листов (как рукописных, так и машинописных с большим количеством рукописных правок). Этот раздел позволяет существенно расширить материалы РГАЛИ, включающие монтажные листы к фильмам «Андрей Рублев» и «Иваново детство» (не только содержательно, но и визуально интересные артефакты), позволяющие полностью представить творческий процесс создания фильма и увидеть, как меняется фильм в процессе работы, прочитать примеры диалогов, прикоснуться к технологии съемки с описанием ракурсов, типа камеры, звука в кадре и др.; здесь будут интересны и рисунки к фильму «Каток и скрипка», которые дают возможность увидеть снимающуюся мизансцену глазами режиссера.

Визуальные образы кинематографа Тарковского планируется представить как материалами книги и рукописей (особенно фиксирующих воспоминания детства в Юрьевце, которые, на наш взгляд, во многом заложили основу его художественного видения), так и видеインсталляциями или просто выразительными визуальными образами фильмов, распределенных по содержанию и форме. Здесь также может присутствовать тема мирового искусства, чрезвычайно важная для Тарковского и оказавшая огромное влияние на визуальные эстетические решения его фильмов. Самостоятельное значение в этом разделе могут иметь фотографии итальянского периода работ Тарковского и его дневниковые записи, отражающие процесс рождения художественного образа.

Концепцию звука в кино, отщенную, в первую очередь, в разделе книги «О музыке и шумах», планируется показать не только аналогичными приемами (цитаты архивных материалов, копии монтажных листов РГАЛИ, отражающие работу со звуком в кино), но и созданием макета звукоизоляционной акустической капсулы, позволяющей посетителю погрузиться в восприятие звука фильмов Тарковского — от всем известной музыки до аудиоинсталляций с шумами фильмов Тарковского.

Предполагаемые экспозиционные решения

Поскольку предполагается работа в неспециализированном пространстве, целесообразно спроектировать его полную комплексную застройку, позволяющую увеличить экспозиционные площади за счет закрытия части окон и создания внутренней архитектуры пространств (дополнительные перегородки, инсталляции, технологические объекты, др.). Также возможно создание архитектурных инсталляций, отражающих основную идею выставки (кино как архитектура): это могут быть геометрические объекты, отсылающие к эпохе

конструктивизма), которые, в свою очередь, также могут служить для размещения экспонируемых материалов.

Для придания экспозиции объема возможно использование как плоской, так и объемной бутафории — хардпостеров (в основе могут быть как реальные фотографии, так и, например, рисунки Тарковского к «Катку и скрипке» и др.), бутафорских макетов (блокноты, кассеты и др.). Применение 3D-печати существенно расширяет возможности изготовления макетов твердых объемных предметов — в экспозиции планируется использовать фигурку крылатого льва — высокой международной награды Тарковского на фестивале в Венеции, которая стала символом его восхождения.

В экспозиции планируется использовать экраны для демонстрации видео-материалов, колонки с наушниками и без для аудиотрансляций, цифровые рамки форматов А3 и А4 для презентации материалов архивов.

Также в экспозиции планируется показать аутентичный монтажный стол, позволяющий представить атмосферу киностудии советской эпохи 1960—1970-х гг.

Материал поступил в редакцию 20.06.2025; одобрен после рецензирования 28.07.2022; принят к публикации 01.09.2025.

The material was submitted 20.06.2025; approved after reviewing 28.07.2022; accepted for publication 01.09.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Миловзорова Мария Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры философии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, machutka@mail.ru, SPIN-код: 1110-8824

Milovzorova Maria Alekseevna — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Philosophy Department, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, machutka@mail.ru

Раскатова Елена Михайловна — доктор исторических наук, профессор кафедры философии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, elenaraskatova@mail.ru, SPIN-код: 6153-5163

Raskatova Elena Mikhailovna — Doctor of Sciences (History), Professor of the Philosophy Department, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, elenaraskatova@mail.ru

НООСФЕРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Научная статья

УДК 004.056

DOI: 10.46724/NOOS.2025.4.88-93

A. P. Романова

ФОРМИРОВАНИЕ КИБЕРБЕЗОПАСНОГО ПОВЕДЕНИЯ У МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ: ОЦЕНКА УРОВНЯ ОСВЕДОМЛЕННОСТИ И ВЛИЯНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ ФАКТОРОВ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности кибербезопасного поведения подростков в условиях интенсивного использования цифровых технологий. Целью исследования являлось определение уровня осведомленности подростков о безопасном поведении в Интернете и выявление влияния специального обучения на формирование соответствующих навыков. В ходе эмпирического исследования применялись методы анкетирования и тестирования. Выборка составила 34 подростка 11—12 лет, разделенных на две группы: прошедших курс «Кибергигиена» и не прошедших его. Результаты показали, что подростки, обучавшиеся на курсе, демонстрируют более высокий уровень осведомленности, чаще применяют меры безопасности и реже испытывают неуверенность при столкновении с киберугрозами. При этом не выявлено значимой связи между уровнем внушаемости и подверженностью киберугрозам. Делается вывод о необходимости системного образовательного подхода к формированию кибербезопасного поведения у подростков.

Ключевые слова: кибергигиена, киберугрозы, кибербезопасное поведение, младшие подростки, конформность-внушаемость.

Ссылка для цитирования: Романова А. Р. Формирование кибербезопасного поведения у младших подростков: оценка уровня осведомленности и влияние личностных факторов // Ноосферные исследования. 2025. Вып. 4. С. 88—93.

Original article

A. R. Romanova

DEVELOPING CYBERSAFE BEHAVIOR IN YOUNGER ADOLESCENTS: ASSESSING THE LEVEL OF AWARENESS AND THE INFLUENCE OF PERSONALITY FACTORS

Abstract. This paper considers the cyber-secure behavior of teenagers in an environment where digital technology is used intensively. The aim of the study was to determine the level of teenagers' awareness of safe online behavior and to identify the impact of specialized training on the development of these skills. The empirical study employed survey and testing methods. The study involved 34 teenagers aged 11 and 12. They were divided into two groups: those who completed the Cyber Hygiene course and those who did not. The results showed that the

teenagers who had completed the course demonstrated a higher level of awareness, used safety measures more often and felt uncertain less often when they encountered cyber threats. However, no significant link between suggestibility and susceptibility to cyber threats was found. This study concludes that a systemic educational approach to the development of cyber-secure behavior in teenagers is necessary.

Keywords: cyber hygiene, cyber threats, cyber-safe behavior, younger adolescents, conformity-suggestibility.

Citation Link: Romanova A. R. (2025) Developing cybersafe behavior in younger adolescents: assessing the level of awareness and the influence of personality factors, *Noospheric Studies*, no. 4, pp. 88—93.

В современных социокультурных условиях проблема безопасности¹ пользователей в цифровом пространстве приобретает все большую значимость². Особенno актуальным является вопрос кибербезопасности подростков [Ушkin, Коваль, Мартынова, 2025], поскольку именно эта возрастная группа является наиболее активными пользователями Интернета и компьютерных технологий. Подростки проводят в сети значительное количество времени, что делает их уязвимыми перед разнообразными угрозами: кибербуллингом, фишингом, мошенничеством, кражей личных данных и другими формами киберпреступлений. Статистические данные указывают, что около 89 % подростков ежедневно используют социальные сети, проводя в онлайн-среде в среднем 4—5 часов [Смирнова, Захарова, Синогина, 2017]. В связи с этим возникает необходимость изучения специфики кибербезопасного поведения подростков и разработки эффективных мер по формированию у них соответствующих навыков и осознанного отношения к рискам цифрового пространства³.

Исследование было направлено на оценку уровня информированности подростков относительно безопасного поведения в сети Интернет и выявление эффективности специализированного курса обучения в формировании такого поведения.

Для достижения целей были использованы следующие исследовательские методики:

- анкетирование с применением оригинальной анкеты «Кибербезопасность подростков», включающей десять вопросов, касающихся частоты и целей использования Интернета, понимания понятия кибербезопасности, самооценки уровня знаний, опыта столкновений с онлайн-угрозами, используемых мер защиты и способов реагирования на потенциальные риски;
- тестирование для оценки уровня внушаемости участников посредством теста «Конформность-внушаемость» авторов С. В. Клаучека и В. В. Деларю.

¹ Обратим внимание, что проблемное пространство кибербезопасности вписывается в более масштабный дискурс ноосферной безопасности [Смирнов, 2021].

² Концепция информационной безопасности детей: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 декабря 2015 г. № 2471-р. URL <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71167034/> (дата обращения: 20.01.2025).

³ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». URL https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 20.01.2025).

Исследовательская выборка состояла из 34 подростков в возрасте 11—12 лет, распределенных на две группы: экспериментальная группа (11 человек), прошедшая образовательный курс «Кибергигиена»; контрольная группа (23 человека), не участвовавшая в данном обучении.

Проведение исследования осуществлялось на базе центра технического творчества «Новация».

В рамках настоящего исследования была разработана концептуальная основа, определяющая ключевые категории в области кибербезопасности и соответствующего поведения несовершеннолетних пользователей.

Кибербезопасность трактуется нами как система организационных и технических мер, направленная на обеспечение защищенности личности и ее цифровых ресурсов от угроз, исходящих из киберпространства. Данная концепция подразумевает комплексный подход, сочетающий технические средства защиты с формированием у пользователей навыков правильного и безопасного поведения в условиях современного цифрового мира. Важнейшими аспектами являются защита информации, минимизация возможных рисков и формирование безопасной цифровой среды.

Киберугрозы определяются как любые целенаправленные действия, осуществляемые с использованием компьютеров и сетей, способные нанести вред физическим лицам либо их активам. Наиболее распространенными видами угроз выступают: кибербуллинг, фишинг, распространение вредоносного ПО, киберрадикация и др.

Киберпреступления представляют собой незаконные действия, происходящие в виртуальной среде и подлежащие уголовной ответственности. Они включают широкий спектр правонарушений, таких как хищение личных данных, финансовое мошенничество, пиратство и терроризм в цифровом пространстве [Кочкина, 2017].

Особенностью подросткового периода является сочетание стремления к самостоятельности и интенсивного поиска собственной идентичности. Эта фаза развития сопровождается повышенной чувствительностью к мнению окружающих и усиленной восприимчивостью к внешним стимулам, включая социальные нормы и ожидания сверстников. Данные характеристики определяют специфический стиль поведения подростков в сети и увеличивают вероятность их попадания в опасные ситуации.

Эмпирическое исследование позволило подтвердить положительную динамику изменений в поведении подростков, завершивших программу «Кибергигиена». Полученные данные свидетельствуют о значительном повышении уровня осведомленности и готовности действовать ответственно в условиях киберрисков.

Анализ показал, что участники эксперимента демонстрируют гораздо более разнообразные способы использования Интернета. Так, практически все представители экспериментальной группы (100 %) регулярно посещают интернет-ресурсы преимущественно для развлекательных целей, однако значительная часть (81 %) также активно использует сеть для коммуникации, 73 % — для образовательных нужд и около 64 % — для участия в социальных медиа. Это свидетельствует о зрелом подходе к интернет-деятельности, отличающемся многообразием функций и мотиваций, в отличие от контрольной группы, члены которой использовали Интернет менее структурированно и ограниченно.

При анализе восприятия терминологии выявлено, что абсолютно все подростки, изучившие основы кибербезопасности, понимают значение термина «кибербезопасность» и связывают его непосредственно с мерами защиты в цифровом пространстве. Напротив, в контрольной группе 17 % респондентов не смогли точно определить смысл этого понятия, что подчеркивает важность специальных курсов в формировании базовой цифровой грамотности.

Несмотря на то что субъективная оценка собственных знаний оказалась несколько заниженной у обучающихся курсу (только 36 % заявили о полной уверенности в своей компетенции, тогда как в контрольной группе показатель составил 43 %), их фактическое поведение демонстрирует существенно более высокую степень подготовленности. Участники экспериментальной группы значительно чаще используют двухфакторную аутентификацию (73 % против 26 %), создают надежные пароли (73 % против 52 %) и устанавливают защитные программы (73 % против 43 %).

Кроме того, обнаружилось, что учащиеся экспериментальной группы чаще сталкивались с проявлениями различных видов киберугроз, такими как фишинг (63 % против 57 %), мошеннические схемы (55 % против 35 %), заражение вирусами (55 % против 26 %) и даже случаи буллинга в сети (45 % против 17 %). Этот феномен можно интерпретировать не как признак слабости, а скорее, как свидетельство повышенного уровня осознания рисков и способности адекватно реагировать на возникающие проблемы [Фортова, 2022: 11].

Что касается реакций на гипотетические инциденты, экспериментальная группа показала значительную готовность предпринимать активные действия. Например, подавляющее большинство опрошенных (91 %) сообщили, что немедленно сменили бы пароль или учетную запись в случае возникновения подозрительной активности, а каждый второй участник указал на намерение обратиться за поддержкой к родителям или специалистам. Подобные позитивные реакции подчеркивают эффективность предложенных методов подготовки.

Однако корреляционный анализ (коэффициент Пирсона) не выявил значимой связи между уровнем внушаемости и частотой столкновения с киберугрозами (уровень значимости $p = 0,947$). Это указывает на то, что уязвимость подростков в цифровом пространстве определяется более сложным комплексом факторов, включающим не только психологические особенности, но и уровень цифровой грамотности, опыт взаимодействия с Интернетом, социальное окружение и качество полученного образования в области безопасности.

Таким образом, результаты исследования подтверждают значимость специальной образовательной программы «Кибергигиена» в развитии базовых компетенций кибербезопасности у подростков (ср. [Руденкин, 2022]). Такое обучение позволяет не только повысить осведомленность детей о существующих угрозах, но и выработать устойчивые модели поведения, снижающие возможные негативные последствия пребывания в сети (см. [Самохина, 2023]).

По итогам анализа полученных данных можно заключить следующее:

- обучение основам кибербезопасности заметно повышает уровень цифровой грамотности подростков, расширяя кругозор и формируя рациональное восприятие рисков;
- прохождение специализированного курса способствует улучшению навыков практической защиты, выражющихся в соблюдении принципов

надежной аутентификации, создании сложных паролей и установке необходимых защитных инструментов;

- высокий процент зафиксированных случаев встречи с киберугрозами среди учащихся курса отражает улучшение навыков идентификации опасных ситуаций, а не рост уязвимости;
- несмотря на ожидаемую связь психологической восприимчивости с уязвимостью перед угрозами, эмпирические данные не выявили статистически значимых зависимостей между этими показателями;
- полученные результаты говорят о необходимости включения тематики кибербезопасности в школьную программу (ср. [Селюнина, Горбачева, 2017]), разработки учебных материалов и вовлечения родителей и педагогов в совместную работу над повышением уровня цифровой грамотности подрастающего поколения.

Библиографический список / References

Кочкина Э. Л. Определение понятия «Киберпреступление». Отдельные виды киберпреступлений // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 3 (17). С. 162—169.

(Kochkina E. L. Definition of the concept “Cybercrime”. Separate types of cybercrimes, *Siberian Criminal Procedure and Forensic Readings*, 2017, no. 3 (17), pp. 162—169. — In Russ.)

Самохина Н. Н. Безопасность личности в интернет-пространстве: установление и защита новых границ конфиденциальности // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 1. С. 148—154.

Samokhina N. N. Personal security in the internet space: establishing and protecting new boundaries of privacy, *Economic and Social Research*, 2023, no. 1, pp. 148—154. — In Russ.)

Селюнина С. В., Горбачева Н. А. Теоретические и практические аспекты обеспечения информационной безопасности детей и подростков в глобальной сети // Здоровье населения и среда обитания. 2017. № 8. С. 11—17.

Selyunina S. V., Gorbacheva N. A. Theoretical and practical aspects of ensuring information security of children and teenagers in global network, *Public Health and Life Environment*, 2017, no. 8, pp. 11—17. — In Russ.)

Смирнов Д. Г. Этика ноосферной безопасности: к постановке проблемы // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 4. С. 135—142. DOI 10.46726/H.2021.4.15.

(Smirnov D. G. Ethics of noospheric security: towards the formulation of the problem, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2021, no. 4, pp. 135—142. — In Russ.)

Смирнова А. А., Захарова Т. Ю., Синогина Е. С. Киберугрозы безопасности подростков // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2017. № 3 (17). С. 99—107.

(Smirnova A. A., Zakharova T. Yu., Sinogina E. S. Cyber threats to the security of adolescents, *Scientific and Pedagogical Review. Pedagogical Review*, 2017, no. 3 (17), pp. 99—107. — In Russ.)

Руденкин Д. В. Уровень развития навыков цифровой гигиены современной российской молодежи: итоги социологического исследования // Социодинамика. 2022. № 1. С. 36—55. DOI: 10.25136/2409-7144.2022.1.37487

Rudenkin D. The level of development of digital hygiene skills of modern russian youth: The results sociological research, *Sociodynamics*, 2022, no. 1, pp. 36—55. — In Russ.)

Ушкун С. Г., Коваль Е. А., Мартынова М. Д. Цифровая безопасность подростков: социологический анализ // Интеграция образования. 2025. Т. 29, № 1. С. 114—131. doi:10.15507/1991-9468.029.202501.114-131

(Ushkin S. G., Koval E. A., Martynova M. D. Digital security of teenagers: sociological analysis, *Integration of Education*, 2025, vol. 29, no. 1, pp. 114—131. — In Russ.)

Фортова Л. К., Юдина А. М., Нé Ч. К вопросу о формировании компетенций у подростков, обеспечивающих их кибербезопасность, в формате дистанционного обучения // Современное педагогическое образование. 2022. № 8. С. 10—12.

(Fortova L. K., Yudina A. M., Nie Zh. To the question of the formation of competencies in adolescents, ensuring their cybersecurity, in the format of distance learning, *Modern Pedagogical Education*, 2022, no. 8, pp. 10—12. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.01.2025; одобрена после рецензирования 22.11.2024; принята к публикации 02.12.2025.

The article was submitted 25.01.2025; approved after reviewing 22.11.2024; accepted for publication 02.12.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Романова Александра Романовна — студентка института гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, aromanova1012@gmail.com

Romanova Alexandra Romanovna — student at the Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, aromanova1012@gmail.com

ДЕБЮТ

Научная статья
УДК 316.334.56
DOI: 10.46724/NOOS.2025.4.94-97

P. X. Рассадин

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЖИЗНДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА-СПУТНИКА

Аннотация. В статье рассматриваются особенности жизнедеятельности населения городов-спутников как особого типа урбанистических образований, находящихся в тесной зависимости от крупных городских центров. На примере Кохмы, Одинцово, Бердска, Долгопрудного, Пушкина и Колпино анализируются ключевые социально-экономические, транспортные и инфраструктурные проблемы, а также определяются перспективные направления их развития. Особое внимание уделено роли малых городов в структуре региональных агломераций и необходимости выработки комплексной стратегии их устойчивого роста.

Ключевые слова: город-спутник, урбанизация, социальная инфраструктура, качество жизни, региональное развитие.

Ссылка для цитирования: Рассадин Р. Х. Проблемы и перспективы жизнедеятельности населения города-спутника // Ноосферные исследования. 2025. Вып. 4. С. 94—97.

Original article

R. Kh. Rassadin

PROBLEMS AND PROSPECTS OF VITAL ACTIVITY OF THE SATELLITE CITY POPULATION

Abstract. This article examines the lifestyle characteristics of satellite towns as a special type of urban entity closely dependent on major urban centers. Using Kokhma, Odintsovo, Berdsk, Dolgoprudny, Pushkin, and Kolpino as examples, it analyzes key socioeconomic, transport, and infrastructure issues and identifies promising areas for their development. Particular attention is paid to the role of small towns in the structure of regional agglomerations and the need to develop a comprehensive strategy for their sustainable growth.

Keywords: satellite town, urbanization, social infrastructure, quality of life, regional development.

Citation Link: Rassadin R. Kh. (2025) Problems and prospects of vital activity of the satellite city population, *Noospheric Studies*, no. 4, pp. 94—97.

Введение. Современные процессы урбанизации в России приводят к усилению роли городов-спутников в структуре крупных агломераций. Подобные города выполняют функцию «буфера» между центральным мегаполисом и сельской территорией, обеспечивая перераспределение трудовых, транспортных и социальных потоков. Однако их развитие сопровождается рядом трудностей — зависимостью от экономического центра, дефицитом рабочих мест, проблемами инфраструктуры и транспортной доступности.

По мнению Г. М. Лаппо, города-спутники формируют «второй уровень» городских систем, обеспечивая развитие пригородных территорий и рассредоточение населения [Лаппо, 2001]. Для многих малых городов подобное положение оборачивается периферийностью и снижением социальной привлекательности.

Цель настоящей статьи — выявить основные проблемы жизнедеятельности населения городов-спутников и определить перспективные направления их развития на примере нескольких российских городов, включая Кохму как типичный пример спутника промышленного центра Иваново.

Понятие города-спутника. Город-спутник — это населенный пункт, расположенный в непосредственной близости от крупного города и тесно связанный с ним экономически, социально и инфраструктурно. В отличие от обычных малых городов, города-спутники не обладают полной автономией, их экономическая структура часто ориентирована на потребности центрального города [Левашов, 2020].

Например, Кохма — типичный спутник Иванова: здесь проживает около 30 тысяч человек, и значительная часть трудоспособного населения ежедневно выезжает на работу в Иваново. Аналогичная зависимость наблюдается в Одинцово (спутник Москвы) и Бердске (спутник Новосибирска), где большая доля занятых работает в центральных агломерационных центрах [Проблемы..., 2021].

Проблемы жизнедеятельности населения городов-спутников. Одной из ключевых проблем является *трудовая маятниковая миграция*. Согласно данным Росстата, более 55 % жителей малых городов, расположенных в радиусе до 30 км от крупных центров, ежедневно совершают поездки на работу в мегаполис [Социально-экономическое..., 2023]. Это создает нагрузку на транспортную инфраструктуру и снижает качество жизни.

Транспортная проблема — одна из наиболее острых. Города-спутники, особенно в регионах Центральной России, страдают от отсутствия скоростного общественного транспорта и перегруженности автодорог. Например, между Кохмой и Ивановом ежедневно образуются пробки, что увеличивает время пути до 1—1,5 часов. В Одинцово и Долгопрудном ситуация схожая: при развитой инфраструктуре столичного региона транспортный поток значительно превышает пропускную способность трасс.

Экономическая зависимость — другая характерная особенность. В большинстве спутников экономика ограничена малым бизнесом и предприятиями обслуживания, что делает их уязвимыми к колебаниям в экономике центрального города. Без инвестиций в собственное производство такие города не могут обеспечить занятость местного населения [Морозова, 2019].

Социальная инфраструктура также отстает от темпов жилищного строительства. В Кохме, например, на 2025 год насчитывается 5 школ и две поликлиники, что приводит к перегруженности образовательных и медицинских

учреждений. Аналогичные проблемы наблюдаются в Бердске и Колпино, где застройка опережает развитие социальной сферы [там же].

Не менее значимой является *экологическая нагрузка*. Многие города-спутники формировались вокруг промышленных предприятий, и экологическая ситуация здесь остаётся напряжённой. Например, в Долгопрудном фиксируется повышенное содержание оксидов азота в воздухе, а в Бердске — загрязнение акватории из-за деятельности предприятий [Кузнецова, 2021].

Социально-демографические и инфраструктурные особенности. Демографическая ситуация в городах-спутниках во многом отражает тенденции российских малых городов — старение населения, миграционный отток молодёжи, низкая рождаемость. Молодые специалисты чаще стремятся к трудуоустройству в центральных городах, где выше уровень заработной платы и больше возможностей для самореализации.

По данным исследования Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС (2023 г.), население городов-спутников растет преимущественно за счет миграции из сельской местности, а не естественного прироста. Это создает дисбаланс между численностью трудоспособных и экономически активных граждан [Социально-демографическое..., 2023].

С точки зрения инфраструктуры, важной проблемой остается *недостаток инженерных сетей и коммунальных мощностей*. Многие города-спутники используют изношенные коммуникации, построенные еще в советский период. Это ограничивает развитие промышленности и строительства жилья.

Перспективы развития городов-спутников. Несмотря на указанные трудности, города-спутники обладают значительным потенциалом развития [Романов, 2022]. Одним из ключевых направлений является *повышение самодостаточности местной экономики* — создание промышленных парков, развитие ремесленных производств, поддержка малого бизнеса.

Государственные программы, такие как «Развитие малых городов и исторических поселений» и «Умный город», способствуют модернизации городской среды, цифровизации муниципальных услуг и развитию транспортной логистики [Сидорова, 2023]. *Транспортная модернизация* — один из важнейших факторов. Развитие скоростных автобусных маршрутов и железнодорожных веток может значительно сократить маятниковые миграции. *Экологическая устойчивость* также становится приоритетом. Реализация программ по озеленению, переработке отходов и очистке промышленных зон способствует улучшению качества жизни населения. Особое внимание уделяется *цифровизации городской среды* — внедрению систем «умного освещения», цифровых сервисов ЖКХ и онлайн-платформ взаимодействия граждан с администрацией. В Кохме и Бердске уже начаты пилотные проекты в этом направлении.

Заключение. Города-спутники — важный элемент пространственной структуры России, обеспечивающий устойчивость крупных агломераций. Однако их развитие осложнено рядом факторов: зависимостью от центральных городов, транспортной и экологической нагрузкой, отставанием социальной инфраструктуры. Для преодоления этих проблем необходим комплексный подход — сочетание федеральных программ, региональных стратегий и муниципальных инициатив. Развитие самодостаточной экономики, повышение транспортной доступности и улучшение качества городской среды способны превратить города-спутники из периферийных образований в активные центры роста регионов.

Библиографический список / References

Кузнецова Т. Ю. Экологические аспекты развития городов-спутников // Региональная экономика. 2021. № 4. С. 55—60.
 (Kuznetsova T. Yu. Environmental aspects of the development of satellite towns, *Regional Economics*, 2021, no. 4, pp. 55—60. — In Russ.)

Лаппо Г. М. География городов. М.: Владос, 2001. 480 с.
 (Lappo G. M. *Geography of Cities*, Moscow, 2001, 480 p. — In Russ.)

Левашов В. К. Развитие малых городов России в условиях урбанизации // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 25—32.
 (Levashov V. K. Development of small towns in Russia in the context of urbanization, *Sociological Studies*, 2020, no. 8, pp. 25—32. — In Russ.)

Морозова Е. Н. Социальная инфраструктура малых городов России // Вестник социально-гуманитарных наук. 2019. № 2. С. 74—79.
 (Morozova E. N. Social infrastructure of small towns in Russia, *Bulletin of Social and Humanitarian Sciences*, 2019, no. 2, pp. 74—79. — In Russ.)

Проблемы урбанизации в России. М.: Институт социологии РАН, 2021.
 (*Problems of Urbanization in Russia*, Moscow, 2021. — In Russ.)

Романов А. П. Перспективы устойчивого развития городов-спутников // Экономика и управление. 2022. № 6. С. 63—68.
 (Romanov A. P. Prospects for sustainable development of satellite towns, *Economics and Management*, 2022, no. 6, pp. 63—68. — In Russ.)

Сидорова М. А. Цифровизация муниципального управления: опыт малых городов // Управленческое консультирование. 2023. № 9. С. 88—93.
 (Sidorova M. A. Digitalization of municipal management: the experience of small towns, *Management Consulting*, 2023, no. 9, pp. 88—93. — In Russ.)

Социально-демографическое развитие малых городов России: аналитический доклад. М.: РАНХиГС, 2023.
 (*Socio-demographic development of small towns in Russia*, Moscow, 2023. — In Russ.)

Социально-экономическое положение малых городов России. М.: Росстат, 2023. 360 с.
 (*Socio-economic situation of small towns in Russia*, Moscow, 2023, 360 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.05.2025; одобрена после рецензирования 28.07.2022; принята к публикации 01.09.2025.

The article was submitted 20.05.2025; approved after reviewing 28.07.2022; accepted for publication 01.09.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Рассадин Руслан Хизриевич — магистрант, Институт социально-экономических наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, rus.rassadin@yandex.ru.

Rassadin Ruslan Khizrievich — master's student, Institute of Social and Economic Sciences, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, rus.rassadin@yandex.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Ноосферные исследования», выходящий четыре раза в год, публикует оригинальные статьи в области гуманитаристики, а также материалы, посвященные актуальным проблемам философии, истории, социологии, психологии, образования (обзоры, хронику научной жизни, рецензии). Рекомендуемый объем научной статьи 20—40 тыс. знаков с пробелами; объем обзора, хроники, рецензии 10—20 тыс. знаков). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Редакция принимает к рассмотрению ранее не публиковавшиеся материалы, соответствующие специализации журнала, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимостью. Все присланные материалы проходят проверку в системе «Антиплагиат». К публикации принимаются статьи, оригинальность которых составляет не менее 70 %.

Материалы принимаются **только в электронном виде** по адресу posnoos@ivanovo.ac.ru или smirnovdg@ivanovo.ac.ru главному редактору журнала Смирнову Дмитрию Григорьевичу в формате RTF. Для аспирантов и соискателей необходим отзыв научного руководителя / консультанта (отсканированный вариант с подписью и с печатью). Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат — А4; поля: верхнее — 2,7 см, левое и правое — 4 см, нижнее — 4,6 см; гарнитура (шрифт) — Times New Roman; кегль — 11; межстрочный интервал — одинарный; абзацный отступ — 1 см.

Присылаемый материал должен содержать следующий контент:

текст статьи, где приводятся фамилия, инициалы автора, название (на русском и английском языках); аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк) и ключевые слова (не более 10) последовательно на русском и английском языках (английская аннотация должна быть содержательнее и объемнее русскоязычного аналога); текст материала и библиографический список (в выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения)¹;

приложение, которое содержит сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта); фамилию, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя), ученую степень и ученое звание, место работы и должность в транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США.

Библиографический список / References формируется по алфавитному принципу, без нумерации. Шрифт Times New Roman 10. Библиографическое описание источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТом 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества

¹ Дополнительные рекомендации: для выделения слов, фрагментов текста можно использовать курсив, подчеркивание (разбивка не допускается); переносы только автоматические; сноски для примечаний постраничные, ставятся автоматически; между инициалами и фамилией ставится непрерывный пробел (shift + ctrl + пробел); при цитировании используются кавычки «», при внутреннем цитировании ставятся “”; необходимо соблюдать пунктуационное и графическое отличие «—» (тире: ctrl + alt + минус на правой числовой клавиатуре) от «-» (дефиса); для обозначения промежутка между датами, номерами страниц и т. п. используется «—» (тире); все текстовые примеры на иностранных языках должны быть снабжены русским подстрочником.

страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения². В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы. Основные правила таковы:

— ФИО автора транслитерируются. Для выполнения транслитерации рекомендуем использовать сайт Транслит.ру: <https://translit.ru>. Во вкладке «основной» выбрать позицию LC;

— название статьи/книги/сборника переводится на английский язык;

— название журнала приводится на английском (если у журнала нет англоязычного варианта названия, то на латинице);

— город переводится на английский язык;

— издательство не указывается;

— после описания русскоязычного источника в конце ссылки ставится указание на язык работы: — In Russ. (Источники, написанные на латинице, остаются в оригинальном написании.)

Ссылки на библиографический список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора (или авторов через запятую), далее (если у автора более, чем одна работа) год издания работы и, после двоеточия, страница. Например, [Вернадский] или [Смирнов 2003] или [Флоренский: 205].

Все рукописи, поступившие в редакцию, проходят независимое рецензирование. Статьи аспирантов и соискателей принимаются и передаются на рецензирование только при наличии положительного отзыва научного руководителя / консультанта. О поступлении статьи и ее дальнейшем рецензировании ответственный секретарь сообщает авторам по электронной почте³. Если формальные требования к материалам, представленным на публикацию, не выполнены, то статья к публикации не принимается «по формальным признакам» и об этом сообщается автору. Рецензирование проводится конфиденциально для автора рукописи. Для проведения рецензирования рукописей статей в качестве рецензентов могут привлекаться как члены редакционной коллегии журнала, так и высококвалифицированные ученые и специалисты, в том числе из других организаций. Рецензент оценивает: соответствие содержания статьи ее названию; актуальность и новизну

² Примеры оформления: **монография**: Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с. (Vernadsky V. I. *Scientific thought as a planetary phenomenon*. Moscow, 1991, 271 p. — In Russ.); **статья в журнале**: Смирнов Г. С. Ноосферная картина мира и современное образование // Вестник Российской академии естественных наук. 2003. Т. 3, № 1. С. 57—64. (Smirnov G. S. Noospheric picture of the world and modern education, *Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences*, 2003, vol. 3, no. 1, pp. 57—64); **статья в сборнике**: Флоренский П. А. Храмовое действие как синтез искусств // Флоренский П. А. Избранные труды по искусству. М.: Изобразительное искусство, 1996. С. 199—215. (Florensky P. A. Temple action as a synthesis of arts, in Florensky P. A. *Selected Works on Art*, Moscow, 1996, pp. 199—215. — In Russ.)

³ При наличии отрицательной рецензии рукопись отклоняется с обязательным уведомлением автора о причинах такого решения. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Не допускаются к публикации в научном журнале статьи: содержащие ранее опубликованный материал; содержащие недобросовестные заимствования; представленные без соблюдения правил оформления; авторы которых отказываются от технической доработки публикации; авторы которых не выполняют конструктивные замечания рецензента или аргументировано не опровергают их; представляющие собой отдельные этапы незавершенных исследований.

рассматриваемой в статье проблемы, обоснованность и продуктивность методов исследования, оригинальность постановки и решения проблемы, значимость полученных выводов, логику и стиль изложения, целесообразность публикации статьи⁴. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются размером портфеля журнала, с учетом создания условий для оперативной публикации статьи, но не более 6 месяцев. Редколлегия имеет право на собственное редактирование присланной рукописи без ущерба для ее содержания и авторского стиля. Редколлегия журнала не хранит и не возвращает рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются. Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического или технического уровня.

Редакция журнала руководствуется рекомендациями Международного комитета по публикационной этике (COPE). В соответствии с этим сформированы следующие этические правила сотрудничества редколлегии и авторов.

Для авторов: авторы несут персональную ответственность за содержание материалов, точность перевода аннотации, цитирования, библиографической информации, а также за сведения о себе; подтверждают, что материалы публикуются впервые, не представлены в другие журналы, не содержат плагиат; все лица, внесшие значительный вклад в создание статьи, указаны как соавторы. Авторы имеют право использовать материалы журнала в их последующих публикациях при условии, что будет сделана соответствующая ссылка.

Для редколлегии: журнал не сотрудничает с посредническими организациями и работает напрямую с авторами. В работе с ними редколлегия соблюдает принципы корпоративной этики; редакция журнала оценивает интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, гендерной идентичности, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства или политических предпочтений авторов; неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, не могут быть использованы членами редколлегии в личных исследованиях без письменного согласия автора(ов); если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.

Для рецензента: рецензент обязан давать объективную оценку, ясно и аргументировано выражать свое мнение; рецензентам следует выявлять значимые опубликованные работы, соответствующие теме и не включенные в библиографию к рукописи. Рецензент должен также обращать внимание главного редактора на обнаружение существенного сходства или совпадения между рассматриваемой рукописью и любой другой опубликованной работой, находящейся в сфере научной компетенции рецензента; рецензенты не должны участвовать в рассмотрении рукописей в случае наличия конфликтов интересов вследствие конкурентных, совместных и других взаимодействий и отношений с любым из авторов, компаниями или другими организациями, связанными с представленной работой.

⁴ Копии рецензий направляются в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию соответствующего запроса.

При оформлении обложки использована
репродукция работы Ирины Владимировны Дмитревской
«Полевой букет»
(картон, акварель, 21 x 29 см)
из личного архива Г. С. Смирнова

Сетевое издание

НООСФЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Российский научный журнал

2025. Вып. 4

[12+]

Директор издательства *Л. В. Михеева*

Корректор *В. А. Киселева*

Технический редактор *И. С. Сибирева*

Дата размещения на сайте 30.12.2025.

Уч.-изд. л. 7,0. Объем 5,7 МБ

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ISSN 2307-1966

**NOOSPHERIC
STUDIES**
ONLINE EDITION

2025

4